

А. М. САХАРОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСТОРИИ
СССР

ДОСОВЕТСКИЙ
ПЕРИОД

А. М. САХАРОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СССР

ДОСОВЕТСКИЙ
ПЕРИОД

*Допущено Министерством
просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов
исторических факультетов
педагогических институтов*

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1978

902.9
С22

Рецензенты:

кафедра истории СССР Воронежского государственного педагогического института; доцент
О. В. Волобуев.

С22 Историография истории СССР. Досоветский период: Учеб. пособие.— М.: Высш. школа, 1978.— 256 с.

В пособии рассматривается история развития исторической науки в дореволюционной России. Характеризуются основные этапы и направления. Книга завершается анализом трудов основоположников марксизма-ленинизма в области истории нашей страны как высшего достижения научной исторической мысли.

С $\frac{10604-142}{001(01)-78}$ — 10—78

902.9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей курс лекций посвящен изучению истории нашей страны (преимущественно феодального периода) в досоветской историографии. В этом курсе нет систематического изложения всего программного материала, внимание сосредоточено на общих, проблемных вопросах истории исторической науки, а также на анализе некоторых сложнейших проблем с более обстоятельным привлечением материала источников — в данном случае произведений исторической мысли. Сжатость объема не позволила анализировать имеющуюся литературу по освещаемым в курсе темам¹.

Методические указания к курсу издавались несколько раз — мы отсылаем к последнему по времени изданию². Программа курса, единая для университетов и педагогических институтов, разработана под редакцией чл.-корр. АН СССР проф. И. Д. Ковальченко³.

¹ См.: Историография истории СССР. Учебник для вузов. Под ред. В. Е. Шлерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1971.

² Сахаров А. М. Историография истории СССР. Методические указания для студентов-заочников исторических факультетов государственных университетов. Изд. 4-е. М., 1973.

³ Историография истории СССР. Программа для студентов исторических факультетов педагогических институтов. М., 1975.

ЛЕКЦИЯ 1

Задачи, предмет и метод историографии

Слово «историография» происходит от двух древнегреческих слов: «история», что значит «повествование о чем-либо», и «графо», что значит «пишу». Таким образом, буквально историография означает «письменный рассказ о прошедшем». И действительно, историки долгое время назывались историографами.

Но в наше время термин «историография» в смысле «написание истории» почти не употребляется. Под историографией чаще всего понимается совокупность трудов, посвященных каким-либо историческим проблемам или отдельным вопросам. Историографические обзоры и справки стали обычной частью трудов в области истории — от студенческих работ до докторских диссертаций и коллективных обобщающих трудов. Это и понятно: чтобы определить задачи исследования, необходимо обстоятельно выяснить, что уже сделано в науке по этому вопросу, определить достоинства и недостатки предшествующего изучения.

Чтобы правильно оценить состояние проблемы в науке, нужно не только знать точки зрения, возникшие в ходе ее изучения, но и прежде всего понимать, почему возникали, менялись, боролись между собой различные взгляды как на данную проблему, так и на прошлое в целом. Поэтому основой историографии отдельных проблем является история исторической науки в целом.

Наш курс историографии посвящен истории исторической науки в нашей стране, и, употребляя термин «историография», мы будем иметь в виду именно это содержание научной и учебной дисциплины.

Однако традиционное название «историография истории СССР» не вполне точно, потому что в нашем курсе мы не занимаемся зарубежной историографией. Изучение истории СССР в других странах может быть оценено лишь в свете общего состояния исторической науки в разных странах и на разных этапах¹.

Еще одно предварительное замечание состоит в том, что мы, к сожалению, не имеем возможности построить курс истории исторической науки всех народов СССР с достаточной полнотой освещения. Поэтому мы строим наш курс преимущественно на материалах истории русской исторической науки в дореволюционное время. История исторической науки отдельных народов СССР должны быть посвящены специальные курсы или особые лекции в данном курсе, как это и предусмотрено ныне действующей программой.

Итак, предметом нашего курса является история изучения отечественной истории в исторической науке нашей страны.

Оценивая историческую науку в дореволюционной России, мы не можем становиться ни на позиции ее нигилистического отрицания, ни на позиции некритического восприятия ее достижений. Образец марксистского подхода к ее оценке дал В. И. Ленин, когда писал о том, что буржуазные ученые способны «давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики», но что им *«нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии»*. Называя буржуазных ученых «учеными приказчиками класса капиталистов», В. И. Ленин требовал от марксистов «суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и *уметь*

¹ Критика зарубежной историографии по конкретным вопросам истории СССР, в том числе истории исторической науки в СССР, входит в курсы, посвященные зарубежной историографии. Вместе с тем своим содержанием марксистский курс истории исторической науки должен быть направлен против буржуазно-идеалистической методологии изучения истории, являющейся основанием фальсификации всемирно-исторического процесса, в том числе истории СССР.

отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *единую* линию и бороться со *всею* линией враждебных нам *сил* и классов»¹.

Курс историографии призван дать конкретное представление о сущности революционного переворота, совершенного в исторической науке марксизмом, раскрыть значение ленинского этапа в развитии марксистской исторической науки. Изучая историю марксистской исторической науки, мы глубже осознаем значение марксистского понимания истории для революционного освобождения народных масс, для разрешения теоретических и идейно-политических задач в ходе строительства социализма и коммунизма.

Историография обобщает и оценивает более чем полувекской опыт развития советской исторической науки. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС отметил, что «серьезные достижения имеются в философской, экономической, исторической науках», «изживаются отдельные проявления национализма и шовинизма, факты неклассового подхода к оценке исторических событий, проявления местничества, попытки воспевать патриархальщину». Л. И. Брежнев еще раз подчеркнул, что «в борьбе двух мировоззрений не может быть места нейтрализму и компромиссам»².

История исторической науки показывает, какое основополагающее значение для ее прогрессивного развития имеет верность методологическим принципам марксизма-ленинизма, непримиримость по отношению ко всякого рода догматическим и ревизионистским извращениям марксистско-ленинской теории.

Знание истории науки создает надежный заслон против проникновения под видом «новейших» теорий и концепций давно уже пройденных и преодоленных идей в области методологии познания, а также в оценке отдельных явлений и процессов прошлого. Историография не просто показывает, когда, как и какие возникали концепции, но и раскрывает внутренние закономерности развития исторической науки. Определение этих закономерностей позволяет глубже понять значение победы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 363—364.

² Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976. с. 531—534—535, 533.

социалистического строя для развития исторической науки и более перспективно руководить этим развитием.

Исторические знания всегда были важнейшей составной частью духовной жизни всякого общества. Изучая историографию, мы видим, с одной стороны, неразрывную связь изучения истории с общественной практикой, с решением классово-политических задач современности, с другой — мы можем полнее оценить содержание идейно-политических программ классов и партий, а также исторической основы произведений художественного творчества.

Историографии, как и всей исторической науке, принадлежит важная роль в современной идеологической борьбе двух общественно-политических и социально-экономических систем. Историография вооружает знанием того, как возникла и развивалась буржуазная историческая наука, какие этапы в своем развитии она проходила, и тем самым помогает понять ее современный этап, современное состояние.

Наконец, историография имеет большое воспитательное значение. История науки оказывает большое влияние на формирование творческого начала у молодого исследователя, вырабатывает твердость научных убеждений, умение обосновывать и пропагандировать материалистическое, марксистско-ленинское понимание истории.

В системе высшего исторического образования курсу историографии принадлежит особо важное место как одному из компонентов теоретической и методологической подготовки будущего специалиста-историка. Этот курс сложен: он требует хорошего знания методологических, общеполитических и специальных дисциплин. Изучая какую-либо историческую концепцию, надо хорошо представлять себе как ту эпоху, в которой эта концепция вырабатывалась, так и ту эпоху, которой она посвящена. Нельзя полно оценить труды Карамзина, Соловьева, Ключевского, не зная, с одной стороны, истории общественно-политического развития России в XIX в., с другой — истории России феодальной эпохи. Нельзя оценивать современный этап изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции, не зная самой истории революции. Нельзя понять всю глубину критики В. И. Лениным буржуазных и мелкобур-

жуазных теорий исторического развития России, и эти теории и тех исторических явлений, которым они посвящены. К этому надо добавить, что для оценки исторических концепций необходимо располагать знаниями из области источниковедения, чтобы видеть состояние источниковой базы этих концепций; из истории философии, чтобы видеть теоретическую основу этих концепций.

Для овладения курсом историографии необходимо прежде всего глубоко изучить труды основоположников марксизма-ленинизма, посвященные как отечественной истории, так и методологии исторического познания. Во всей полноте должна быть усвоена ленинская концепция истории нашей страны.

Исторические знания и представления органически входят в духовную жизнь всякого общества. Многообразны произведения духовной культуры, посвященные истории, — поэмы и романы, картины и оперы, учебники и мемуары, экспозиции в музеях и труды исследователей-историков, популярные книги о прошлом, устные рассказы и пр. Образная и научная форма познания сосуществуют в духовной жизни общества, оказывают немалое воздействие друг на друга, создают в совокупности исторические представления общества на каждом этапе его развития. В 1968 г. Л. В. Черепнин опубликовал монографию об исторических взглядах классиков русской литературы, в которой подчеркнул закономерность и необходимость «при изучении русской историографии XIX в. уделить специальное внимание историческим взглядам русских писателей и прежде всего классиков литературы»¹.

Очевидно, нельзя изолировать научное познание прошлого от других форм этого познания, но и смешивать его с ними тоже не следует. Наука, «которая во всех областях знания показывает нам проявление основных законов в кажущемся хаосе явлений»², есть особая форма общественного сознания. Ф. Энгельс указы-

¹ Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968, с. 3.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 46.

вал на превращение исторических знаний в науку¹. Эту грань следует понимать не только в хронологическом отношении (XVIII век), но и в смысле выделения научного познания прошлого из всех других видов и форм этого познания. Знание становится наукой вместе с формированием теоретического подхода к истории, с началом исследования источников и, следовательно, критики исторического материала. Степень этого сознания, разумеется, различна на разных этапах развития исторической науки, но оно существует с самого начала исторической науки, воплощая процесс поступательного развития человеческого знания, его приближение к объективной истине. Будучи тесно связанной с решением общественно-политических задач современности, историческая наука не может быть отождествлена с общественно-политической мыслью. У науки свои приемы и методы познания. Граница между научным и другими формами познания прошлого проходит через метод познания. «Профессиональный» (по образованию и роду занятий) историк оказывается иногда за пределами научного метода своего времени. И наоборот, так называемые «непрофессионалы» нередко выдвигали новый подход к изучению истории, передовую методологию, основанную на более высокой теоретической основе. История исторической науки свидетельствует, например о громадном вкладе в развитие научных методов познания истории и оценок событий представителей революционной общественной мысли и революционного движения.

Совершенно исключительное значение для развития исторической науки имели труды основоположников марксизма-ленинизма, которые открыли новое, подлинно научное, материалистическое понимание истории. Труды основоположников марксизма-ленинизма, выдающихся деятелей мирового коммунистического и рабочего движения, документы Коммунистической партии Советского Союза, других марксистско-ленинских партий прямо и непосредственно входят в процесс развития марксистско-ленинской исторической науки.

История исторической науки — историография — есть прежде всего история научного познания истории. Историческая наука, в ее развитии — вот предмет историографии. Конечно, для познания этого процесса ис-

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 598—599.

торнографу приходится держать в поле зрения много различных форм исторического познания.

Историческая наука представляет собой, как отмечает М. В. Нечкина, часть истории культуры¹, последняя же порождается условиями исторического развития общества. Речь идет о тех потребностях общественной практики, которые заставляли обращаться к прошлому, о тех условиях для его познания, которые создавались уровнем общественно-экономического и идеологического развития общества. Как отмечает А. И. Данилов, «определяющим фактором здесь является политическая идеология», «социальный заказ», определенных общественных классов, политических партий и группировок². Правда, такая связь между общественно-политическими интересами классов и научными исследованиями в области истории в буржуазной науке субъективно осознается учеными далеко не всегда, но объективно выработка исторических концепций и взглядов в любом обществе в конечном счете всегда имела классовый, партийный характер. Виднейший буржуазно-либеральный историк XIX в. С. М. Соловьев, не поднимаясь еще до понимания классового характера исторической науки, тем не менее ощущал ее связь с современностью, с общественной практикой, когда писал: «Жизнь имеет полное право предлагать вопросы науке, наука имеет обязанность отвечать на вопросы жизни»³. Выявление «вопросов жизни» к истории, преломляемых через классово-политические интересы, представляет собой необходимый начальный этап изучения каждого этапа истории исторической науки.

Далее, необходимо выявить условия для изучения истории, которые существовали в изучаемое время. Характеризуя объективные условия, мы обращаем внимание прежде всего на политику господствующих классов и правительств по отношению к исторической науке, которая выражалась в организации системы научных учреждений и исторического образования, системы подго-

¹ См.: Нечкина М. В. О периодизации истории советской исторической науки. — «История СССР», 1960, № 1, с. 81.

² См.: Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии. М., 1958, с. 3—6.

³ Соловьев С. М. Собрание сочинений. СПб., изд. «Общественная польза», б/г, стб. 887.

товки кадров историков и их социальном составе, в условиях выявления, сохранения и использования исторических источников, возможностях публикации исторических трудов и распространения исторических знаний в разных социальных слоях.

Выдвижение новых задач и создание новых условий для изучения истории не означают, что всякий раз изучение прошлого начинается как бы «с нуля», что каждое поколение изучает заново для себя всю историю прошлого и «подгоняет» ее под свои потребности, как это утверждают сторонники современного буржуазного «презентизма». Такой подход отрицает самую возможность поступательного движения в процессе познания объективной действительности исторической науки. В действительности познанию свойственна относительная самостоятельность. «Раз возникнув, — писал Ф. Энгельс, — всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией, то есть не имела бы дела с мыслями как с самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам»¹. Исторический «идеолог... располагает в области каждой науки известным материалом, который образовался самостоятельно из мышления прежних поколений и прошел самостоятельный, свой собственный путь развития в мозгу этих следовавших одно за другим поколений»².

Историк всегда располагает известным материалом, который образовался в ходе предшествующего развития исторической науки. Этот материал содержит не только накопленные ранее факты, но и оценки, выводы, концепции. Даже если историк имеет дело еще с неизучавшимся историческим материалом, как это имеет место при исследовании новейшей, близкой к современности истории, он так или иначе связан с традицией предшествующего развития исторической науки. «Во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой. Но изменения, происходящие в этом запасе представлений, определяются классовыми, следовательно, экономическими отношениями людей, дела-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 313.

² Там же, т. 39, с. 83.

ющих эти изменения»¹. В этих словах Ф. Энгельса содержится ключ к пониманию соотношения внешних объективных и внутренних факторов развития исторической науки. Наука имеет запас знаний и идей, который не исчезает с изменением общественно-экономических условий. Но этот запас подвергается коренному изменению в ходе общественного развития, в ходе борьбы классов. Современность вторгается в науку, изменяет ее состояние, и это обеспечивает ее дальнейшее развитие. «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, не скептическое отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике, ... нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного»². Ни механическое отрицание прошлого науки, ни столь же механическое восприятие его не соответствуют объективному процессу развития научного познания, обусловленному как внешними, так и внутренними его условиями.

Перейдем теперь к рассмотрению тех факторов, которые составляют собственно развитие исторической науки. Выделение этих факторов имеет чисто условное значение, потому что они тесно взаимосвязаны между собой и действуют не в той логической последовательности, в которой их можно представить³.

Если историческая наука развивается в органической связи с решением задач общественной практики, то изменения в состоянии науки должны начинаться в той ее сфере, которая прежде всего реагирует на «вопросы жизни». Такой сферой является *проблематика*. Интерес общества к своему прошлому всегда избирателен, он зависит от того, какие вопросы современность выдвигает к прошлому. Давно уже в периоды борьбы с внешними врагами на первый план выходят вопросы военной истории, в революционные эпохи обостряется интерес к революциям прошлого, оживление связей с другими странами выдвигает задачу изучения их истории и т. п. Новые явления социально-экономической жизни также влияют на проблематику исторических иссле-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 315—316.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.

³ Впервые это было сделано Л. В. Черепинным в его курсе лекций «Русская историография до XIX в.», М., 1957. Мы предлагаем видоизмененный вариант схемы Черепинина.

дований, привлекая внимание ученых к новым для них аспектам прошлого. Так, очевидное влияние экономического развития XIX в. на ход политических событий поставило перед историками задачу выявления роли экономики в прошлом, а появление на исторической арене рабочего класса и его борьба против буржуазии привели к тому, что «новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что вся прежняя история была историей борьбы классов»¹.

Коренным образом изменила проблематику исторических исследований победа Великой Октябрьской социалистической революции, выдвинувшая на первый план историю революционно-освободительного движения, историю народных масс. На современном этапе коммунистического строительства силы историков, естественно, сосредоточиваются на решении важнейших задач изучения истории советского общества и мирового революционного процесса.

Развитие проблематики приводит к структурным изменениям в самой исторической науке, ее дифференциации, появлению новых областей, усилению связей со смежными науками. Расширение проблематики вызывает соответствующее расширение *источниковой базы* науки, так как последняя создается, как правило, в результате целенаправленного поиска ученых. Случайные находки представляют собой исключение, подтверждающее правило, которое состоит в том, что находят то, что ищут. Состояние исторической базы — важнейший фактор исторической науки, потому что история — наука конкретная; ее выводы, оценки, концепции возможны только на базе строго установленного фактического материала². Но «увидеть факт часто бывает возможным только под определенным углом зрения — в свете его объяснения... Факт отражения в тексте той или иной идеологии может быть вскрыт только тогда, когда мы

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 25—26.

² Выявление, установление достоверности и сохранение фактов прошлого представляют собой специфическую задачу исторической науки не только потому, что факты необходимы для научного исследования процесса общественного развития, но и потому, что факты прошлого имеют огромное значение в духовном самосознании общества, несут в себе громадный воспитательный «заряд», аккумулируют социальный опыт человечества.

уже в известных пределах знакомы с этой идеологией. Факт отражения в памятнике классовой борьбы и... быть вскрыт только тогда, когда исследователь знаком с тем, что представляет собой классовая борьба на данном этапе исторического развития»¹. Следовательно, установление факта в науке связано с определенным теоретическим мышлением, являющимся характерной чертой научной формы познания.

Если для истории науки важно, что изучалось, то еще более важно, как изучалось. Мы имеем здесь дело с анализом «способа производства»² науки, с самым главным и определяющим фактором в истории науки — ее методом. Развитие методологических принципов познания прошлого определяется также воздействием современности на познавательный процесс. Современность дает более глубокое понимание всего хода истории с точки зрения его результатов. Общественная практика есть критерий правильности исторических теорий, и с позиции общественной практики общество совершенствует свою теорию познания прошлого³.

Итоговой целью историографического изучения является установление и анализ концепции, т. е. системы взглядов и оценок исторических явлений и процессов. Выработанная исследователем (или группой исследователей, образующих направление в науке) на основе изучения источников с определенных теоретических позиций научная концепция является главным фактором в истории науки. Концепция придает историческим фактам внутреннюю связь, превращает их в ту «упрямую вещь», о которой писал В. И. Ленин, формулируя требование «брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения»⁴. Именно анализ концепции, синтезирующей в себе все факторы научного познания, состав-

¹ Лихачев Д. С. Текстология. М.—Л., 1962, с. 36—37.

² К. Маркс и Ф. Энгельс говорят о «производстве сознания», о «средствах духовного производства», находящихся у «класса, имеющего в своем распоряжении средства материального производства», о «производстве и распределении мыслей своего времени» — см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 36, 46.

³ Подробнее см.: «История и общество» (доклад советской делегации на XIV Международном конгрессе исторических наук. — «Вопросы истории», 1977, № 1).

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.

ляет существо историографического исследования. Методология научного исследования может быть оценена и понятна лишь в ее конкретном воплощении — в исторической концепции.

Анализ концепции позволяет оценить место и значение данного направления в общественно-политической жизни. Если мы начинаем историографическое исследование с выяснения «вопросов жизни» к познанию прошлого, то и завершаем его оценкой того, каким образом наука (данное направление в науке) ответила на эти вопросы, каким образом, в интересах какого класса участвовала в решении задач общественной практики, в определении перспектив и целей движения в будущее. В этом смысле история, какой бы отдаленной эпохой она ни занималась, такая же «практическая», как и всякая другая наука.

Именно историография как история исторической науки раскрывает органическую связь между изучением истории и современностью во всех аспектах и конкретных проявлениях этой связи.

Периодизация истории исторической науки, как и всякая периодизация, условна. Это вытекает не только из особенностей объекта исследования («все вообще грани в природе и в обществе, условны и подвижны, относительны, а не абсолютны»¹), но и из особенностей мышления. Характеризуя особенность научного изображения исследуемого процесса, В. И. Ленин писал: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, углубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и **всякого** понятия»². Движение исторической науки есть движение понятий, и как таковое оно подвержено тем особенностям выражения его в мышлении, о которых говорит В. И. Ленин.

Так как самым главным фактором в процессе познания является его методология, то и этапы развития науки различаются по изменениям метода исследования, по смене мировоззренческих принципов познания и осмысления прошлого. В свою очередь, смена мировоззренче-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 233.

ских схем обусловлена процессом развития и смены общественно-экономических формаций. По хронологического совпадения рубежей здесь быть не может. Играть свою роль относительно самостоятельность идеологии и научного мышления. Идеологические системы возникают нередко с зарождением элементов нового в недрах старого общественного строя и играют активнейшую роль в борьбе за утверждение нового; овладев массами, они играют роль «материальной силы» в этой борьбе. Историческим знаниям принадлежит большая роль в идеологических системах, и с возникновением и изменением последних происходят существенные изменения в методах выявления и осмысления исторического материала.

Так как каждый крупный этап в развитии науки связан с развитием определенных классов общества, то названия характерных для этих этапов научных направлений обычно отражают их объективную классовую сущность: феодальная, дворянская, буржуазная и тому подобная историография. В истории науки направления далеко не всегда выступают в чистом виде, они имеют разные модификации. Поэтому исследователи прибегают к дополнительным, как бы оттеночным определениям («буржуазно-помещичья», «мелкобуржуазная» и тому подобная историография).

Периодизация истории науки, как и всякого другого исторического процесса, имеет также и более дробную, как бы «подпериодизацию», выявляющую движение науки в пределах каждого большого периода. Так, внутри периода дворянской историографии в России отчетливый рубеж составляют перемены, обусловленные возникновением революционного движения, внутри периода буржуазной историографии — в связи с отменой крепостного права, внутри советской историографии — в связи с построением основ социалистического общества в 30-х годах.

Развитие исторической науки определяется развитием общества, но имеет при этом свою специфику, находящую отражение в периодизации истории науки¹.

¹ О предмете и содержании историографии как науки и учебной дисциплины см. также: *Нечкина М. В.* История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки). — В кн.: *История и историки. Историография истории СССР*. М., 1965;

**Возникновение исторических знаний
и их развитие в донаучный период
(с древнейших времен до второй половины XVII в.)**

Древнейшей формой накопления знаний о прошлом были устные предания. Характеризуя устное народное творчество, Б. Д. Греков отмечал: «Былины — это история, рассказанная самим народом. В них могут быть неточности хронологического порядка, смещения исторических событий и деятелей. Но главное в них остается верным — оценка событий. Она и не могла быть иной, потому что народ был субъектом истории и сам оценивал смысл происходивших событий»¹.

В первобытном обществе устные предания нередко приобретали характер религиозных культов, благодаря чему происходила консервация определенной традиции знаний о событиях прошлого, облекавшихся при этом в мистическую оболочку. С усложнением общественных отношений первобытнообщинного строя знания о прошлом родо-племенная знать все более использовала в своих интересах. Родовые предания и связанные с ними культы утверждали положение родов и племен среди соседей, авторитет знати. Тем самым знания о прошлом участвовали в крупнейшем социальном процессе — формировании классового общества. Таковы, например, древние предания о легендарном основателе Армении — богатыре-луконосе Хайке, освободившем свою страну от ассирийцев. Таково восточнославянское предание о полянском князе Кие, основавшем город Киев и ставшем первым князем на Руси.

Возникновение письменности имело громадное, трудно переоцененное значение для исторического знания, потому что оно дало гораздо более надежную возможность

Сахаров А. М. О предмете историографических исследований. — «История СССР», 1974, № 3; он же. О некоторых вопросах историографических исследований. — «Вестник Московского университета». Серия «История», 1973, № 6; он же. О построении и содержании курса историографии истории СССР. — В кн.: Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975; Городецкий Е. Н. Историография как специальная отрасль исторической науки. — «История СССР», 1974, № 4.

¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 6.

фиксирования и устойчивой передачи последующим поколениям информации о событиях и явлениях. Но письменность появилась тогда, когда человечество уже переходило от первобытнообщинного строя к классовому, когда начиналась эпоха цивилизации. Письменность, как и вообще знание, оказалась сосредоточенной в руках господствующего класса¹, нуждавшегося в идеологических средствах обоснования своего господства. В среде господствующего класса, прежде всего духовенства, появились группы людей, специально занятых книжным делом, и в том числе составлением исторических сочинений. С принятием христианства в феодальных землях устанавливалась монополия церкви на создание духовных ценностей, мысли господствующего класса становились господствующими в обществе мыслями². Прежние традиции и предания, вышедшие из недр первобытнообщинного строя, приобретали новую интерпретацию в составе новых письменных исторических сочинений.

В конце IV в. Месроп Маштоц изобрел армянский алфавит, что дало возможность распространения христианского вероучения в Армении на родном языке, а в дальнейшем сыграло огромную роль в развитии армянской культуры. В 40-х годах V в. монах Корюн написал «Историю святого Маштоца» — одно из самых ранних произведений письменной армянской истории. Проникнутое христианской идеологией, оно сосредоточивает внимание на распространении христианства и проповеди христианского вероучения, излагает «подвиги» своего героя. Для этого сделаны некоторые хронологические выкладки, описаны некоторые события. Развитие исторической жизни общества, его ускорение и усложнение вели к расширению предмета и содержания исторических произведений.

В конце V в. Мовсес Хоренаци написал «Историю Армении», используя сочинения античных историков и местные предания. Как и греческие историки, Мовсес считал историю средством воспитания на поучительных примерах.

Если в раннефеодальной армянской историографии мы можем увидеть известное сходство с античной историографией, то в последующее время, когда Армения

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 186—187, 293.

² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 45—47; т. 7, с. 360.

подверглась нашествию арабских завоевателей, условия для развития исторической мысли осложнились. Но наиболее значительным отражением исторических событий в те времена явился народный эпос «Давид Сасунский», прославлявший героев борьбы против арабского владычества.

Во многом сходным было развитие исторической мысли в раннефеодальной Грузии, где оно также началось с создания церковно-религиозных произведений, так называемых «мученичеств», а также «житий», содержащих известный реальный исторический материал. Подъем грузинской культуры после арабского господства обусловил создание крупных произведений исторической мысли. «Летопись обращения Картли» (IX в.) посвящена распространению христианства в Грузии.

Военно-феодальные хроники свойственны раннефеодальной исторической мысли в различных странах. В Средней Азии после арабского завоевания письменность и, следовательно, исторические произведения, развивались на арабском языке. Это придворные хроники, воспевающие правителей и религию — ислам.

У восточных славян письменные исторические сочинения также возникли в раннефеодальное время. Это были летописи, в которых события располагались по годам (летам). Хронологическая, летописная форма расположения материала диктовалась, с одной стороны, происхождением исторической информации, которая накапливалась в виде ежегодных записей событий, ведшихся в церквях, монастырях, при дворах князей и других правителей. С другой стороны, при господстве религиозного мировоззрения, оставлявшего за богом главную причину всего происходящего на земле, связь между событиями ранее всего воспринималась во внешней временной их последовательности — что было раньше, что потом. Но само установление хронологии событий, над чем задумывались летописцы-историки в самом начале создания письменных исторических произведений, было шагом вперед на долгом пути познания хода событий. В летопись включались разного рода сказания, предания, повести, которые составитель обычно старался приурочить к какому-либо году.

Утверждение феодального строя, образование государства и органически связанное с этими процессами утверждение христианства стимулировали и создавали ус-

ловия для относительно быстрого и блестящего подъема культуры древнерусского общества, что создавало основу для нового этапа в развитии исторических знаний. Церковно-политические связи Киева с Византией способствовали знакомству с высокоразвитой византийской культурой, сохранившей в себе эллинизированные остатки античной культуры. Так как первые книги имели религиозное содержание, средневековые правители, светские и духовные, были заинтересованы в том, чтобы их положение, их дела были также «освящены» книгой, являлись прямым продолжением так называемой «священной» истории. Нераздельность «священной» и «гражданской» историй, основывающихся на религиозном мировоззрении, служила политическим интересам феодальных правителей.

В Киевской Руси летописание началось в XI в., может быть, даже в конце X в., одновременно с введением христианства. На протяжении XI в. было создано несколько летописных сводов, что подготовило знаменитую «Повесть временных лет» — крупнейшее произведение древнерусской историографии. Построение, принципы отбора и интерпретации материала, идеологическое и политическое назначение «Повести» характерны для раннесредневековой русской исторической мысли.

«Повесть временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Русская земля стала есть» была создана в начале XII в., когда величие и сила древнего Киева стали уходить в прошлое. Наступало закономерное и прогрессивное для своего времени разделение Руси. Киевским властителям очень важно было подкрепить свое начавшее колебаться положение авторитетным историческим свидетельством. По-видимому, автором «Повести временных лет» был монах Киево-Печерского монастыря Нестор, известный как автор житий основателей этого монастыря.

В заглавии этого исторического труда отчетливо видна его цель: показать происхождение Русской земли в единстве с происхождением киевской княжеской власти. Русская земля «стала есть» в неразрывной связи с тем, «кто в Киеве нача первее княжити». История Русской земли и история киевской княжеской власти — вот «проблематика» историка начала XII в., обозначенная им в заглавии. Через всю «Повесть» красной нитью про-

ходит еще один сюжет — утверждение христианства на Руси и связанные с этим пропаганда христианского вероучения, борьба с язычеством.

Круг используемого автором материала обширен и своеобразен. Летописи предшествующего времени — далеко не единственный, хотя и очень важный, источник исторической информации автора «Повести». Сюда относятся повести о крещении Руси, о Борисе и Глебе, «Поучение» Владимира Мономаха. Автор использовал предания с отсутствием точных дат, рассказы очевидцев. В числе его источников — греческие хроники и другие книги, в том числе географического содержания, а также договоры Руси с Византией. И конечно, не только равноправным, но и особенным по значению для монаха-летописца является Библия. Рассказ о «сотворении мира», правда, опущен. Изложение начинается с того, как «по потопе» сыновья Ноя «разделиша» землю, и доводится до современности, чтобы авторитетом «священного» прошлого освятить настоящее.

Автор начала XII в. не только подбирал, но и интерпретировал источники в соответствии со своей мировоззренческой концепцией. Для того чтобы выстроить сплошную цепь повествования, он использовал материалы явно нехристианского происхождения. Таково, например, предание о смерти князя Олега, которое, возможно, привлекло внимание автора еще и своей поэтичностью. Это предание имеет откровенно языческий характер: Олег оказывается наказанным за то, что не поверил предсказанию языческих жрецов-кудесников. Но христианский автор летописи снабдил рассказ о смерти Олега рассуждением о том, что бывает, конечно, когда и кудесники оказываются правыми, но это не должно смущать верных христиан — то господь бог испытывает крепость веры.

В других случаях автор дает как бы «внутреннюю критику» источника опять-таки с определенных мировоззренческих позиций. Отвечая на один из главных вопросов своего повествования: «кто в Киеве нача первее княжити», летописец рассказывает о полянском князе Кне, положившем начало роду киевских князей. Но существовала и другая версия, согласно которой Кий был вовсе не князь, а простой лодочник, перевозивший людей на другую сторону Днепра в этом месте, и «людие гла-

голаху на перевоз на Киев»¹, откуда и произошло название города. Автор приводит и эту версию, *былую*, видимо, достаточно распространенной и оспаривавшую честь основания стольного города у полянского князя. Но людей, распространявших эту версию, автор сразу же называет «несведущими» и опровергает их убеждения таким кажущимся ему неопровержимым доводом: если бы, говорит автор, Кий был не князь, а простой лодочник, разве принял бы его с почетом византийский император. Хотя автор тут же признает, что не знает, когда и при каком императоре это произошло, самый факт приема не вызывает у него никакого сомнения.

Достоверность сообщаемой информации автор подтверждает ссылкой на вещественные, топонимические или «этнографические» остатки. От поездки княгини Ольги остались сани, которые и доныне стоят в «Плескове» (Пскове). О Кие, Щеке и Хориве и сестре их Лыбеди свидетельствуют названия киевских урочищ и речки. Важный для общей концепции автора, но совершенно легендарный даже с точки зрения библейской традиции рассказ о путешествии апостола Андрея по Русской земле автор подтверждает вложенным им в уста мифического Андрея детальным рассказом о виденной будто бы и очень поразившей его русской бане. Вероятно, и в начале XII в. в Киеве встречались с удивлением иноземцев, видевших русскую баню. Тем самым рассказ об апостоле Андрее приобрел как бы бытовую достоверность. В некоторых случаях автор ссылается на лиц, от которых он слышал рассказ о событиях, — «старца» Яна Вышатича, новгородца Гюраты Роговича².

Имеются в «Повести» прямые ссылки на хронику Георгия Амартола и другие греческие источники. Что касается библейского рассказа о разделении земли между сыновьями Ноя, то этот рассказ без всяких оговорок включается в повествование, его достоверность считается само собой разумеющейся, как и другие «факты» «священной» истории.

Летописец был по своему мировоззрению providentialистом (от слова «провидение»). Как говорит Ф. Энгельс, «верховное господство богословия во всех обла-

¹ «Повесть временных лет», ч. 1. М.—Л., 1950, с. 13.

² Там же, с. 186, 167.

стях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»¹. Отдавая божественным силам, «провидению» роль определяющего начала, верховной первопричины всех событий и поступков, средневековый провиденциализм в наивной и извращенной форме угадывал наличие какой-то лежащей вне человеческого сознания и боли непознанной силы, считая такой силой божество. Система явлений, образованная провиденциализмом, была последовательно идеалистична и агностична.

Это не значит, что познание вообще не развивалось. Будучи скованным провиденциалистским мировоззрением, средневековый мыслитель, писатель, историк не мог в силу имманентной закономерности человеческого мышления не стремиться к познанию реального мира, хотя бы и прикрытому религиозной оболочкой. Как отмечает Л. В. Черепнин, «богословское мировоззрение органически присуще летописцу, оно накладывает отпечаток на всю его концепцию, что вовсе не исключает конкретности, образности и жизненности сделанных им отдельных исторических зарисовок, его практического подхода к действительности»². Конкретность, жизненность и образность присутствуют в летописании древней Руси, но они зачастую покрыты религиозными рассуждениями и поучениями, ссылками на волю провидения. События изображались происходящими по воле бога, а те, к которым автор, выражая интересы своего класса, относился отрицательно, — как происходящие «по дьяволю наущению».

Соответственно этому изображались и люди, круг которых в изображении летописца ограничен, как правило, князьями, митрополитами, епископами, княжескими слугами. Д. С. Лихачев пришел к выводу о существовании своеобразного «литературного этикета» в литературе древней Руси, в том числе и летописании³. Согласно этому этикету, положительный (с точки зрения

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 360—361.

² Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. М., 1957, с. 43.

³ См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1959, с. 64—67.

политической позиции летописца) персонаж изображается как христианский подвижник, все действия и поступки которого пропитаны верой в бога, послушанием церкви и следованием ее правилам. Наоборот, отрицательный персонаж, как, например, убивший братьев князь Святополк, прозванный Окаянным, представляет средоточие всех пороков, осуждаемых церковью, он даже родился «от греховного корени»¹. Изображение князя Владимира Святославича с его изменяющейся характеристикой — редкое отступление от шаблона, но и оно целеустремлено опять-таки к пропаганде религиозного вероучения. Князь-язычник становится идеальным христианином, вводит на Руси христианство и причисляется впоследствии к лику не просто «святых», но «равноапостольных». Эта разительная перемена, переход в прямо противоположное состояние, без всяких полутонов, является результатом воздействия христианства, сила которого так велика, что переделывает даже закоренелого язычника.

Человек своего времени и своего класса, летописец с религиозных позиций защищал утверждавшийся строй новых общественных отношений — феодальных, классовых. Его осуждение вызывали народные выступления и восстания против князей и властей.

И тем не менее в летописи, в том числе в «Повести временных лет», есть и конкретность, и жизненность, и образность. Она шла от вошедших сюда преданий, хотя и по-новому интерпретированных, внехристианских произведений народного творчества, от конкретных наблюдений над событиями. Автор «Повести» обладал незаурядным литературным вкусом и талантом, знал и чувствовал красоту слова и поэтического образа, горячо любил родную русскую землю, радовался ее славе и глубоко переживал ее несчастья. Он был совсем непохож на пушкинского Пимена, который «добру и злу внимая равнодушно, правдивые сказанья перепишет». Как хорошо показал А. А. Шахматов, «рукою летописца управляли политические страсти и мирские интересы»².

В «Повести временных лет» мы имеем — при всем провиденциализме и в его рамках — цельный взгляд на

¹ «Повесть временных лет», с. 56.

² Шахматов А. А. «Повесть временных лет», т. I, II, 1916, с. XVI.

происхождение и историю Русской земли. Летописец сосредоточивает внимание на истории славян, переходя к славянам восточным, а от этих последних — к наиболее развитому из них племени полян, давшему начало городу Киеву и княжеской власти на Руси. Чем более сужается перед читателем (или слушателем) «Повести» арена исторической жизни, тем более крупным и детальным становится изображение. Киев имеет историческое право на главенство в Русской земле не только потому, что с Киевом связано происхождение княжеской власти на Руси, но и потому, что Киев имеет своего рода божественное предопределение быть главой русских земель. Упомянутый рассказ об апостоле Андрее имеет большую концептуальную нагрузку: апостол Андрей, ученик Христа, будто бы предсказал, проплывая по Днепру мимо киевских холмов, что «на сих горах восияеть благодать божья; имать град велик быти»¹. Вся деятельность киевских князей посвящена служению христианству. Рассказ о принятии христианства занимает центральное место в «Повести временных лет», он обширен и содержит в себе не только историю «выбора веры», показанную в крайне идеализированном виде, в отрыве от реальных, чисто земных, практически-политических обстоятельств принятия христианства, но и изложение основ христианского вероучения (в православной форме), противопоставляемого другим верам. Что касается известного рассказа летописи о «призвании варягов», то давно уже доказано, что рассказ этот, помещенный под 862 г., в древнейших сводах отсутствует. Во всяком случае «Повесть» совершенно определенно называла первого русского князя — им был полянский князь Кий. «Вдумываясь в ...летописный рассказ», Л. В. Черепнин пришел к верному выводу о том, что «смысл его заключается в том, что инициаторами создания государственности на Руси являются сами славяне, хотя для прекращения междоусобий они и были вынуждены призвать пришлых князей»² в условиях обострения противоречий между родами.

Возводя происхождение позднейших князей к легендарному пришельцу Рюрику, киевский историк XII в., по

¹ «Повесть временных лет», с. 12.

² Черепнин Л. В. Русская историкография до XIX в. М., 1957, с. 39.

понятиям того времени, не прилижал, а возвышал авторитет правившей династии: иноплеменное происхождение делало ее «справедливой», так как она не была связана родством ни с какими местными силами. Не следует забывать, что перед нами общество, еще недавно жившее родо-племенным строем, для которого государственная власть — дело исторически новое.

Осуждая усобицы и междукняжеские раздоры, «Повесть» обосновывает значение единой княжеской власти для Руси. Тема Русской земли в борьбе против врагов — особенно печенегов и половцев — красной нитью проходит через «Повесть». Автор обращается к князьям: «Почто вы расприя имати межи собою? А поганин губят землю Руськую»¹. В «Повести» навеки запечатлены подвиги Яна Усмаря и князя Святослава, ужас печенежских и половецких вторжений, мудрый совет Владимира Мономаха с князьями об обороне Русской земли. Так «Повесть временных лет» утверждала единство и славу Русской земли в те времена, когда уже началось ее раздробление. «Повесть» не могла, конечно, остановить внутренне закономерный процесс развития феодального общества. Но она сыграла огромную роль в том, что, когда Русская земля распалась в XII—XV вв., во всех ее частях жило твердое сознание единства Руси, и сознание это поддерживалось общим прошлым. Недаром местные летописи периода феодальной раздробленности начинались с «Повести временных лет», ставшей своего рода классическим произведением древнерусской исторической мысли. Задуманная как средство поддержки притязаний киевских князей на сохранение их господства над всей Русской землей, «Повесть» выполнила гораздо более широкую задачу: она утвердила идею единства Русской земли в сознании последующих поколений, живших во времена жестоких княжеских усобиц и тягчайших испытаний монголо-татарского ига. В формировании самосознания русской народности «Повести временных лет» принадлежала важнейшая роль на протяжении нескольких столетий.

Возвышение княжеской власти на местах в период феодальной раздробленности создавало условия для местного летописания. В XII—XIII вв. значительно увеличилось количество центров летописания. Мы не имеем

¹ «Повесть временных лет», с. 143.

точных сведений о времени возникновения летописания в различных русских землях, и тексты летописей до нас не отовсюду. Известно, однако, что летописи велись в Новгороде и Пскове, Ростове и Владимире, Галиче и Владимире Волынском, в Муроме и Рязани, Переяславле Залесском и Смоленске. Велись личные и семейные летописи (киевских и черниговских князей и бояр). После монголо-татарского нашествия, когда изменилось соотношение политических центров Руси, возникли летописи княжеств Тверского, Суздальско-Нижегородского, Московского и, возможно, других.

Местные летописцы сосредоточивали внимание на событиях в своей земле, не забывая, однако, о единстве всей Руси.

Вместе с тем появились местные, индивидуальные черты в летописании. Эпические черты свойственны повествованию галицко-волынского историка. «Начнем же сказати бесчисленные рати, и великия труды, и частыя войны, и многия крамолы, и частыя восстания, и многие мятежи, измлада бо не бы има покоя», «По сем скажем многи мятежи, великие лести, бещисленные рати» — так начинается он свой рассказ. Южнорусский автор раньше других почувствовал тягостность жестокой погодной сетки изложения событий и заявил: «хронографу же нужна есть писати все и вся бывшая, овогда писати передняя, овогда же вступати в задняя: чьтый мудрый разумеет; число же zde не писахом, а задняя впишем»¹, т. е. приходится иногда забегать вперед, иногда возвращаться назад, поэтому года здесь не обозначаем, потом впишем, умный читатель поймет (а неумному, стало быть, все равно не втолкуешь). Нарушение сетки погодного изложения продиктовано не столько желанием выявить внутреннюю связь событий, сколько требованиями жанра, но шаг из летописной рамки уже принят. Прославляя своих князей, в особенности Даниила Романовича, южнорусская летопись в значительной части посвящена воинской доблести в борьбе с внешними врагами.

Как суховатая военная хроника выглядит псковская летопись с ее подробными описаниями сражений, возведения укреплений, сбора ратей — это и понятно: Псков стоял на страже западных рубежей Русской зем-

¹ ПСРД, т. II, стр. 820.

ли и вел постоянную борьбу со своими воинственными соседями.

Иной характер и новгородских летописей — они скорее похожи на городскую хронiku. Пожары и наводнения, голод и повышение цен на хлеб и другие продукты, вечевые собрания и бурные столкновения между соперничающими группировками, строительство церквей и укреплений, приезд послов из других земель и стран — все эти события городской жизни фиксировали новгородские летописцы, порой отражавшие настроения городских низов. Возникшие в среде феодальной республики, где демократические, народные, светские настроения были более сильны, чем где-либо, новгородские летописи воплотили в себе наиболее светскую струю в исторической мысли периода феодальной раздробленности. Известны имена авторов летописей — приходского священника Германа Вояты и пономаря Тимофея. В новгородское летописание включались законодательные памятники прошлого: «Русская правда», церковные уставы киевских князей и др. Летопись представляла как бы историко-юридический свод материалов (иногда еще и географических), необходимых в повседневной практике политической деятельности. Документ еще не связывается прочно с историческим повествованием.

Владимирские летописи, проникнутые идеей крепкой княжеской власти, имеют подчеркнуто религиозный характер. Божественное провидение выступает как обоснование княжеской власти. Эту традицию восприняло в XIV—XV вв. московское летописание, начавшееся, по видимому, около 1326 г. при первом каменном Успенском соборе, символизировавшем преемственность церковного центра Руси от Владимира к Москве.

Идея самодержавия проводилась в летописании обоих соперничавших между собой за политическое главенство центров — Твери и Москвы, причем в обоих центрах в XV в. заметна тенденция к общерусскому характеру изложения материала.

Летописание было активной силой в политических событиях XIV—XV вв. Летописи широко использовались как в междукняжеской борьбе, так и в отношениях с Золотой Ордой. Сопоставление известий московского и тверского летописания относительно событий борьбы между этими центрами показывает, как обе стороны старались дать тенденциозное их толкование. Князья во-

зипи летопись к ханам, и на их основании добивались обвинения своих противников, как это сделал, например, московский князь Юрий Данилович в отношении своего тверского соперника Михаила Александровича, обвиненного в убийстве ханской сестры.

Таким орудием летопись была и в борьбе Москвы с Новгородом. В московской Троицкой летописи начала XV в. находим любопытную ссылку на другую, не дошедшую до нас летопись — там, где говорится о непокорстве новгородцев, летописец замечает: «И аще хошеши распытовати, разгни книгу летописец великий Русьский, и прочти от великого Ярослава и до сего князя нынешнего»¹. Знатоком летописцев был, видимо, московский дьяк Степан Бородатый, которого Иван III в 1471 г. взял с собой в поход против Новгорода, чтобы участвовать в переговорах с новгородскими боярами. Степан умел «говорити по летописцем русским», знал новгородцем «измены давние, как изменяли великим князем в давные времена»².

Но и новгородцы во время переговоров с Москвой на основании своих исторических произведений — летописей обвиняли Москву в измене давним обычаям, согласно которым московские и другие великие князья никогда не вступались во внутренние дела Новгорода. Система аргументации, следовательно, была однотипной, причем ссылка на старину имела высокоавторитетное значение.

Придание прошлому, традиции, обычаю значения особенного авторитета при решении проблем современности было особенностью феодальной эпохи с ее застойными (по сравнению с последующим временем) формами и темпами социально-экономического, политического и идеологического прогресса³.

Даже тогда, когда летопись обосновывала какие-то новые устремления и идеи, она старалась придать им строгое следование старине, традиции. Московские летописцы XV в. выдвигали московских князей как стоящих во главе всей Русской земли, как прямых наслед-

¹ Приславков М. Д. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, с. 439.

² ПСРЛ, т. VI, с. 192.

³ «Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других». Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 427.

ников киевских великих князей. Соответственно с политическими притязаниями московских князей их летописцы уже с конца XIV в. старались осветить события не только московского княжества, но и всей Русской земли — подобно тому как Дмитрий Донской не только принял на себя защиту своего княжества от монголо-татар, но и повел свои дружины навстречу врагу в пределы соседних земель. Московский автор Софийской летописи не случайно озаглавил свое произведение «Летописец Русьския земли».

Однако летописание Твери еще в XV в. обосновывало самодержавные притязания тверских князей, а псковские летописцы и в XVI в. резко отрицательно отзывались о действиях московского князя, приведших к падению независимости Пскова. Новгородские летописи XV в. сосредоточивали материал о вольностях и славе древнего Новгорода, его независимости.

Если историки в разных землях занимали неодинаковую позицию по отношению к объединительному процессу во главе с Москвой, то они были едины в своем резко отрицательном отношении к монголо-татарскому игу. Русская историческая мысль XIV—XV вв. активно участвовала в развитии освободительной борьбы.

Историческими представлениями были проникнуты, в сущности, все сколько-нибудь значительные произведения письменности на Руси XII—XV вв. Это и «Жития» «святых», и различные повести и сказания об отдельных событиях — «Слово о полку Игореве», сказания о Куликовой битве, Московском восстании 1382 г., о попытке поставить Митяя митрополитом, о Флорентийско-Феррарском соборе и др. Большинство из них было включено по традиции в состав летописных сводов под соответствующими годами, хотя и охватывали события разных лет. Но возникали эти повести уже вне летописей, как самостоятельные сюжетные произведения, посвященные определенному событию. Среди этих повестей особое место занимают «Слово о полку Игореве», «Задонщина» Софония-рязанца, посвященная победе на Куликовом поле. Поэтическое осмысление исторических событий современности отличалось от летописания по характеру подхода к материалу, хотя можно заметить нередко и взаимопроникновение жанров. Историческое содержание «Слова о полку Игореве» заключалось в верной передаче духовного состояния общест-

ва, глубоко озабоченного княжескими усобицами, из-за которых Русская земля терпит поражения в борьбе с опасным врагом — половцами. «Задонщина» построена на контрасте со «Словом о полку Игореве», повествовавшим о поражении Руси от половцев. Это свидетельствует о том, что Куликовская битва осмысливалась в широком историческом плане, как последовавшее спустя полтора века возмездие степнякам за поражение на Калке.

Значительно стал повышаться интерес к истории соседних стран — возникает цикл повестей, связанных с падением Константинополя в 1453 г. Возможно, уже в середине XV в. выходец из Сербии писатель Пахомий Логофет составил первый русский Хронограф — историческое произведение, включавшее сведения не только о Руси, но и о других странах, преимущественно греко-православного мира.

Историческая мысль XIV—XV вв. стала важнейшим элементом процесса формирования русской (великорусской) народности, которая находила свое осмысление прежде всего в исторических произведениях, определяя свое место среди других стран и народов.

В развитии исторических знаний очень большую роль сыграло образование Российского государства в конце XV — начале XVI в. Политические задачи и внутри страны и на международной арене были новыми по своему характеру и требовали обстоятельного идеологического обоснования.

В 1479—1480 гг. в Москве был составлен новый (так называемый Московский) летописный свод, выразивший идею Московского единодержавия над русскими землями, которая звучит, например, в обращении Ивана III к новгородцам: «И от того Рюрика даже и до сего дня знали есте один род тех великих князей, прежде Киевских, до великого князя Дмитрея Юрьевича Всеволода Володимерьского. А от того великого князя даже и до мене, род их, мы владеем вами и жалуем вас и бороним отвселе, а и казнити волны же есмь, коли на нас не по старине смотрити начнете»¹. Здесь мы встречаемся уже с тем выражением, которое обычно связывается с Ива-

¹ ПСРЛ. т. XXV, с. 285.

ном Грозным насчет того, что «жаловати своих холопов вольны, а и казнити вольны есмя же». Иван III думал о своей власти совершенно так же, как и его внук. Но главное в другом: для московского идеолога XV в. понятие «вотчины» великих князей исторически обосновывается преемством их власти от Киева через Владимира к Москве. Перед нами в сжатом виде суть исторических представлений идеологов московской великокняжеской власти в период образования единого Российского государства.

Другая центральная идея Московского свода — борьба за «истинное» христианство против «иноверных» и «неверных». Именно такую оболочку придали в Москве походу против Новгорода, как походу против «веротступников», собравшихся отойти к «латинству», походу, равному по значению борьбе Димитрия Донского с монголо-татарами. Возвышение Москвы и право наследования ею великокняжеского стола объяснялись прежде всего той ролью, которую она сыграла в защите православия и христианской церкви.

С развитием этой тенденции связана идея о «Москве — третьем Риме», сформулированная игуменом Псковского Елеазарова монастыря Филофеем в посланиях великому князю Василию III в 1510—1511 гг., а также великокняжескому дьяку во Пскове М. Мисюрю-Мунехину и великому князю Ивану IV. Филофей рассуждал о том, что существовало три мировых центра христианства — сначала им был Рим, который пал ввиду отступления от «истинного христианства», потом таким центром стала Византия. Но византийские правители тоже изменили христианству, пойдя на унию с католиками в 1439 г. на Флорентийско-Феррарском соборе. Следствием этого явилось скорое падение Византии, завоеванной турками в 1453 г. Москва же не приняла унии, и теперь именно она является мировым центром христианства, единственным законным наследником древнего Рима. С христианско-богословской точки зрения Московское государство представало как венец земной истории мирового человечества.

Историческая версия происхождения власти московских государей излагалась в появившемся в начале XVI в. «Сказании о князьях Владимирских», когда тверской церковный деятель Спиридон-Савва, претендовавший на митрополичий престол, выступил с «Послани-

ем», в котором изложил концепцию преемственности власти московских государей, опирающуюся на легенды, возникшие, возможно, еще в конце XV в. Согласно этим легендам, провозглашенный в свое время «властитель вселенной» римский император Август послал брата Пруса на берега реки Вислы; по имени Пруса подвластная ему земля получила название Пруссии, а Рюрик, призванный новгородцами княжить на Русь, был потомком Пруса. Следовательно, московские правители являются также дальними потомками римского императора Августа¹. Далее эта версия повторяла известный уже тезис о преемственности власти киевских, владимирских и московских князей.

Такая версия силой авторитета исторической традиции утверждала власть московских правителей над всей Русью и вместе с тем в своеобразной форме указывала на принадлежность Российского государства к семье европейских государств — наследников Римской империи.

И так как государственная централизация оказалась теснейшим образом связанной с усилением роли религии и церкви (при всех противоречиях между церковью и государством религиозная идеология в целом и церковно-политические теории, созданные воинствующими церковниками-осифлянами, были взяты на вооружение светской властью), естественно усиление провиденциалистского мировоззрения в исторических сочинениях XVI в. Вмешательство небесных сил в земные события, всякого рода «чудеса» и «знамения», пространные религиозные поучения по случаю тех или иных событий заполняют страницы исторических сочинений XVI в. Это было связано, в частности, с распространением Хронографов, которые некоторые исследователи считают ведущей формой исторических произведений XVI в.

Хронограф 1512 г. и его продолжение, опубликованное С. О. Шмидтом², представляют собой значительное произведение исторической мысли XVI в. как по богатству материала, так и по строгой подчиненности его определенной церковно-политической концепции. Хронограф расширял исторический кругозор русских книжни-

¹ См.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М. — Л., 1955.

² См.: «Исторический архив», т. VII. М., 1951, с. 251—299.

ков XVI в., сообщал сведения о древней истории, «Византии в тесной связи с историей Руси. Всем своим содержанием Хронограф 1512 г. пропагандирует идеи православия и самодержавия, стремится обосновать ведущее положение православной России в христианском мире после падения Византии, а в самой России — процветание религии и выдающуюся роль церкви, освящающей божественную власть государя.

Л. В. Черепнин установил, что в конце XV в. произошло «стягивание архивов ряда оппозиционных феодальных центров в Москву» и что уже в 70—80-х годах XV в. был осуществлен «массовый и окончательный пересмотр формул договорного права», переработаны Новгородские и Псковская судная грамоты «в интересах Москвы, как политического центра Русского государства»; в этих же интересах был уничтожен ряд документов, в том числе духовные грамоты удельных князей¹. Нечто подобное могло произойти и с местными летописями, они были использованы для составления новых исторических произведений в интересах Москвы.

В сводах XVI в. появляются такие сведения, которых мы не находим в сохранившихся до наших дней ранних летописях. В распоряжении авторов исторических сочинений XVI в. были не только местные летописи, широко использованные при составлении новых, действительно общерусских по своему содержанию летописных сводов XVI в. Отчетливо видно привлечение материалов правительственных учреждений и прежде всего Посольского приказа. Результатом всей этой работы было появление в 30—40-х годах XVI в. грандиозных летописных сводов, известных под названиями Никоновской и Воскресенской летописей. Они составлены по-новому: перед нами не механическое соединение текстов, а работа средневековых московских историков, заново организовывавших имевшийся у них материал и придававших ему определенную историко-политическую концепцию. Летописцы стали одновременно редакторами имевшихся у них текстов и составителями речей политических деятелей, включавшихся в летопись для усиления определенной политической концепции. Помимо хрополо-

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Часть первая. М.—Л., 1948, с. 459—460, 183—189.

гической погодной сетки появились (еще ранее) выделенные особыми заголовками отдельные повести и рассказы о крупных событиях. В Никоновской летописи русская история освещена на фоне истории православных стран — Византии, Болгарии, Сербии, что указывало на роль Москвы в православно-христианском мире. Изложение насыщено религиозными поучениями. Новыми явились указания на варианты описания событий в имевшихся у составителей источниках — «от иного летописца». Еще нет выявления достоверности, но уже есть указания на наличие разногласий.

Смысл изложенных летописью официальных представлений о происхождении власти московских великих князей и об отношениях ее с боярством был запечатлен в переданных летописью предсмертных словах Василия III, обращенных к боярам: «От великого князя Володимира Киевского ведется наше государство Владимирское и Новгородское и Московское; мы вам государи прирожденные, а вы наши извечные бояре»¹.

Непосредственно политическое назначение составления исторических произведений проявилось в создании специального «Летописца начала царства», который освещал период 1534—1553 гг. и должен был обосновать политику Ивана IV. «История о Казанском царстве» («Казанский летописец») в выпренной форме воспежала христианский подвиг Ивана IV, поборовшего мусульманскую Казань. «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков» также выдержана в религиозно-поучительной манере, характерной для литературы XVI в.

По инициативе митрополита Макария был создан десяти томный Лицевой свод, куда вошли тексты Никоновской летописи, Хронографа и «Царственной книги». Это был «колоссальный по объему и охвату событий иллюстративный свод всемирной истории, продолжением и венцом которой считалась монархия Ивана Грозного. Чтобы представить себе объем вложенного в свод труда, достаточно сказать, что в десяти его томах нарисовано до 16 тыс. иллюстраций. Это первая русская книга, на страницах которой иллюстрации занимают больше

¹ ПСРЛ, т. XIII, с. 413.

места, чем текст»¹. Необычно большое количество иллюстраций в рукописи должно было сделать ее наиболее доступной для восприятия. Лицевой свод изготавливался, по-видимому, как пособие для образования и воспитания московских царевичей.

Но политическое напряжение было столь велико, что «Летописец начала царства» пришлось исправлять, и стоившее огромного труда многочисленных писцов и художников великолепное произведение средневековой русской книжности, выполненное на роскошной бумаге, оказалось не только не законченным, но и испорченным вставками и пометками. Эти исправления касались событий начала правления Ивана Грозного и должны были усилить обвинения в адрес боярства и тем самым показать справедливость опричной политики Грозного.

В тот же период была составлена «Книга степенная царского родословия», автором которой был, по-видимому, митрополит Афанасий. Здесь изложение велось уже не по годам, а по семнадцати «степеням», или «граням». Исторический материал сгруппирован и связан по периодам правлений князей и митрополитов — от «крещения Руси» до правления Ивана Грозного. Такое построение давало возможность ярче показать основную внутриполитическую идею того времени — идею союза великокняжеской власти с церковью.

Структура и содержание «Степенной книги» подчеркивают идею непрерывности и преемственности власти киевских и московских князей, освященных христианским вероучением и православной церковью. В «Степенной книге» сглажены факты противоречий между светской и духовной властями, имевших место в истории, но зато обстоятельно расписаны всякого рода «чудеса» и «подвиги» деятелей церкви. В свою очередь, князья предстают в виде христианских подвижников. Изложение начинается от первых христианских князей на Руси — Ольги и Владимира. В «Степенной книге» подчеркивается идея божественного происхождения царской власти: «Иже убо существом телесным равен есть человеком царь, властью же достойного его величества при-

¹ Розов Н. Н. Русская рукописная книга. Л., 1971, с. 58. Текст Лицевого свода соответствовал одному из списков Никоновской летописи; полностью свод не сохранился, ряд листов перепутан.

личен вышнему, иже падо всеми, богу не виста, бо вичасочайша себе на земли»¹.

Вопрос о происхождении царской власти стал отныне и надолго главной темой русской исторической мысли. Вот как представлял себе историю всей Русской земли, отождествляя ее с историей самодержавия, Иван Грозный в первом послании А. М. Курбскому: «Самодержавство божним изволением почини от великого князя Владимира, просветившего всю Русскую землю святым крещением, и великого царя Владимира Мономаха, иже от грек высокодостойнейшую честь приемишу, и храброго великого государя Александра Невского, иже над безбожными немцы победу показавшего и хвалам достойного великого государя, иже за Доном над безбожными агаряны велику победу показавшего, даже и до мстителя неправдам, деда нашего великого государя Иоанна, и в закосненных прародительских земля обретателя блаженные памяти отца нашего, великого государя Василия, даже доиде и до нас, смиренных скипетродержания Российского царствия»².

Начало самодержавия идет, следовательно, от Владимира Святославича, введшего христианство в качестве государственной религии на Руси. Аргумент о происхождении московских правителей от римского императора Августа Грозный не раз использовал в своих произведениях³. Включение в перечень наиболее важных деятелей в истории самодержавия таких князей, как Невский и Донской, соответствовало политической программе, провозглашенной Грозным в начале правления, где наряду с обязанностью «порученные ему царства соблюсти и устроить подобающую правду» содержится обязательство «оборонити от всех иноверных басурман и латын»⁴. Иван Грозный подчеркивал, что «Российское самодержавство изначала сами владеют всеми государьства, а не бояре и вельможи», и, обращаясь к Курбскому, заявлял: «И того во своен злобе не мог если разсудити»⁵.

Авторитетом царского послания утверждалась в исторической мысли официальная версия о том, что обра-

¹ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, с. 610.

² Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, с. 9—10.

³ Там же, с. 198—200.

⁴ ПСРЛ, т. XIII, с. 267.

⁵ Послания Ивана Грозного, с. 12.

зование единого Российского государства в конце XV — начале XVI в. было лишь восстановлением существовавшего изначала на Руси самодержавия, новым обретением исконных, лишь бывших временно утраченными территорий.

Противник Грозного, изменивший Российскому государству во время Ливонской войны, князь А. М. Курбский написал, уже находясь в Литве, в связи с выдвижением кандидатуры Ивана IV для выборов польским королем, «Историю о великом князе Московском»¹. Курбский был, вероятно, знаком с раннегуманистической литературой XVI в., совершенно по-новому, в сравнении с русскими книжниками, понимавшей задачи историч. Курбский считал, что история должна дать потомкам в пример как добрые, так и злые дела современников. История выступает в роли морализующего наставника и судьи.

В основе исторической концепции Курбского лежит то же официальное представление о том, что власть московских государей унаследована от киевских князей (через владимирских). Политику Ивана IV Курбский интерпретировал в духе обычной для средневековья аргументации как отход от старины, от извечной традиции, от своего рода исторического опыта, но давал ему свою интерпретацию: так как в древней Руси власть князя основывалась на его тесной связи с боярством, то и ныне боярство — первая и ближайшая опора царя.

Сочинение Курбского представляет собой новый тип исторического произведения — оно посвящено истории одного правителя. В отличие от вышедших из официальных церковно-правительственных кругов произведений и с их весьма свободным обращением с материалом, Курбский подчеркивает строгую достоверность описываемых им событий с ссылкой на собственное в них участие. Другая особенность произведений Курбского — это попытка наряду с провиденциализмом применить психологические моменты для объяснения происходящих событий. Курбского можно считать родоначальником разделения правления Грозного на два этапа и объяснения происшедших перемен изменением душевного состояния царя после смерти царицы Анастасии Романовой.

¹ Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. XXI, СПб, 1914.

«Презлость», якобы свойственная всему роду московских князей, влияние их «жен-иноземок» и т. п., Курбскому, первопричинами жестокости правителей вообще, Ивана Грозного в особенности. Так впервые в русской исторической мысли появляется стремление к реалистическому объяснению исторических явлений.

Очевидный перелом в состоянии исторических знаний намечился уже в XVII в. Накопление качественных перемен в русском историческом знании проявилось уже в серии историко-публицистических произведений, появившихся в первые десятилетия XVII в. и посвященных событиям так называемого «Смутного времени». Развивая жанр сюжетных повестей XVI в., эти публицистические произведения имели как бы смешанный характер: написанные свидетелями и участниками событий, они были отчасти мемуарами, отчасти основаны на привлечении документов; впрочем, так выглядели аналогичные произведения, относимые к разряду исторических трудов, и в более позднее время, когда они писались участниками и очевидцами. Бурные события недавнего времени заставили задуматься над реальными, непосредственными причинами постигших Россию потрясений, нежели повторением общих формул о воле провидения и происхождении московских правителей от римского кесаря, хотя вовсе без этих рассуждений обойтись тоже еще было невозможно. Хронологические рамки повествований указывают на то, что авторы стихийно ощущали наличие какой-то особой внутренней связи между событиями данного времени, выделяющегося из общего хода истории.

Авторы уже ясно сознают общественное назначение исторического знания — быть поучением потомкам. «Историей в память предыдущим родам» (1620) назвал свое сочинение колярь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын. Но раз так, то развивался принцип сознательного отбора материала.

При сохранении в целом провиденциалистского мировоззрения некоторые авторы начала XVII в. уже развивали ведущую в перспективе к рационалистическому подходу мысль о роли личного характера исторических деятелей в ходе событий.

И. М. Катырев-Ростовский в «Повести книги сей о прежних лет» (1626) впервые дал словесные портреты психологические характеристики сменявших друг друга в конце XVI — начале XVII в. правителей России и указал, в частности, на глубоко противоречивый характер деятельности Ивана Грозного, который был и «великое чество стоять», и «многая благая сотвори», и «книжного почитания доволен и многоречив зело» и в то же время «на рабы, от бога данные ему жестосерд велми, на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим, множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби, и многия грады своя поплени»¹ и т. д. Сложность характеров Ивана Грозного и Бориса Годунова была отмечена и показана также дяком Иваном Тимофеевым. Это уже не та одноплановая, статичная характеристика персонажей, какая была свойственна раннефеодальной исторической литературе. Историческая мысль в России XVII в. уже начала путь к реальному человеческому образу, и сильный толчок этому был дан бурными событиями конца XVI — начала XVII в. Вся русская духовная культура в XVII в. совершала это движение к «живству» во всех своих видах и жанрах.

Соответственные политические идеи прозвучали у Авраамия Палицына и дьяка Ивана Тимофеева («Временник», 1619), которые сформулировали мысль о том, что ослабление и «похищение» затем царской власти при «безумном всего мира молчании»² привели к выступлениям «рабов», поставившим, в свою очередь, государство на край гибели от «неверных», «латинян».

Классово-политический смысл этой трактовки бурных событий начала XVII в. очевиден — это типично феодальная идеология. Заметим вместе с тем другое: перед нами одна из ранних попыток найти реальные причинно-следственные связи между событиями, хотя, конечно, еще под очень густым слоем религиозно-провиденциалистских рассуждений и поучений насчет божьего наказания за грехи.

Аналогичные идеи воплотились и в новом Хронографе редакции 1617 г., где перед читателем предстают исторические деятели, обуреваемые борьбой различных, чисто земных страстей под влиянием борьбы добра и

¹ РИБ, т. XIII, с. 707—708.

² Сказания Авраамия Палицына, М. — Л., 1955, с. 253.

зла. Два периода правления Ивана Грозного объясняются превращением его «мудрого ума» в «прав яр», добрые задатки Бориса Годунова исчезают под влиянием темной зависти. Рядом с этими попытками проникнуть в реальные побуждения действий исторических лиц — традиционно-аллегорическое и резко враждебное народным массам изображение их действий как «плотоядных зверей» с «злодыхательным» их «зеванием», а борьбы с интервентами — в не менее традиционно-церковном плане борьбы с «латинянами»¹.

Хронограф 1617 г. вместе с тем значительно расширил кругозор русской исторической мысли за счет использования богатой материалах польской хроники Мартина Бельского (XVI в.). В Хронограф вошел рассказ об открытии Америки, о «Люторовой ереси», а в последующую, третью, редакцию Хронографа были введены составленные на основании переводной «Космографии» сведения о географии других стран, нравах и обычаях их народов. Туда же были включены и любопытные характеристики нравов русского народа. С некоторым допущением этот текст можно считать зародышем специальных этнографических описаний в русской исторической мысли. При всей подчеркнутой, воинствующей религиозности общего направления Хронографов они включали довольно много светского материала и тем самым участвовали в общем процессе «обмирщения» исторического знания в России XVII в.

Около 1630 г. в правительственной, или патриаршей, канцелярии был создан «Новый летописец» — официальное толкование событий «Смутного времени». К идее «божественного происхождения» власти московских государей, генеалогия которых восходит к римскому императору, прибавилась новая — «всенародное избрание» Михаила Романова как проявление божественной воли. Даже в этом официально-церковном историческом произведении отчетливо видна мысль о влиянии людей на ход событий и об их ответственности за свои поступки. Виновиком «смуты» был объявлен Борис Годунов, устранивший последнего наследника царя Ивана — Димитрия и отправившего в ссылку его родственников — Ро-

¹ Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, с. 183, 196, 204.

маповых. Пресечение династии, идущей со столь давних и славных времен, открыло дорогу к власти Годунову, а тот, чтобы удержаться, стал поощрять доносы холопов на бояр; народ вышел из повиновения, поднялись восстания, за ними пришли на Русскую землю интервенты. Лишь восстановление царской власти путем всенародного избрания Михаила Романова, принадлежащего к «царскому корени», вернуло божье благословение на Россию. Политический смысл этой концепции направлен на укрепление положения новой династии.

В 1658 г. при дворе патриарха Никона «Новый летописец» был дополнен и переработан в сторону усиления показа церковных дел, получив название «Летописи о многих мятежах». Начиная борьбу за превосходство церковной власти над светской, патриарх «запасался» своим летописным сводом в нужном ему духе, освещающем события последнего столетия, особенно роль церкви. Возможно, эта акция Никона была ответом на образование в 1657 г. специального правительственного учреждения — Записного приказа, который должен был сосредоточить необходимые документы и продолжить «Степенную книгу» (существовал до 1659 г.). В 70-х годах XVII в. дьяк Федор Грибоедов, видимо по поручению правительства, написал «Историю, сиречь повесть или сказание вкратце о благочестии державствующих и свято поживших боговечных царей» — от Владимира Святославича до Алексея Михайловича включительно. Название достаточно выразительно — история страны есть история ее правителей. Положив в основу изложения «Степенную книгу», Грибоедов дописал изложение позднейших событий на основании официальных документов, а также повестей начала XVII в., показал происхождение рода Романовых, связанных с Иваном Грозным.

Но летописи писались не только в кремлевских термах. Параллельно возникла Раскольниковья летопись, в которой изображение московских духовных и светских правителей было резко отрицательным. В руках противников церковной реформы — старообрядцев — летописание становилось идеологическим оружием.

Новым явлением в исторических знаниях XVII в. было расширение социального слоя создателей и потребителей письменных исторических произведений, обусловленное усилением роли городов и казачества в социаль-

но-экономической и политической жизни страны. Среди новых исторических произведений были, например, четыре «Повести о зачале Москвы», поставившие новый вопрос — о причинах выдвижения данного города в центр России. Ответ на этот вопрос давался в духе представлений насчет Москвы — «третьего Рима» — и сопровождался фантастическими подробностями, идущими к народному творчеству. По мнению М. Н. Тихомирова, «Повести о зачале Москвы» возникли в демократической городской среде¹. С демократическими — казацкими — кругами связано происхождение поэтических «Повестей об Азовском осадном сидении», посвященных героической обороне Азова в 1637—1642 гг. Новые социальные слои входили в среду создателей исторической литературы прежде всего через произведения, близкие традиционным жанрам народного творчества, — героическим песням, эпическим преданиям и т. п.

О значительном распространении интереса к прошлому во второй половине XVII в. свидетельствует появление в 1674 г. первого печатного труда по истории, ставшего на долгие годы учебной книгой — «Синописа»², составленного и изданного в Киево-Печерском монастыре под руководством архимандрита Иннокентия Гизеля. «Синописис» был своеобразным ответом на воссоединение Украины с Россией, показывавшим Киев как колыбель российского самодержавия.

В конце столетия царский стольник Андрей Лызлов, проявлявший большой интерес к истории и переведший на русский язык часть «Хроники» польского автора М. Стрыйковского, написал «Скифскую историю». Знакомство с широким кругом источников и исторических сочинений, а также с уровнем польской исторической мысли позволило Лызлову создать обширный труд, повествующий о борьбе русского народа и его западных соседей против монголо-татар и турок³ и содержащий заметные элементы рационализма.

Новое в исторической мысли ярко отразилось также в сочинении 70—80-х годов XVII в. — «Историческом

¹ Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947, с. 216.

² «Синописис или краткое описание о начале славянского народа». СПб., 1819. «Синописис» переиздавался до 1819 г. около 30 раз.

³ См.: Чистякова Е. В. «Скифская история» А. И. Лызлова и вопросы востоковедения. — В кн.: Очерки по истории русского востоковедения, сборник VI. М., 1963, с. 3—88.

учения» неизвестного автора. Автор «Исторического учения» впервые ясно сформулировал назидательное назначение исторических произведений и считал, что историк обязан знать, «что подобает в истории молчанию предати и что пристойно объявити», и что историю нельзя отдавать в руки иноземцев: «Великий народ про себя и про дела свои и про страну свою лучше умеют списати, нежели чужой». Как пишет исследовавший это сочинение С. Л. Пештич, «безымянный автор «Исторического учения» пересказывал и цитировал Аристотеля, Платона, Цицерона, Фукидида, Полибия и многих других, делая на них довольно определенные ссылки»¹.

Перемены в состоянии исторических знаний, начало их выхода на новый путь развития были составной частью того объективно шедшего процесса складывания предпосылок для преобразований во всех областях экономической, политической, культурной жизни страны, которые накапливались на протяжении XVII столетия и стали отчетливо ощущаться в 80—90-х годах.

Недаром составитель широко задуманных планов преобразования России Юрий Крижанич настойчиво добивался разрешения стать государственным историографом и в своей «Политике» приводил множество исторических примеров для обоснования своей программы.

ЛЕКЦИИ 4—5

Преобразование исторических знаний в науку.

Формирование дворянской историографии (конец XVII—середина XVIII в.)

Утверждение абсолютистского государства, его активная внутренняя и внешняя политика выдвигали новые сложные потребности их идеологического обоснования. Происходившие перемены создавали и новые условия развития исторических знаний. Самым главным из них было уменьшение влияния церкви на духовную культуру страны, возникновение светского образования, раз-

¹ См.: Пештич С. Л. Русская историография XVIII в., ч. 1. Л., 1961, с. 46—97.

витие научного знания. Это серьезно облегчало процесс высвобождения исторической мысли из-под господства богословия, вычленения гражданской истории из церковно-религиозной, что имело решающее значение для возникновения всерелигиозного подхода к познанию истории и превращения исторических знаний в науку.

Большое значение имело также расширение научных и культурных связей со странами Центральной и Западной Европы, где давно уже прогрессировало светское научное знание.

Так как практицизм, утилитарность были неотъемлемыми свойствами петровских преобразований, они закономерно распространились и на область исторических знаний. Тот самый «утилитаризм» исторической науки XVIII в., о котором с таким презрением отзывался П. Н. Миллюков¹, был для своего времени шагом вперед не только в развитии исторической мысли, но и в распространении исторических знаний, поскольку возможности на этот счет у государства было больше.

Сам Петр всю жизнь интересовался историей. Он предпринял ряд мер, положивших начало государственному собиранию исторических материалов. Еще в 1703 г. Петр высказал мысль о печатании русских летописей²; в 1709 г. велел отыскать в монастырях жалованные грамоты великих князей до царствования Ивана IV и осмотреть, какие у них печати. Тогда же приказал напечатать переводные книги о Троянской войне, об Александре Македонском; в 1716 г. приказал снять копию с Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи с большим количеством иллюстраций. По приказу Петра I были напечатаны переводные исторические работы, в том числе популярное тогда в Европе «Введение в историю» немецкого правоведа и историка С. Пуффендорфа, в котором апология государей проводилась главным образом на материалах их внешнеполитической деятельности. Характерно при этом требование Петра, чтобы переводили Пуффендорфа не на тогдашний книжный, церковно-славянский, а на разговорный язык. Переводные сочинения знакомили с теоретическими идеями истори-

¹ См.: Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли, т. I. М., 1898, с. 19—21.

² См.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л., 1947, с. 433.

ческого знания в зарубежной Европе. Переводчик, церковный публицист рязанский епископ Гавриил Бужинский писал в предисловии к книге Пуффендорфа, ссылаясь на Цицерона, что история есть «жизни учительница», что история состоит из поучительных примеров. Эти мысли получили твердую и широкую поддержку государства, и даже в среде церковников оказались деятели, охотно разделявшие и пропагандировавшие их.

В 1720 г. последовал указ о том, чтобы «во всех монастырях и епархиях и соборах прежние жалованные грамоты и другие курьозные письма оригинальные, также и исторические рукописные и печатные книги пересмотреть, переписать» и прислать их в Сенат¹. Так как указ 1720 г. губернаторами и вице-губернаторами, видимо, не исполнялся, в 1722 г. был издан новый указ о том, чтобы все древние летописи и документы не копировались на местах, а присылались в подлиннике в Синод, где с них будут сняты копии². Возможно, перелажая с Сената на Синод важное дело сохранения исторических материалов, Петр имел в виду как сравнительно большую подготовленность церковных деятелей к подобной работе, так и желание несколько сгладить впечатление от официального упразднения патриаршества в 1721 г. возложением на Синод важного государственного поручения.

Собирались не только письменные, но и вещественные памятники старины. Так, в 1720 г. Петр писал Б. И. Куракину: «Ежели еще какие наши старинные пушки, а наипаче мортиры, которые литы в Руси во сто лет и старше, чтобы их купить, не допусая до переливки». В 1718 г. был издан указ, в котором говорилось: «Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно... какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, тако ж бы приносили, за что будет довольная дача»³. В том же году Петр писал: «За денги и протчие вещи, кои с подписью, вдвое чего оне стоят. За камни с подписью по разсуждению. Один гроб с костми при-

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ), т. VI, № 3693.

² См.: ПСЗ, т. V, № 3908.

³ Там же, № 3159.

и в согласии приводить прилежно»¹. Что скрывается за словами «ведать Российского государства историю», — не о начале света — совершенно ясно из указания Петра: составить русскую историю от начала княжения Василия Ивановича до последнего времени. Указанный Петром период от XVI в. до современности понятен, отмечает Л. В. Черепнин, «если учитывать, что историческое прошлое интересовало как Петра, так и сторонников его преобразований из числа дворянства и купечества также и с точки зрения идеологического обоснования политики абсолютистского государства»². К этому следует прибавить, что такое определение пределов «Российской государственной истории» появилось в исторической мысли впервые. И в XVI, и в XVII вв. московские правители заботились о том, чтобы в исторических произведениях была показана непрерывная нить самодержавия на Руси, установленного Рюриком, до Ивана Грозного, а от него через «царское сродство» к новой династии Романовых; более того, в XVI в. московские книжники увели происхождение власти русских государей к легендарному Прусу и через него к самому римскому императору Августу. В этой исконности, извечности освященного глубокой стариной русского самодержавия виделась идеологам и политикам средневековья историческая основа укрепления царской власти. Но именно эта-то старина, за которую так держались совсем недавно, под которую маскировали крутые деяния Ивана Грозного, оказывается, совсем не интересует Петра!

Более того, перед нами решительный разрыв с традицией русской исторической мысли, привыкшей начинать историю с библейских времен и складывать картину происхождения Руси в органической слитности с библейскими преданиями. Петр предопределяет важнейшее дело в развитии исторической мысли — выделение гражданской истории в самостоятельную область изучения, отрыв ее от «священного писания».

Но историки еще не были готовы выполнять такие поручения. Ф. Поликарпов интересовался прежде всего историей происхождения славян, и поэтому замысел

¹ Пекарский П. Введение в историю просвещения в России XVIII в. СПб., 1862, с. 317.

² Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в., с. 140.

Петр остался неосуществленным. В 1716 г. Мусии-Пушкин сообщил Поликарпову: «История твоя и лекции хотя и не очень благоугодны были, но через старание и прошение мое ныне царское величество изволил приказать за оные труды твои с Печатного двора двести рублей»¹. Теперь Петр поставил более реальную задачу: хотя бы отредактировать существующие труды. В январе 1719 г. канцлер Г. И. Головкин писал кабинет-секретарю А. В. Макарову: «По его царского величества повелению посылаю Краткий летописец или выписку о житии великих князей российских до государствования царя Ивана Васильевича из книги большой, зовомой Степенной, и обретающейся в той книге многие излишества, которые к сей истории не приличны, выпущены, но что надлежит к житию великих князей, то все в ту выписку внесено»². Итак, за основу берется «Степенная книга» — она начинается с первых христианских князей на Руси — Ольги и Владимира. Но из этой «Степенной книги» выбрасываются сведения о жизни и деятельности властителей русской церкви. Тем самым вновь Петр добивается своего — отделить гражданскую историю от церковной. И хотя мы не знаем, как осуществился этот замысел в целом, гражданская история после петровских реформ оформилась в самостоятельную область. Петровский практицизм подготовил утверждение в последующем рационализма, много давшего науке для преодоления верховного господства богословия.

Одно из характерных явлений — резкий поворот к обслуживанию непосредственных практически-политических потребностей государства, а отсюда — к разработке и освещению вопросов современной истории. Само по себе это явление не ново. Но никогда еще работе над созданием посвященных современности исторических произведений не придавался такой размах.

В 1717 г. было напечатано составленное подканцлером П. П. Шафировым «Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый к началу войны против короля Каролуса Двенадцатого швед-

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. VIII. М., 1963, с. 546.

² Там же. Несколько десятков лет спустя М. В. Ломоносов издал отредактированную учебную книгу для распространения исторических знаний в форме «Краткого российского летописца».

ского в 1700 году имел, и кто из сих ~~обоих~~ ^{потенциатов}, во время сей пребывающей войны более умеренности и склонности к примирению показывал и кто в продолжении оной столь великим разлитием крови христианской и разорением многих земель виновен, и с которой воюющей страны та война по правилам христианских и политических народов более ведена. Все без пристрастия, фундаментально, из древних и новых трактатов, тако ж и из записок о воинских операциях описано, с надлежащею умеренностию и истиной». Предисловие к книге, вышедшей в канун мирных переговоров со Швецией на Аландских островах, написал сам Петр. Оно указывает не только на внешнеполитические, но и на внутренние причины появления этой книги: «Понеже всякая война в настоящее время не может сладости приносить, но тягость, того ради многие о сей тягости негодуют, одни для незнания, другие по прелестным словам ненавистников, что зря отечество наше возвышаемо богом, третьи, понеже тунядцы, ныне не вышней ступени суть»¹.

Труд Шафирова был переведен на немецкий язык и распространен за рубежом. Обращает на себя внимание широкая документальная база этого труда — документы международных отношений и внешней политики России XVII — начала XVIII в.

Современности были посвящены труды князя Б. И. Куракина, которые особо выделяются своим «систематическим описанием преобразований, осуществленных в России с конца XVII — начала XVIII в.»². Характерно распределение исторического материала в плане «Истории Российской империи» Куракина: только $\frac{1}{3}$ глав отводилась на время до начала правления Петра, а $\frac{2}{3}$ посвящались событиям его царствования. Интересно также и то, что Куракин далеко ушел от представлений средневековых историков о причинах исторических событий. По заключению С. Л. Пештича, Куракин «в объяснении явлений общественной жизни и исторических фактов стоял на точке зрения прагматического или психологического истолкования событий», Куракин считал также, что политика есть «интрига», результат деятельности группы людей — «партий», что случай так-

¹ Соловьев С. М. История России..., с. 543. Речь идет в первую очередь о монахах.

² Пештич С. Л. Русская историография XVIII в., ч. I, с. 112.

же играет большую роль, как, например, в возвышении А. Д. Меньшикова.

Вице-президент Синода, видный церковный деятель, сторонник и идеолог петровских преобразований Феофан Прокопович написал «Историю императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии». Апологетическая по отношению к Петру «История» Феофана Прокоповича симптоматична для того этапа развития исторической мысли: сохраняя провидение в качестве высшей «инстанции», определяющей ход событий, Прокопович на деле не богу, а человеку (царю) отдает решающую роль в описываемых им событиях, хотя и говорит, что действия царя выражают волю бога. Не только царь, но и другие деятели становятся, в представлении авторов начала XVIII в., непосредственными «виновниками» тех или иных событий. Феофан Прокопович поучал, что история даст возможность научиться делать полезное и избегать вредного, а для этого должна быть достоверной и беспристрастной. Но крупный церковный деятель Дмитрий Ростовский (впоследствии канонизированный русской церковью) возражал: «Но какая ми нужда упражняться в писании Историй, их же пренеполнены многие хронографические книги»; «намерение наше не только в Историх углублятися, елико в нравоучениях и толкованиях св. Писания поучатися»¹. Консервативная оппозиция, в которой столь видную роль играло духовенство, заняла враждебную прогрессу исторической мысли позицию.

Труды Шафирова, Куракина, Прокоповича и других отличает открытая апологетика Петра, откровенная лесть в адрес царя. У Прокоповича это особенно заметно, как заметна его явная враждебность к «простолюдному свирепству», вплоть до предположения о связи К. Булавина с изменником — гетманом Мазепой. Классово-политический характер исторических трудов начала XVIII в., вышедших из правительственных кругов, выступает с полной очевидностью. Прогрессивное развитие исторической мысли и исторических знаний в условиях антагонистического общества не могло протекать вне прямой зависимости от интересов господствующих классов.

¹ Пештич С. Л. Указ. соч., с. 95; Шляпкин Н. А. Св. Дмитрий Ростовский, СПб., 1891, с. 437 и 438.

Есть еще одно значительное произведение, создававшееся при непосредственном участии Петра, — «Журнал или поденная записка блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра»¹. Значение «Журнала» в истории русской исторической мысли определяется тем, что в нем произведено последовательное описание событий гражданской истории. Оно конкретно и просто, подробно и поучительно, основано на доступной в то время критической проверке материала. Если положить рядом, скажем, «Казанскую историю», которая тоже стремилась к подробному изложению событий войны с Казанью в середине XVI в., и «Журнал», отчетливо будет видна громадная разница в самом подходе к материалу современности. «Журнал», в котором, по подсчетам Пештича, Петру принадлежит около 200 страниц текста, являлся произведением светской исторической мысли.

Однако наиболее крупное светское историческое произведение было создано вне окружения Петра и его непосредственного влияния. Это «Ядро Российской истории» секретаря русского посольства в Швеции А. И. Манкиева (гор. рожд. неизв. — 1723). Будучи интернирован в Швеции в связи с начавшейся войной, Манкиев в библиотеке города Вестероса занялся изучением имевшихся там материалов по русской истории. В труде Манкиева элементы провиденциализма играют явно подчиненную роль по сравнению с попытками найти реалистические причины действий и поступков исторических личностей, а также установить достоверность сообщений источников.

С точки зрения последующего развития источниковедения приемы обращения Манкиева с источниками могут вызвать впечатление элементарности. Манкиев прибегает к филологической критике. По приемам обращения с источниками он напоминает аналогичные штудии Ломоносова насчет происхождения имени «славяне» — не латинского слова «раб», а от слова «слава». Впрочем, одно другому, по мнению Манкиева, может и не противоречить: как рабов, могли славян называть иностранцы, «которых из мужественного и крепкого славян народа плененных в порабощение пригнали... А что в бою многие тысячи от неприятеля безвредно взяты бы-

¹ Название дано при публикации произведения в конце XVIII в.

вают, то не странно»¹. В таком суждении отчетливо звучит та самая критика источников с позиций «здорового смысла», которая будет характерна для трудов историков XVIII в.

Манкиев применяет и прием, который давным-давно был известен летописцам: указание на существующие остатки происходивших событий и целых исторических эпох: «Киев прежде всего разорения... был город славен, богат и просторен..., где и нынче всяк то познать может, присматриваясь останкам великих улиц площадей монастырей, церквей... которые доныне остались... свидетели своей иногда славной древности и величия»² и т. п.

Манкиев, как и его последователи, исходил из того, что побуждения людей неизменны во все времена. Он так объясняет причину, по которой русские князья пришли на помощь своим врагам — половцам, когда те подверглись нападению татар: «Князи русские общую видя нужду, как простая пословица гласит: до тебя дело доходит, коли у соседа стена горит»³. Причины раздробления Русской земли после «Ярославова самодержавия над Россиею» трактуется им так: «Российские князья к властолюбию чрезмерно склонны в покое сами ужиться не могли и иным такожде покою не давали»⁴. В другом месте Манкиев с практически-политических позиций размышляет насчет того, что татарскому игу и «всему сему России разорению и ее силе ослаблению вина была необмышленное (! — А. С.) разделение государства детям своим же великих князей и их междуусобия и несоюзнства, зане когда Русские князи друг другу, брат брату, племянник дяде, княжения завидуя, междуусобною войною один другого грабили и растаскивали, общим их неприятелем татарам довольный способ и время было порознь всякого давить и так над всеми прокуражиться». И тут же Манкиев рассуждает как бы об «альтернативе» хода событий. Лучше было бы, говорит он, когда бы русские князья не дробили землю между сыновьями, и приводит, связывая ее со Скилуrom, древнюю легенду об отце, детях и пучке стрел, ссы-

¹ Манкиев А. Н. Ядро Российской истории. М., 1784, с. 15.

² Там же, с. 111—115.

³ Там же, с. 110.

⁴ Там же, с. 100.

лаясь еще на «Апофегматы» Плутарха¹. Деятельность Ивана Грозного Манкиев объяснял его психологией: «в его детстве правили бояре, «которых несоюзство, зависть и ненасытное мздоимание и лихоимство дало причину, что как великий князь Иоанн Васильевич потом возмужал и в леты пришел, и такие неправости рассмотрел, несколько жестоко и чрез обычаи свирепо к ним, а после того и впрочем своим подданным поступил»².

Таких прагматических попыток объяснить события личными заслугами исторических деятелей у Манкиева очень много, можно сказать, что они пронизывают всю книгу. Такова пространная характеристика деяний Ивана III, который «за великие свои добродетели, бдения и попечения, за соблюдение государства паче всех своих предков хваления удостоился, и с великим оным Владимиром Святославичем всея Руси монархом по справедливости сравниться достоин»³. Манкиев первым дал формулу, на которой будет зиждиться вся дворянская историография XVIII в. в вопросе об образовании Московского государства: «Монархия Русская возвращена» — она уже существовала от Рюрика, потом «необмысленно» была разделена, потом вновь воссоединилась.

Именно у Манкиева формируется центральная идея дворянской историографии XVIII в. о самодержавии как наиболее совершенной форме государственного устройства, а также типичные для этого направления оценки ряда событий. Критическое отношение к Грозному, в особенности при описании опричнины, столь свойственное впоследствии Щербатову и Карамзину, отчетливо проявилось у Манкиева. То же самое можно сказать и относительно резко отрицательной оценки правления Бориса Годунова и его личности. И еще одно обстоятельство дает основание поставить Манкиева как бы впереди дворянской историографии — пристальное внимание к генеалогии знатных дворянских родов.

В труде Манкиева есть немало фантастического. Таковы его рассуждения о происхождении «московского народа» от «родоначальника русского Мосоха». Послед-

¹ См.: Манкиев А. И. Ядро Российской истории, с. 165.

² Там же, с. 190.

³ Там же, с. 180—181.

него Манкиев считал реальным лицом и даже видел в этом особое достоинство русского народа, «который начало свое ведет непрерывным порядком от Мосоха, человека, а не от притворных богов, как греки, персы и проч... А наши Русские, славяне и прочие народы не летают по поднебесью для произведений предков своих, но истинною своей добродетелью не от богов, но от человека явно начало свое производят»¹. Что касается московских князей, то власть к ним пришла, думает Манкиев, по прямому наследию от Александра Невского, когда его сын Даниил «стал наследником всего Русского государства и престола всеа России перенес из Владимира к Москве»². При всей фантастичности мысли о происхождении русского народа от мифического сына Яфета Мосоха сам ход рассуждений Манкиева показывает, что он стремился уйти «из поднебесья» в поисках происхождения народов и найти более реальные их истоки, хотя был еще бесконечно далек от того, чтобы усомниться в достоверности библейского рассказа.

В области расширения круга исторических источников, попыток критики их с рационалистических позиций, элементов рационалистического и психологического подхода к объяснению исторических событий, наконец, в создании общей концепции русской истории, как истории самодержавия, правящего совместно со знатью, Манкиев являлся прямым и непосредственным предтечей дворянской историографии XVIII в.

Привлечение сведений по всеобщей истории в труде Манкиева выглядит внешне эффектно, но эти сведения случайны и никак не связаны с общим повествованием. Тем не менее они характерны для историка, работающего в петровское время. Манкиев фиксирует внимание на таких событиях, как открытие Америки, изобретение пороха, появление книгопечатания, и тут мы видим типичный для деятеля того времени интерес к развитию техники, военного дела, просвещения, географическим открытиям. Этим общим «настроением времени», а вовсе не попыткой создать какой-то свод всемирной истории следует объяснить появление в труде Манкиева сведений наряду «со сшибением ига татарского»

¹ Манкиев А. И. Ядро Российской истории, с. 9.

² Там же, с. 127.

«об обретении четвертой части света — Америки» или «о великом князе Димитрии Иоанновиче и обретении пороха селитренного»¹.

Дальнейшее развитие научной мысли в России было возглавлено основанной Петром в 1725 г. в Петербурге Академией наук. В Академии работали тогда иностранные ученые. По проекту устава Академии в ее «третьем классе» должен был состоять один академик по «истории древней и нынешней». На этой должности сначала состоял И. Коль, пробывший в Академии полгода. Коль занимался рукописями Московской синодальной библиотеки. В 1729 г. профессор «нравоучительной философии» Х.-Ф. Гросс составил на основе «Степенной книги» краткие хронологические таблицы. Однако сколько-нибудь серьезной работы над русской историей в Академии поначалу не получилось. Тем более что, как пишет П. Н. Миллюков, «даже средневековая история считалась недостойным сюжетом для исторической науки того времени, знавшей только своих *origines* да своих классиков. Ученый, который вздумал бы заниматься более близкими временами, рисковал уронить свою ученую репутацию»². Поэтому, в частности, бывший кенигсбергский профессор Г. Байер (1694—1738), пробывший в Академии свыше 10 лет, ограничился греческими и римскими древностями, не выходя за пределы IX в. По уставу («Регламенту») Академии 1747 г. класс гуманитарных наук был вообще упразднен и переведен в академический университет, ректор которого стал «исторнографом». Эту должность и занял Г.-Ф. Миллер (1705—1783), который погрузился в ранее неизвестное море архивных источников XVI—XVII вв. и долгое время не выступал с обобщающими трудами.

Нельзя, конечно, отрицать, что иностранные историки, работавшие в Академии наук, внесли свой вклад в становление русской исторической науки. Их главной заслугой было то, что они приступили к критическому

¹ См.: Сахаров А. М. Из истории исторической мысли в России начала XVIII в. — «Вестник Московского университета». Серия «История», 1972, № 3.

² Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. с. 72.

изучению источников и подходили к пониманию истории не с провиденциалистских, а с утвердившихся в то время в Западной Европе рационалистических позиций. Г.-Ф. Миллер собрал огромный материал по истории Сибири — так называемые «портфели Миллера» до сих пор не утратили своего научного значения. Ученый даже потерял зрение в результате своей длительной и напряженной работы. Помимо публикации ряда источников, Миллер создал «Историю Сибири», доведенную до 60-х годов XVII в. Миллер внес большой вклад в развитие источниковедения — он занимался палеографией, хронологией, сличал летописи с устными преданиями и т. п. Его младший коллега — А.-Л. Шлецер (1735—1809), специализировавшийся до того в Геттингенском университете на филологической критике библейских текстов, сумел оценить исключительное значение «Повести временных лет» как исторического источника и памятника. Но применив свою излюбленную методику к изучению русского летописания, Шлецер направил его по ложному пути поисков «очищенного Нестора», выбрасывая из поля зрения разночтения и редакции летописных текстов, которые он считал результатом невежества позднейших переписчиков. От Шлецера ускользнула политическая тенденциозность изменений текста при переписке летописных текстов. Шлецер выдвинул методику изучения летописей, которой довольно долго придерживались историки XVIII в.: сначала при помощи сопоставления разных списков летописи восстановить первоначальный текст, освободив его от ошибок и искажений при переписке, затем уяснить смысл этого текста.

Шлецер и другие иностранцы с большим высокомерием относились к России и ее культуре. Много позднее К. Н. Бестужев-Рюмин сказал о Шлещере, как о человеке, который смотрел «на Русь как на страну ирокезов, куда только немцы внесли свет и просвещение»¹. В то же время недавно опубликованные историками ГДР документы показывают, что Шлецер был не лишен некоторых прогрессивных социально-политических идей и связывал с Россией надежды на воссоединение оставшейся все еще феодально раздробленной Германии².

¹ История Академии наук СССР, т. 1. М.—Л., 1958, с. 328.

² См.: August Ludwig v. Schlözer und Russland. Heraus gegeben von E. Winter. Berlin, 1960.

Главная сложность в оценке роли иностранных ученых в России второй четверти и середины XVIII в. состоит в том, что они явились создателями политически спекулятивной «норманской теории» происхождения древнерусского государства. Летописный рассказ о призвании варягов послужил основой для формирования концепции иноземного основания государственности на Руси, что также давало как бы историческое обоснование тогдашнему массовому проникновению иностранцев в российский государственный аппарат, научные учреждения, войско, промышленность, торговлю. «Норманская теория» вполне отвечала и настроениям дворянской правящей верхушки, которая все более отдалялась от своего народа. Дворяне подчеркивали (или выдумывали) свое иноземное происхождение, чтобы не быть заподозренными в незнатном, а то и «подлом» происхождении.

Идея преодоления отсталости России, резко выдвинутая Петром в форме разрыва с ориентированными на старину консервативными элементами, трансформировалась теперь у дворянства в пренебрежительное отношение к прошлому страны и ориентацию на иноземную культуру. «Европеизация» России в мировоззрении значительной части дворянства обернулась отказом от национального начала. Кроме того, в сознании некоторых современников норманское происхождение Руси могло казаться — наподобие обрезания бород и кафтанов — решительным разрывом со старинной, вплоть до замены киевско-византийских предков самодержавия на его якобы норманскую первооснову, сближавшую Россию с рядом западноевропейских государств, в начальной истории которых норманнам действительно принадлежала значительная роль. В такой общественной атмосфере возникла «норманская теория», ныне используемая враждебными нашей стране силами.

Роль иностранных ученых в Академии оказалась противоречивой. С одной стороны, они в большой степени содействовали утверждению рационализма и преодолению провиденциализма, с другой — они нередко затрудняли подготовку русских историков. Первый исторический журнал, начавший выходить в России в 1732 г., издавался на немецком языке и назывался «Sammlung russischer Geschichte». Эта позиция иноземных ученых в известной степени объяснима сопротивлением со сто-

роны консервативных церковников, опасавшихся развития светской науки вообще. Даже попытка издания русских летописей в 1734 г. вызвала решительный протест со стороны Синода. Предполагалось издать тексты летописей, за исключением «некоторых мест, которые со историей светской никакого союза не имеют». Это похоже на замысел Петра — выбрать из «Степенной книги» только то, что относится к истории князей, т. е. выделить светскую, гражданскую историю от церковной в самостоятельную. Синод возразил: «Рассуждаемо было, что в Академии затевают Истории печатать, в чем бумагу и прочий кошт терять будут напрасно, понеже во оных писаны лжи явственные... отчего в народе может произойти не без соблазна»¹. Так церковь по-прежнему тормозила развитие светского подхода к истории.

Общая схема русской истории, разработанная академическими учеными, рационалистически исходила из первенствующей роли самодержавия и значения деятельности правителей.

Г.-Ф. Миллер высказывался так: «Никогда мы не оценили бы вполне заслуг тех великих монархов, которые снова соединили под одной державой раздробленное на множество уделов Русское государство, освободили от подданства томившееся под чужим игом отечество, если бы не предшествовала этому великая государственная ошибка, что отцы стремились поделить государство между детьми и если бы именно это раздробление и междоусобия князей не открыли дорогу татарам»². Нетрудно заметить, что Миллер был не оригинален, потому что эта мысль была уже высказана А. Н. Макиевым, а рукопись труда последнего была хорошо известна издававшему ее Миллеру. Правда, Миллер не ограничивался этим, а отчетливо высказал свое отрицательное отношение к народу. В связи с оценкой присоединения Новгорода он писал, что «сия необузданная вольность народа» часто «причиняла бунты и вред начальству»³.

¹ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, с. 614.

² Миллюков П. Н. Главные течения..., с. 134.

³ «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1761, ч. II, с. 129.

А.-Л. Шлецер, несмотря на все его разногласия и споры с Миллером, с таких же позиций оценивал историю Русского государства: «Разделы Вятки, Кострома и Ярославля низвергли его в прежнюю славу... так что в конце концов оно сделалось легкой добычей татарских орд, приученных Чингис-ханом к победам. Больше 200 лет томилось оно под игом этих варваров. Наконец, явился великий человек, который отомстил за позор, освободил свой подавленный народ и страх своего оружия распространил до столиц своих тиранов. Тогда восстало государство, покорявшееся прежде ханам; в творческих руках Ивана создалась могучая монархия... Россия переходила от завоевания к завоеванию»¹. Здесь ясно видно не только представление о том, что ход истории определяется волей монарха, но и уже звучит характерная для немецких историков мысль о завоевательном характере внешней политики России начиная с образования Московского государства, мысль, и донныне свойственная зарубежной буржуазной историографии.

В процессе превращения исторических знаний в науку крупная роль принадлежала ученому, находившемуся вне Академии наук, — видному политическому деятелю, администратору, дипломату В. Н. Татищеву (1686—1750).

Надобно заметить, что на протяжении всего XVIII в. в России никаких учреждений и заведений, где можно было бы получить специальное историческое образование, еще не существовало. «В то время, чтобы быть студентом русской истории, необходимо было стать для самого себя профессором этого предмета»², — писал об этом времени В. О. Ключевский. Когда Татищев в 1719 г. получил поручение Петра заняться географическим описанием России, ему потребовались исторические знания, и с тех пор он стал собирать и изучать источники русской истории — тем более что «добыча» рукописных памятников прошлого была тогда довольно простым делом — целые залежи их находились в различных книгохранилищах и у частных лиц. Позднее, находясь в Швеции для изучения горного и монетного дела, Татищев познакомился с западноевропейской историче-

¹ Милоков П. Н. Главные течения..., с. 134—135.

² Ключевский В. О. Соч., т. VIII. М., 1959, с. 134.

ской литературой, работал в шведских архивах над шведскими документами.

Именно политические убеждения Татищева стимулировали его обращение к истории с целью аргументации тезиса о необходимости сильной самодержавной власти в условиях обострившейся борьбы придворных группировок за власть, приведшей к частым дворцовым переворотам, усилению роли и влияния иноземных элементов при дворе и отказу от некоторых петровских преобразований, чего Татищев, один из тех, кого называли «птенцами гнезда Петрова», никак не мог принять. Убеждения Татищева, его враждебное отношение к ориентации на иноземцев послужили, по-видимому, действительной причиной начавшегося в 1739 г. и продолжавшегося до самой его смерти судебного преследования по обвинению в казнокрадстве. Татищев был близок к кабинет-министру А. П. Волынскому, казненному за высказанное им недовольство антинациональной политикой Анны Ивановны и всецелием ее временщика Бирона. Татищева преследовали и препятствовали его трудам почти во все время его занятий историей иноземцы-академики — за «непрофессионализм», церковники — за рационализм, правящие круги из среды дворянской аристократии — за приверженность петровским началам государственной политики.

Татищев был убежденным сторонником просветительского тезиса об определяющем значении знаний, просвещения, науки для общества. В 1733 г. он напечатал «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ», написанный под влиянием распространенного в России упомянутого выше сочинения барона С. Пуффендорфа, основателя теории «естественного права» — «Введение в историю европейских государств», а также «Философского лексикона» протестантского богослова Г. Вальха. «Наука главная есть, чтоб человек мог себя познать»¹, — писал Татищев. Вслед за Вальхом он разделил науки на «нужные», «полезные», «щегольские», «тщетные» и «вредные», отнес историю вместе с языкознанием, риторикой, иностранными языками, математикой, физикой и географией во второй разряд — наук «полезных». Будучи деистом, Татищев считал богосло-

¹ Татищев Д. Н. Разговор о пользе наук и училищ. С предисловием и указателями Нила Попова. М., 1887, с. 2.

ние наукой по разряду «пущих»; следует, однако, помнить, что в XVII—XVIII вв. деизм имел прогрессивное значение в духовной жизни общества, являясь этапом на пути освобождения науки от религии и отречения от взгляды просветительски настроенной аристократии. Характерно, что астрология оказалась «тщетной», а суеверие — «вредной» науками. Татищев решительно выделял гражданскую историю от «сакри» (священной) и церковной истории.

Среди наук важное место занимает история. «...Никаков человек, ни един стан, промысл, наука, ниже какое-либо правительство, меньше человек единственный без знание оной совершен, мудр и полезен быть не может»¹. Таким образом, Татищев утверждал строго утилитарное назначение истории.

Такие же идеи Татищев развивал и в главном своем труде — «Истории Российской» (доведена до 1577 г., первая редакция закончена в 1739 г.), где имеется собственная его ссылка на «Рассуждение» 1730 г. Характерно появление в труде Татищева обширного «Предизвещения», в котором обосновываются принципы понимания истории, задачи его изучения, отбора и критики источников.

В. Н. Татищев сформулировал необходимость критического отношения к источникам — «разработать припасы годные от негодных, гнилые от здоровых», «басен за истинну и неудобных за бытие не принять, а паче беречься предосуждения и о лучшем древнем писателе, для которого наука критики знать не безужно». Татищев понимал важность прежде всего критического изучения конкретного материала. «Довольное чтение и твердая память» — это еще «скудно» для историка; наоборот, обучение «во всей философии» — «избыточественно», хотя ни того, ни другого «кратко отвергнуть нельзя»². Это начало того теоретического подхода к предмету, который характерен именно для научной формы познания. Татищев впервые указал на значение источниковедения, именно хронологии и исторической географии, а также генеалогии, как законодательной исторической дисциплины. Он перечислил и охарактеризовал источники своего труда, скептически отозвавшись,

¹ Татищев В. Н. История Российская, т. I. М. — Л., 1962, с. 80.

² Там же, с. 82, 83.

например, о достоверности известий «Синопсиса». Татищев высказал соображения о происхождении летописей и других источников. Он впервые охарактеризовал разные виды исторических трудов: «генеральные» или «универсальные», «партикулярные» или «специальные» и др. Наконец, Татищев указал на необходимость знания всеобщей истории для познания истории своего отечества, а вообще «знание собственной истории и географии весьма нужнее, нежели посторонних».

Татищев видел в истории не божественное предопределение (хотя не исключал и его: «причины же всякому приключению разные яко от бога или от человека»), а процесс развития всемирного «умопросвещения», управляемый волею и разумом исторических лиц («все деяния от ума или глупости происходят»¹).

Как отметил С. Н. Валк, «ум» для Татищева является основным понятием, которое лежит в основе всей его философии... Для приспособления рационалистической философии ума к просветительским задачам, которыми было проникнуто мировоззрение Татищева, понятию «ума» должно было быть противопоставлено понятие ума просвещенного... Татищев и... развивает понятие «ума», который путем просвещения обращается в «разум». Таким образом, Татищев подходит к идее «умопросвещения», которая и ляжет в основу его историко-философского построения хода всемирной истории.

Три «способа» «умопросвещения» видел Татищев: «Первое — обретение букв, через которое возымели способ вечно написанное в память сохранить и далеко отлучным наше мнение изъяснить. Второе — Христа спасителя на землю пришествие, которым совершенно открылось познание творца и должность твари к богу, себе и ближнему. Третье — чрез обретение тиснения книг и вольное всем употребление, чрез которое весьма великое просвещение мир получил, ибо чрез то науки вольные возрасли и книг полезных умножилось»². Этим ступеням в развитии просвещения соответствуют три «степени» (возраста) человечества: письменность знаменует

¹ Татищев В. Н. История Российская, с. 79.

² Валк С. Н. О «всемирном умопросвещении» В. Н. Татищева. — В кн.: Феодалы и Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 170—171.

границь между младенчеством и юностью, с христианством поступает мужество, а с книгопечатанием...

Татищев (повторяя «Политику» Аристотеля) рассуждал о различных формах правления — монархию, аристократию, демократию — и писал, что для решения этого вопроса «нужно взирать на состояния и обстоятельства каждого сообщества, яко на положение земель, пространство области и состояния народа... в единственных градах и малых областях полития или демократия удобна по пользу и спокойность сохранить может. В великих же, но от нападений не весьма опасных, яко окружены морем или непроходимыми горами, особливо где народ науки довольно просвещен, аристократия довольно способною быть может, как нам Англия и Швеция видимые примеры представляют. Великие же области, открытые границы, а наипаче где народ учением и разумом не просвещен и более за страх, нежели от собственного благонравия, в должности содержатся, тамо оба первые не годятся, но нужно быть монархии, как я 1730-го Верховному совету обстоятельно представил...»¹.

Впервые в русской исторической мысли мы встречаемся у Татищева с таким рационалистическим пониманием задач исторического изучения. Обращение к методам критического отношения к материалу и стремление указать на реальные причины событий и явлений в сочинениях Татищева указывают на превращение истории в науку. В его трудах определились основные черты исторической науки середины и второй половины XVIII и начала XIX в. — науки, которую по объективному социальному смыслу развивающихся его концепций называют в историографических работах дворянской историографией.

Это рационализм и деизм в области мировоззрения, прагматический подход к истории, сосредоточение внимания на деяниях исторических лиц, значительная психологизация истории, а отсюда сосредоточение внимания на событиях и явлениях политической истории при явном невнимании к проблемам экономической и, тем более, социальной истории. Метафизический подход к истории как совокупности деяний исторических лиц, определяющихся неизменными качествами человеческой

¹ Татищев В. И. История Российская, с. 362.

природы, а также степени просвещения, разума правителей еще не дает возможности увидеть в исторический процесс развития общества, внутреннюю и объективную, его обусловленность. Субъективизм господствует при таком понимании истории, но вместе с этим уходит в прошлое и все более вытесняется средневековый провиденциализм. Общественный и государственный строй выступают как порожденные «естественным правом», «общественным договором» (в том числе и крепостное право, и самодержавная монархия), но зато они теперь начисто лишаются своего «божественного происхождения». На место бога выходит человек с его разумом и психикой в качестве творца истории — и в этом громадный шаг вперед в развитии мысли, когда «мыслящий рассудок стал единственным мерилom всего существующего»¹, — явление, общее для духовной жизни Европы XVIII в. Наконец, чисто утилитарный подход к задачам истории обуславливает обращение исторических трудов к самым различным слоям читающей публики, выдвигает в качестве одной из самых важных задач историков распространение поучительных и полезных знаний о прошлом в различных слоях общества, «снабжение» его всем богатством исторического опыта, понимаемого как собрание хороших и плохих примеров, действующих сегодня так же, как вчера, как и несколько веков назад, ибо человеческая природа неизменна и люди поступают в сходных обстоятельствах одинаково, причем решающую роль играет степень их образованности, в которую входит овладение опытом прошлого.

Отсюда формируется историческая концепция Татищева. Не случайно эта концепция была представлена в политическом проекте Татищева, направленном против «верховников», ограничивавших самодержавную власть, — в «Произвольном и согласном рассуждении и мнении собравшегося шляхетства русского о правлении государства» в 1730 г.² Здесь была дана полная схема русской истории: «совершенное самовластительство» существовало уже от Рюрика до Мономаха, затем — господство аристократии, вследствие чего (тут Татищев повторяет уже высказанную Манкиевым и за ним немецкими учеными мысль) «татары нашед всеми обладали,

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 16.

² См.: «Утро». Литературный сборник. М., 1859, с. 360—373.

литовцы бывшую под властью многую часть от госуларства отторгнули. И так пребывало государство в ^{то} ве татарском более двухсот лет». Третий период русской истории начался с Ивана III — «Иоанн Великий осмелился ту аристократию истребить, «паки монархию восстановил» и сбросил татарское иго, «Петр Великий все оное усугубил и большую, нежели его предки, себе и государству самовластием честь, славу и пользу принес»¹. Отсюда вывод, который был в то же время и непосредственной политической целью исторических изысканий Татищева: «Из чего всяк может видеть, сколь монархическое правление государству нашему протчих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез протчее умалется и гибнет»². Что касается «демократических правительств» Новгорода, Пскова, Полоцка, то Татищев осуждал их не только за то, что они «власть великих князей уничтожили, но еще и за то, что «к тому духовные, угася науки и утопя народ в суеверии, великую власть получили, что их народ более великих князей почитал»³.

Итак, не только объективные условия, но и опыт истории, по мнению Татищева, приводят к тезису, который долго будет потом держаться в исторической литературе: история России есть история самодержавия. Татищев всюду подчеркивает, что господство аристократии, как, например, в удельное время или при Василии Шуйском, всегда приводило к ослаблению государства и установлению иноземного господства — монголо-татар в одном случае, польско-литовских интервентов — в другом. Параллель с современностью напрашивалась сама собой — господство аристократии, «верховников» приводит к власти Бирона и других немцев.

Уделив большое внимание происхождению народов, Татищев настаивал на древности славян и их выдающемся месте в истории, так как само название славян происходит, по его мнению, от слова «слава». Татищев широко использовал труды античных авторов. С приходом варягов и Рюрика славянский народ был «уничжен», и лишь происходившая из славян Ольга вновь

¹ См.: Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 69.

² Татищев В. Н. История Российская, т. I, с. 366—367.

³ Там же, с. 367.

возвысила его. В специальной главе «О древнем правительстве русском и других в пример» Татищев но рассмотрел вопрос о происхождении государства на основе принципов «естественного права» и «общественного договора». Проявлявший, как и все деятели Петровской эпохи, большой интерес к вопросам экономического развития, Татищев особо останавливался на происхождении городов, которые возникли, когда соединились ремесленники разных специальностей, «дабы всяк свободно потребное себе в близости достать» мог. В другом труде «Представление о купечестве и ремеслах» Татищев подробно рассмотрел историю мероприятий русских правителей, направленных на развитие ремесел, промыслов, торговли.

Труд Татищева «История Российская с древнейших времен» основан на небывало широком круге источников. Татищев был большим знатоком и собирателем их. Ему принадлежит выдающееся открытие: в 1738 г. он обнаружил и по достоинству оценил забытую к тому времени «Русскую Правду»; наряду с ней он подготовил к печати Судебник 1550 г., но и эти труды при жизни ученого Академия так и не опубликовала. В руках Татищева были материалы, позднее исчезнувшие; они имели уникальную информацию, как, например, Раскольничья летопись.

Некоторые источники труда Татищева остаются до сих пор неизвестными.

Внешне труд Татищева похож на огромную летопись; материал распределен по годам, что дало основание некоторым историкам исторической науки расценить этот труд как «последнюю летопись». Две редакции «Истории», имеющие отличия и разночтения, отсутствие точных ссылок на источники породили в историографической литературе продолжающийся до наших дней спор — насколько можно верить так называемым «татищевским» известиям, не встречающимся больше нигде? Некоторые исследователи полагают, что Татищев в угоду своим политическим взглядам мог кое-что и придумать, так как он был не столько ученым-исследователем, сколько своего рода историческим писателем, который допускал некоторый домысел, вольную передачу имевшейся в его распоряжении информации. Напротив, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков и другие ученые решительно отвергают самую возможность сознательной

фальсификации источников Татищевым. Татищев действительно стремился сделать свой текст понятным для современников и поэтому иногда адаптировал текст источника к языку XVIII в., разъяснял этот текст, но он никогда ничего не фальсифицировал, никогда не только не придумывал «полезных» для его взглядов сведений в прошлом, но даже не замалчивал, не опускал таких сведений, которые были ему «невыгодны».

Рационалист и критик источников, автор глубоко разработанной светской концепции истории России, отвечавшей классово-политическим интересам дворянства и много продвигавшей познание истории страны, — таким предстает В. Н. Татищев в истории русской исторической науки как один из наиболее крупных ее деятелей.

Другой крупнейший ученый-энциклопедист, с именем которого также связано превращение исторических знаний в науку в середине XVIII в., — М. В. Ломоносов (1711—1765) сосредоточил главное внимание на решении получившего большую политическую остроту вопроса о происхождении Руси. Занятия историей для Ломоносова органически связывались с его общественно-политическими убеждениями. Дело не только в том, что, будучи горячим патриотом, Ломоносов не мог мириться ни с засильем иностранцев в Академии, ни со служившей оправданию этого засилья «норманской теорией». Дело еще в том, что Ломоносов искренне верил во всемогущую преобразующую силу знания и просвещения. Желая освобождения своего народа от ужасов крепостнической действительности, выходец из поморских крестьян надеялся на «просвещенного» монарха, на то, что просвещение и связанное с ним развитие национального самосознания изменят людей, а с ним и порядки. Для укрепления национального самосознания история имела в глазах Ломоносова огромное значение. Поэтому ученый-естествоиспытатель занимался историей, а также филологией и изобразительным искусством.

История, по Ломоносову, должна давать людям и обществу поучительные примеры для практической деятельности и поведения. Она «дает государям примеры правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судиям — правосудия, младым — старых разум, престарелым — сугубую твердость в советах, каждому — незлобивое увеселение, с несказанною пользой

соединенное»¹. Перед нами — типичный, но не менее открыто прагматический подход к истории. Если касается движущих сил истории, то они заключены в деяниях «бывших в России владетелей, а особливо самодержавных»², следовательно, Ломоносов стоял на позициях рационализма.

Как и Татищев, Ломоносов подчеркивал необходимость тщательного подбора источников и их критики. В полемике с Миллером он указывал на недопустимость пользования только иностранными источниками и игнорирования русских, выбора из источников только тех сведений, которые соответствуют точке зрения историка. Отмечая наличие в древних источниках «баснословия», Ломоносов не соглашался с тем, чтобы вообще отвергать их, так как нужно другое — умение находить правду и отделять ее от «басен». Ломоносов использовал в качестве источника данные языкознания, топонимики.

Его «Древняя Российская история», доведенная до 1054 года (1751—1758), представляет собой обстоятельное исследование широкого круга источников, раскрывающих происхождение Руси. В своем труде Ломоносов намного опередил науку своего времени: многие его гипотезы относительно древних славян нашли подтверждение лишь в следующем столетии. Несмотря на отдельные ошибки, труд Ломоносова при всей своей «риторичности» утверждал научный подход к материалу и опровергал построения «норманистов». Не отвергая призвания Рюрика, Ломоносов полагал, что так как в языке и в топонимике русских совсем нет варяжских следов, то варяги (как и предшествовавшие им готы) были не скандинавами, а славянами. Он отождествлял при этом варягов с пруссами, а последних ошибочно считал славянами. Появление варягов-руси, по Ломоносову, не начало русской истории, которая в действительности намного древнее. Ломоносов решительно возражал против представления о невежестве славян до прихода варягов.

В «Кратком Российском летописце» (1759), написанном совместно с А. Богдановым, Ломоносов дал крат-

¹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений, т. 6. М.—Л., 1952, с. 171.

² Там же, с. 15.

кую справку о правителях России, последовательно сменявших друг друга с древнейших времен до Петра Великого включительно. Ломоносов написал также «Идеи для живописных картин из русской истории», разработал для них сюжеты, в которых освещены героическая борьба за независимость и история установления самодержавия, которое Ломоносов считал прогрессивной силой в истории России.

О взглядах Ломоносова на общий ход русской истории свидетельствуют различные его высказывания, в общем совпадающие с утвердившейся тогда схемой «самодержавие — распадение Руси — восстановление самодержавия», в которой главная роль отводилась личным качествам деятелей и правителей.

Острота борьбы с норманистами способствовала тому, что Ломоносов поддерживал версию о том, что самодержавие существует с самого начала Руси. Поэтому и он называл Рюрика «самодержавства российской основателем»¹ и писал о том, что «разномысленною вольностью Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастных времен умножилась, укрепились, прославилась», и считал «согласным» «единоначальство кесарей», «самодержавство государей московских»², «в единоначальном владении» видел «залог... блаженства» России.

Несколько произведений Ломоносова были посвящены Петру Великому. Ломоносов исключительно высоко оценивал его дела, как подлинное проявление «просвещенного» абсолютизма, образец для подражания последующими правителями.

Становление исторической науки в России привело к утверждению дворянско-монархической (при всех оттенках) по своему объективному классово-политическому содержанию концепции русской истории. Рассматривая этот вопрос в более широкой перспективе общего хода развития страны, надо сказать, что превращение исторических знаний в науку было одним из проявлений того «нового периода русской истории», кото-

¹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений, т. 6, с. 217.

² Там же, с. 171.

рый В. И. Ленин характеризовал как период «складывания национальных, буржуазных связей», идущий «примерно с 17 века»¹. Суть происходивших перемен заключалась в переходе от провиденциализма к рационализму, как об этом уже говорилось. Но рационализм есть явление европейской духовной жизни, отразившее начавшееся буржуазное развитие общества. В условиях России многие явления экономического и идеологического развития оказались ввиду господства крепостничества имеющими искаженную социальную природу. Носителем рационалистических идей в России выступило дворянство. Оно не только в экономической, но и в идеологической области приспособлялось к новым объективным условиям. Рационализм придавал дворянской идеологии новую устойчивость, но вместе с тем, оказавшись на вооружении дворянства, он приобрел и консервативные черты. Идея решающей роли человека и его разума оказалась обуженной до роли правителей страны. Общество не становилось субъектом исторического развития. В итоге рационалистическая историография лишь кардинальным образом перевооружила, но не тронула сколько-нибудь существенно древний принцип русской исторической мысли: освещать в истории прежде всего, если не исключительно, деяния правителей, власть имущих. Вот почему эта историография и в проблематике, и в концептуальном отношении так во многом оказалась сходной с летописью — она освещала прежде всего политическую историю и с судьбами державной власти неразрывно связывала судьбы страны. История страны еще сводилась к истории власти.

ЛЕКЦИИ 6—7

Развитие дворянской и зарождение буржуазной историографии. Возникновение революционной исторической мысли в России (вторая половина XVIII—первая четверть XIX в.)

Вторая половина XVIII — начало XIX в. стали временем развития сложных и находившихся в противоречии процессов социально-экономического развития Рос-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154.

сии. С одной стороны, в стране уже формировался буржуазный, капиталистический уклад, о чем свидетельствовали развитие мануфактур с вольнонаемным трудом, рост купечества и капиталов, начавшееся социальное расслоение крестьянства. С другой стороны, старый, феодальный способ производства еще не исчерпал своих резервов. Распространяясь на новые территории, он вовлек в свою сферу новые массы населения. В идейно-политической жизни произошло теснейшее переплетение крепостнических и буржуазных идей и учреждений. Дворянские правители России использовали буржуазные идеи французских просветителей и опыт организации государственного управления для укрепления существующего строя общественных отношений. Создавалась иллюзия возможности достижения высоких идеалов общественного устройства, основанного на строго законных, гуманных, просветительских началах, при сохранении существующего строя, который должен быть лишь «облагорожен» просвещением, законностью, нравственным воспитанием «новых людей». Идея крепости существующего строя укоренялась тем более, что XVIII век, особенно вторая его половина, был «громкий век военных споров, свидетель славы Россиян», как охарактеризовал его Пушкин, — великолепные победы русского оружия создавали ореол силы и славы крепостнической империи. Лишь очень немногие умы поднимались тогда до понимания необходимости свержения самого этого строя для достижения великих идеалов века Просвещения. И так как образование, знание, наука по-прежнему сосредоточивались главным образом в среде дворянства, движение Емельяна Пугачева и Французская революция привели в этой среде к раздумьям над тем, как обойтись без «ужасов» народных восстаний и революций, но добиться этих идеалов. В духовную жизнь дворянской интеллигенции входит прочнее отрицательное отношение к буржуазному развитию Запада с его «пролетарством», бедностью и роскошью, остротой социальных конфликтов. В этих условиях утопические надежды на «восстановление» «патриархальных» отношений между помещиками и крестьянами, на «мудрость» «просвещенного» самодержавия, вера в самобытный, особенный путь исторического развития России получали все большее распространение в среде дворянской интеллигенции. Верившие в спасительную силу знания и просве-

щения, желавшие искоренения пороков существующего строя, но органически связанные с ним, дворянские интеллигенты конца XVIII — начала XIX в., за немногими исключениями, объективно оказывались на консервативных позициях. И хотя они критиковали самодержавие и крепостничество, в конечном итоге они это делали для того, чтобы спасти их, удержать. подновить в надежде на то, что этот строй может дать России просвещение и благоденствие, минуя и народные мятежи и «язву пролетариата».

В этой духовной атмосфере русского общества второй половины XVIII в. развивалась историческая наука. Уже утвердилось представление о первостепенной образовательной роли исторического знания, о значении истории как собрания поучительных примеров, которое теперь, когда все более распространялась мысль о значении нравственного воспитания нового поколения людей, приобретало столь важное значение.

И так как век Просвещения указывал повсюду на высокие образцы античности, то и в обращении к русскому прошлому сильно проявлялось стремление принарядить его в образцы античных подвигов и добродетелей. Не только в скульптурных группах и на живописных полотнах персонажи древней Руси представляли в античных позах и одеяниях — такими они выглядели и со страниц исторических сочинений поэтов, писателей и историков, старавшихся представить Россию со столь же славной и героической историей, как и древние Грецию и Рим. Историческая тема глубоко проникла в литературу и искусство, а произведения историков-исследователей принимали торжественно-риторический стиль изложения.

Существует мнение, что характер исторических трудов XVIII в. был определен главным образом находившимися тогда в распоряжении историков летописями. Однако не потому историки в XVIII в. писали политическую историю, что опирались на летописи, а потому собирали и использовали именно летописи, что последние были не только наиболее привычной, традиционной формой исторических сочинений, но и наиболее отвечали задачам обращения к истории в это время.

Во второй половине XVIII в. началась массовая публикация исторических источников. Появился первый научно-литературный журнал на русском языке — «Еже-

месячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755), одним из редакторов которого был историк Г.-Ф. Миллер.

Из среды образованного дворянства выткнулись крупные историки, такие, как князь М. М. Щербатов (1733—1790). Он был хорошо известен не только своими обширнейшими познаниями в истории и философии, но и публицистическими выступлениями в защиту привилегий дворянства и за безусловное сохранение крепостного права¹. В Уложенной комиссии 1767 г. он критически отнесся к екатерининскому «Наказу» за стремление к неограниченной, деспотической форме правления, за сужение прав дворянства (о предоставляемом дворянам праве лично жаловаться государыне Щербатов иронически отзывался как о дозволении «визжать, когда их бьют»²). Дело не обошлось, разумеется, без исторических примеров. Иван Грозный с его опричниной — дурной пример самовластия. Петр — другое дело, он позволял Сенату вносить предложения и против его распоряжений.

В своих «Размышлениях», «Примечаниях» и прочих трактатах Щербатов доказывал необходимость власти для того, чтобы люди следовали законам и не отклонялись от тех разумных правил, которые в этих законах утверждены. Равно осуждая деспотические, аристократические и демократические формы правления, так как они отрицательно влияют на человеческую природу, Щербатов возвышал монархический строй, где монарх, относящийся к народу как отец к детям, опирается на совет «мудрейших и более знания имеющих в делах», в особенности в вопросах законодательства. Но все сословия привлекать к этому делу нельзя — опыт комиссии 1767 г. Щербатов оценивал отрицательно. Лишь аристократия, наделенная честью, разумом, опытом, свободой, может и должна быть соучастницей в законодательстве.

Однако не только высокие соображения рационалистической философии и поучительные примеры далекого прошлого руководили государственным размышлением князя Щербатова. В «Размышлении о неудобствах в России дать свободу крестьянам», в «Краткой по-

¹ См.: Федосов Н. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М., 1967, с. 44—68.

² Щербатов М. М. Соч., т. 1, СПб., 1896, с. 300.

вести о прежде бывших в России самозванцах» (1774) и других произведениях Щербатов рассуждал о том, что всякие проекты реформ ведут к самому страшному — к крестьянскому «бунту». Щербатов считал, что «не так легко и не так полезно просветиться народу, как думают, ибо малое просвещение ведет токмо в вящие заблуждения и к духу неподданства». Он пояснял, в чем дело: «И ежели народ подлой просветится и будет сравнивать тягости своих налогов с пышностью государя и вельмож, не зная, впрочем, ни нужды государства, ни пользы самой пышности, тогда не будет ли он роптать на налоги, и наконец не произведет ли сие и бунта»¹.

Но Щербатов осуждал одновременно и «пышность». В книге «О повреждении нравов в России» (1786—1789) он сетовал на снижение морали и правственности под влиянием развившегося «сластолюбия». В допетровское время, по мнению Щербатова, существовали идеальные порядки и отношения между властителями и подданными, все жили «просто», выполняли свой долг, дворяне были верной опорой государя. Петровские реформы принесли много полезного, но разрушили прежнюю «простоту». Лесть, корыстолюбие, стремление к роскоши стали овладевать людьми, уничтожать правосудие. Все эти пороки необыкновенно выросли при преемниках Петра, которым, не исключая Екатерины II, Щербатов дал язвительные и резкие моральные характеристики.

Рационалист Щербатов со своих позиций почувствовал перемены, которые принес XVIII век. Он увидел поверхность явлений, еще не связывая это с буржуазным развитием, резко усилившим роль денег и изменившим обычаи и нравы «благородного» дворянства. Щербатову кажется, что все еще можно поправить, действуя в морально-правственной и законодательной области. Но действовать опять-таки в высшей степени осторожно, умелыми руками опытной аристократии, чтобы не получилось бунта и чтобы не рухнуло пораженное дурными нравами здание.

Этот круг представлений о современности, о нуждах общества оказывал, разумеется, решающее воздействие и на занятия Щербатова русской историей, но механизм взаимодействия между общественно-политическими и научно-историческими взглядами был отнюдь не прост:

¹ Щербатов М. М. Соч., т. 1, с. 617—618.

историк Щербатов не только искал в истории необходимые ему примеры для подтверждения идеологическо-политических идей, он и проникал — в соответствии со своими мировоззренческими принципами — в изучаемый им материал, который на него влиял, как на всякого исследователя. Развивался процесс дальнейшего знания прошлого.

Щербатов был озабочен возможно более полным собранием необходимых источников для написания русской истории. Он привлек не только новые по сравнению с предшественниками летописи, но и актовые материалы, извлеченные из государственных хранилищ, в том числе духовные и договорные грамоты, статейные списки послов, ханские ярлыки и т. п. Особое внимание историка привлекли документы, в которых излагались законодательные установления. Наблюдения над источниками навели Щербатова на мысль, что они далеко не полны и не всегда достоверны. Причина — не только плохая сохранность памятников, но и невежество летописцев и других составителей документов, которые не понимали, как важно сохранить для потомков память о событиях («приключениях»). Щербатов тем самым оценивал источники с позиции «здравого смысла» своего времени. Выбирая источники с точки зрения наибольшей достоверности, Щербатов отдал предпочтение русским источникам перед иностранными, более древним спискам перед позднейшими. Такой отбор источников еще довольно поверхностен, но уже содержит начало их критики.

Под влиянием учения Юма о том, что «наука притчин есть приключающая наиболее удовольствия разума»¹, и на основе гораздо более широкой, чем прежде, источниковой базы Щербатов создал свою многотомную «Историю Российскую от древнейших времен», доведенную до 1610 г. Причинность понималась им прежде всего в психологическом плане, действующим началом в истории остались исторические деятели, поступки которых объяснялись извечными и неизменными особенностями человеческой психологии. «Трудно проникать по таенные причины давно прошедших дел, — писал М. М. Щербатов, — но, как люди всегда в одинаковых усло-

¹ Щербатов М. М. Соч., т. 1, с. 9.

внях почти одинаково понимают, то мною возможность моих догадки о сем представить»¹.

С позиций психологизма Щербатов подходил к объяснению народных выступлений — они вовсе не «наказание божье» за грехи, как это говорили летописцы, а следствие человеческой природы, в которой есть слабые черты. Природу человека можно переделать просвещением и воспитанием, но надо остерегаться «бунтов» и всеми мерами предотвращать их, поскольку, кроме разрушения, они ничего не несут и ввергают народ «в злейшие нещастия».

Соответственно интерпретировал Щербатов известия, свидетельствовавшие, по его мнению, о благотворности ограничения деспотической власти. С этой точки зрения Щербатов положительно оценивал государственные порядки в Новгороде с самого призвания Рюрика, так как княжеская власть там была ограничена военными функциями.

Политические воззрения М. М. Щербатова, недовольного усилением абсолютизма и ограничением роли аристократии в государственном управлении начиная с преобразований Петра I, обусловили его усиленное внимание к истории Московской Руси. Центральная политическая идея — союз верховной власти с дворянством как необходимое условие прочности государства — сказалась весьма определенно в подходе Щербатова к средневековой русской истории. Не только история самодержавия, но и история дворянских родов привлекла внимание Щербатова, бывшего одним из первых и крупных знатоков генеалогии. Введение Щербатовым в круг исторического исследования истории дворянства несколько расширяло проблематику исторической науки, но еще не ставило задачу изучения дворянского сословия как такового.

В отличие от Татищева, Миллера, Шлецера Щербатов рассматривал период от Дмитрия Донского до правления Ивана IV как один этап русской истории, характеризующийся двумя тесно связанными процессами — борьбой против монголо-татар и установлением самодержавия. Историю возвышения Москвы Щербатов рассматривал как поучительный пример сотрудничества,

¹ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен, т. I. СПб., 1901, с. 27.

единства княжеской власти и боярства. В этом смысле он высоко оценил политику Дмитрия Донского и Ивана III, которые «лаской», в согласии с боярством, достигали своих целей. Но насильственные действия этих правителей Щербатов осуждал, подбирая соответствующий по характеру источник. Например, такого рода действия Дмитрия Донского Щербатов описывал на основе сообщений враждебной Москве Тверской летописи. Историю правления Ивана IV Грозного Щербатов рисовал, следуя за сочинениями князя А. М. Курбского.

В ряде статей, в том числе с характерным названием «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого», Щербатов ввел в историческую литературу критическую оценку деятельности Петра, унившего старинную аристократию. Щербатов даже пробовал рассчитать, как бы могла Россия «дойти до того состояния, в каком она ныне есть в рассуждении просвещения и славы» «сама собою, без самовластия Петра Великого», — нечто вроде постановки вопроса об альтернативности исторического развития.

Заслугой Щербатова было то, что он впервые представил построенный на критической обработке источников прагматический взгляд на русскую историю.

Но уже во времена Щербатова стали выдвигаться новые идеи относительно задач и методов исторического изучения. В этом отношении видное место в истории исторической науки занимает И. Н. Болтин (1735—1792). Он не принадлежал к дворянской аристократии, как Щербатов, но был крупным землевладельцем и видным деятелем на военной и административной службе, имел чин генерал-майора. Болтин принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. О его обширных познаниях в истории знала Екатерина II, которая сама, как она выражалась, «марала» по русской истории и давала свои сочинения предварительно посмотреть Болтину, чтобы избежать ошибок. Екатерина прекрасно понимала ту роль, которую могли сыграть исторические сочинения для решения идейно-политических задач ее правления. Ее собственные занятия русской историей были частью того демонстративного поклонения всему русскому, которое должно было убедить подданных, что дочь немецкого князька является истинной русской патриоткой — после Бирона, Петра III и прочих подобных властителей это было очень важно. Щербатовской кри-

тике неограниченного самодержавия с помощью истории надо также было что-то противопоставить.

Болтин придерживался иной политической позиции, нежели Щербатов. Он, как и большинство дворянства, отрицательно относился к аристократической знати, был сторонником сильного, «разумного» самодержавного правления, и потому его занятия историей поощрялись Екатериной. Когда в Париже появилась довольно невежественная книжка побывавшего в России французского врача Леклерка «Естественная, нравственная, гражданская и политическая история древняя и нынешняя России», в которой наряду с критикой современного положения страны содержалось извращенное изображение ее истории, Болтин написал обширные «Примечания» на эту историю (1788). Князь Г. А. Потемкин уговорил Екатерину издать этот труд Болтина за счет государства. А затем, когда было осуществлено таким образом «защитение отечества» от «сущего враля» Леклерка, пришла пора ответить и Щербатову. Так появились еще два тома «Критических примечаний генерал-майора Болтина» на первый и второй тома «Истории Российской» князя Щербатова (1793—1794).

Таким образом, труды Болтина имели необычную форму — они не представляли собой цельной истории России, а содержали критический разбор ряда отдельных положений критикуемых им трудов и появились как средство идеологической борьбы екатерининского правительства. Надо заметить, что Екатерине удалось и в области общественного мнения воспользоваться наиболее передовыми и совершенными средствами, подобно тому как она использовала в военных делах гениальных полководцев, в административных — способных администраторов и т. п. Болтин принадлежал к числу не только превосходных знатоков исторического материала, но и глубоких мыслителей, если можно так выразиться применительно к XVIII в. — теоретиков исторической науки. «Болтина, — пишет С. Л. Пештич, — можно признать, не вдаваясь в модернизацию, не только одним из первых историков, формулирующих буржуазную теорию общественного развития, но и теорию факторов»¹. Как и другие мыслители XVIII в., Болтин выступал с последовательно рационалистических и дворян-

¹ Пештич С. Л. Русская историография XVIII в., ч. II, с. 116.

ско-просветительских позиций. «В этих новых воззрениях, — писал один из первых исследователей наследия Болтина В. О. Ключевский, — явственно выступали две мысли: 1) о закономерности исторического процесса и 2) о возможности построить, точнее, перестроить жизнь общества по началам разума». И далее: «У нас нередко повторяют, что впервые сказал Болтин, и очень редко припоминают, что Болтин первый сказал это»¹.

Выдвинув мысль о значении национального характера («нравов») в истории, который зависит от географических условий, Болтин считал, что «удобнее законы сообразить нравам, нежели нравы законам; последнего без насилия сделать не можно»². Тем самым от субъективных начал при определении причин и характера исторических явлений Болтин стал переходить к объективным факторам, не только лежащим за пределами человеческого характера, но и оказывающим на него большое влияние, и прежде всего к роли географической среды.

Болтин выдвинул более широкое понимание причинности событий, выходящее за рамки объяснения их деятельностью отдельных лиц. Мысль о более широком комплексе причин звучит в словах Болтина о том, что «союз деяний и происшествий причины и их следствия ведать нужно»³. Общая схема русской истории у Болтина внешне не выходила за рамки обычного для XVIII в. представления о существовании в древней Руси единой державы, затем его утрате в результате разделения земли между князьями («феодализма») и восстановления вследствие воссоединения страны под единой властью. Наличие феодализма в древней Руси, «поглощенного» московскими правителями, признавали А.-Л. Шлецер, И. П. Елагин, Х. Стриттер, позднее — Н. М. Карамзин, М. М. Сперанский, М. Н. Муравьев, молодой М. П. Погодин. Для них феодализм был тождествен «удельной системе».

В эту схему Болтин вложил иное содержание.

¹ Ключевский В. О. Соч., т. VIII. М., 1959, с. 150, 163.

² Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, 6/м, 1788, т. I, с. 316.

³ Болтин И. Н. Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1793, с. 3.

По его мнению, единство древней Руси характеризовалось соответствием нравов и законов; последние были едины и воплотились в «Русской Правде». «Разделение государства на многие уделы», «завоевания татарские» породили «ослабление законов и расстройство или уничтожение прежнего единообразного управления». В этой связи Болтин высказал мнение о том, что на Руси существовал такой же феодализм, как и на Западе («в полном виде») ¹, причем сопоставлял французский феодал с русским поместным окладом, превратившимся затем в вотчину. Окончание «феодализма» как системы политического раздробления на Руси Болтин связывал с Иваном IV, сравнив его деятельность с деятельностью Людовика XI ².

Новые, продвигавшие науку идеи Болтин использовал в политических интересах дворянства и самодержавия; недаром Болтин так ополчился против Леклерка с его обличениями деспотизма русских царей. Понимание Болтиным истории России, и в том числе установления самодержавия, было призвано защитить самодержавный строй: «Власть единого есть несравненно лучшая, выгоднейшая и полезнейшая как для общества, так и для каждого особенно, нежели власть многих» ³.

Болтин несколько иначе, чем Щербатов, относился и к крепостному праву. Он полагал, что до конца XVI в. крестьяне владели землей, не являясь ее собственниками, помещики же ограничивались оброками, не имея права порабощать крестьян. С конца XVI в. «запрещением крестьянам перехода от одного помещика к другому положено начало их рабства» ⁴. В перспективе Болтин считал целесообразным регулирование отношений между помещиками и крестьянами со стороны государства при сохранении крепостного права как такового, обосновываемого доводами «естественного права».

¹ Болтин И. Н. Критические примечания... на первый том «Истории» князя Щербатова, с. 65; он же. Критические примечания на второй том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1794, с. 253.

² Правда, уже критикуемый Болтиным Леклерк находит «поразительную аналогию» между русским и французским абсолютизмом в раздаче земли «дружиинникам».

³ Болтин И. Н. Критические примечания... на второй том «Истории» князя Щербатова, с. 474.

⁴ Болтин И. Н. Примечания на историю дворянства и нынешнюю России г. Леклерка, т. I, с. 331.

Опровергая нарисованную Леклерком картину крайней отсталости и невежества русского народа с отдаленнейших времен, Болтин указывал на аналогичности начальных этапов истории всех народов; возражая изложению картины русского крепостничества, он указывал на тяжесть положения крестьян в странах Западной Европы; отвергая тезисы о захватническом характере внешней политики России, он писал об отличии завоеваний древнего Рима от присоединений новых территорий Россией: в первом случае империя держалась силой оружия, во втором — происходило естественное вхождение народов в состав России.

Таким образом, и в общественно-политическом, и в научно-историческом отношении Болтин является продолжателем идей Татищева, на труды которого он указывал, как на образец подхода к источникам. Однако Болтин пошел значительно дальше Татищева в теории исторического изучения. Хотя и по концепции, и по общей рационалистической философии истории Болтин находится в пределах дворянской историографии, защищая классово-политические интересы дворянского класса в целом, тем не менее в области методологии Болтин объективно прокладывал путь к формированию новых принципов понимания истории, к той историографии, которая по своему социально-политическому значению станет буржуазной. Историческое мировоззрение Болтина есть одно из проявлений того специфического для России второй половины XVIII в. переплетения крепостнически-самодержавных и буржуазных идей, о котором речь шла в начале этой лекции.

Для формирования нового, буржуазного направления в исторической науке во второй половине XVIII в. существенное значение имело появление новой проблематики — истории торговли, промышленности, отдельных городов. Характерно, что интерес к этим сторонам исторического прошлого возник в кругу купечества. Это примечательное явление в истории исторической науки: расширение социального круга потребителей и «производителей» исторических трудов. История перестает быть монополией дворянства, она начинает обслуживать также социально-политические интересы поднимающейся русской буржуазии, хотя и на отсталом методологи-

ческом фундаменте, что отражало ее политическую разнотность и теоретическую слабость ее и.

Выходец из семьи курского купца И. Г. Голиков (1735—1801) не обладал теми широкими знаниями, какие были у Щербатова или Болтина. Он вел большие торговые дела и параллельно занимался собиранием материалов о жизни и деятельности Петра I. Итогом его трудов стали двенадцать томов «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России» (1788—1789) и еще восемнадцать томов «Дополнений к Деяниям Петра Великого» (1790—1797). Вот такая тема заинтересовала более всего купеческого историка — не вообще русская история, а именно «деяния» Петра, правителя, много сделавшего для развития торговли и купечества. Поднимавшаяся русская буржуазия безоговорочно ориентировалась на сильную абсолютистскую власть, которая могла открыть дорогу купечеству и оградить его от притязаний дворянства. Голиков выступает как подлинный апологет Петра, он создает ему настоящий панегирик, он видит в нем, в его «мудрости», в его воле единственную причину и движущую силу преобразований.

Следовательно, никаких иных понятий причинности у Голикова нет, щербатовский критицизм по отношению к Петру ему чужд и непонятен, как и болтинские мысли относительно влияния географической среды. Более того, Голиков не чужд и элементов providentialизма, когда говорит, что мудрые правители даруются народам «творцом». Приемы отбора и критики источников, уже выдвинутые и разработанные Татищевым, Щербатовым, Болтиным, для Голикова остаются книгой за семью печатями. Он в простой хронологической последовательности приводит или излагает документальные материалы, пересыпая их восторженными похвалами Петру.

Голиков с некоторой хитрецой показывал себя простаком и в ученых делах: «Я человек не ученый, следовательно, не знающий никаких критических правил, и не искусен в историческом слоге... я совсем не историк, но только собиратель воедино дел Петровых и благородный повествователь оных»¹. Так Голиков прикрывает тенденциозность своего труда, продиктованную интересами своего класса к прошлому, не совпадающими с

¹ Цит. по: Черепнин Л. В. Русская историография, с. 249.

интересами дворянской аристократии и всего дворянства в целом. В результате перед нами не просто нарисован Петру, а особенное подчеркивание его заслуг именно в области развития экономической жизни страны, торговли и промышленности. Последние предстают исключительно как следствие политической деятельности правителя, здесь еще очень далеко до понимания роли экономики как таковой в развитии страны. Но тема экономики уже есть, и это существенным образом отличает зарождающееся буржуазное направление от сложившейся традиции дворянской историографии, сосредоточивавшей все свое внимание на политической истории.

Другой историк из среды купечества — В. В. Крестинин (1729—1795) — автор книг об истории Холмогор и Архангельска, истории «двинского народа» и «сельском старинном домостроительстве двинского народа», о внешней торговле в царствование Петра. Он основал первое историческое общество в России — «Общество для исторических исследований» в Архангельске (1759). Обращает на себя внимание новая тематика исторических трудов Крестинина — это местная история, но в этой тематике на первом плане стоит история купечества, торговли, промыслов. Особый интерес представляет обращение к семейным архивам и стремление показать историю отдельных богатых семей Подвинья. Крестинин, как и Голиков, ясно заявляет о большой положительной роли самодержавия для купечества. Он положительно оценивал борьбу «двинского народа» во главе с «торговыми гостями» против «непостоянства и свирепства самовольного новгородского народа» и считал, что подданство московским князьям с их «единоначалием» было гораздо более благоприятно для торговли и купечества¹.

Местной историей занимался также первый русский член-корреспондент Академии наук, выходец из купцов П. И. Рычков (1712—1777) — автор «Опыта Казанской истории древних и средних времен» (1762), в которой были использованы русские летописи и некоторые источники на татарском языке. Рычков был, по-видимому, автором сочинения «О бунте и злодеяниях Стеньки Ра-

¹ См.: Пештин С. Л. Русская историография XVIII в., т. II, с. 321.

зна и его единомышленников в Астрахани», где содержится резко враждебная оценка народного движения¹.

Выходец из разночинцев М. Д. Чулков (1740—1793) создал огромный труд, насчитывавший свыше 14 тысяч страниц, — «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего...» (1781—1788). Здесь речь идет не только о коммерции в собственном смысле слова, но и о промышленности, в том числе мануфактурах. Главное внимание уделено торговле и купечеству, приводятся не только обширнейшие документальные материалы в большинстве своем в «сыром» виде, научно еще не обработанные, но и рассуждения о пользе торговли и купечества для процветания страны. Как и Голиков, Чулков не лишен религиозных воззрений, доказывая, что коммерция началась еще в библейские времена, когда бог разделил дары по разным землям и тем самым предопределил неизбежность обмена ими — «коммерции». Исторические примеры с древнейших времен служат Чулкову для доказательства того, как процветали и возвышались государства, где поощрялась коммерция, и, наоборот, беднели и гибли государства, где не радели о коммерции. Радение же это должно состоять в том, что государство должно защищать интересы купцов и предпринимателей, в том числе для удержания в повиновении работных людей.

Формирование буржуазного мировоззрения с большей отчетливостью проявилось в области истории права, которая формировалась заново как отрасль научного знания и в которой не было таких прочных традиций дворянской идеологии, как это было в области гражданской (политической) истории в XVIII в. В этом отношении показательны труды профессоров учрежденного в 1755 г. первого в России Московского университета.

Один из них Семен Десницкий (год рожд. неизв. — 1789), бывший, как и многие его современники, сторонником «просвещенного абсолютизма», отвергал теорию «естественного права» и доказывал, что развитие человеческого общества определяется сменой хозяйственных форм — сначала звероловства и собирательства, затем

¹ См.: Мильготина Л. З. Труд П. И. Рычкова о восстании под предводительством Степана Разина. — В кн.: История и историки. Историкографический ежегодник, 1972. М., 1973.

скотоводства и пастушества, потом земледелия, наконец, торговли и промышленности. От этого, по мнению Десницкого, зависели история народов, их правление, законы и обычаи, формы брака, успехи в науках и искусствах¹. Разумеется, теория общественных классов не была и не могла быть в то время познана даже самыми передовыми мыслителями своего времени. Более того, в политическом отношении Десницкий был противником не только аристократического правления, но и республиканского, считал необходимым сохранение крепостного права при определенной его правовой регламентации и целесообразным лишь учреждение выборного Сената из представителей сословий, владеющих имуществом.

Сходными были воззрения И. А. Третьякова, анализировавшего, в частности, причины возникновения различных государственных форм, а также связь развития науки и искусств с политикой государства, с борьбой церковного и светского просвещения.

Эти воззрения интересны как проявления формирующегося буржуазного подхода к изучению общества во внутренней взаимосвязи различных аспектов его развития. Однако конкретного исследовательского воплощения применительно к изучению отечественной истории они тогда еще не получили.

Еще одна сторона процесса складывания предпосылок буржуазной историографии в России второй половины XVIII в. была связана с деятельностью выдающегося русского просветителя Н. И. Новикова (1744—1818). Обличения крепостнической действительности, которую Новиков надеялся исправить путем просвещения, считая, правда, невозможной отмену крепостного права как такового и ликвидацию самодержавного строя, его издательская деятельность, в том числе выпуск сатирических журналов и первой неправительственной газеты «Московские ведомости», — все это имело большое влияние на развитие общественного самосознания современников, возбуждение интереса к осмыслению действительности, и, следовательно, к истории. Прямо содействовала этой цели предпринятая Новиковым систематическая

¹ См.: Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в разных состояниях общежития. М., 1781.

публикации документов по русской истории под названием «Древняя Российская Вивлиофика» (библиотека). В 1773—1775 гг. было выпущено десять частей «Вивлиофики», а в 1788—1791 гг. она была переиздана в расширенном вдвое объеме — двадцати частях.

В этом издании принимали участие Г.-Ф. Миллер, М. М. Щербатов, А. И. Мусин-Пушкин и другие историки и собиратели древностей. В нем были впервые опубликованы различные княжеские грамоты, дворцовые разряды, ханские ярлыки, статейные списки и пр. Несмотря на несовершенство археографических приемов, новиковское издание сыграло важную роль для развития исторической науки. Оно, во-первых, показало, какие громадные богатства источников, помимо летописей, могут и должны быть использованы при изучении отечественной истории. Во-вторых, это издание само по себе выдвигало вопрос о необходимости разработки определенных археографических принципов и приемов. В-третьих, издание Новикова отвечало возраставшему интересу к прошлому страны, это было тесно связано с формированием национального самосознания и завершением формирования русского народа в нацию. Теперь не только богатые любители-собиратели источников, по своему служебному и общественному положению имевшие возможность доступа в архивы, а более широкий круг образованных людей разных сословий мог знакомиться с текстами исторических памятников. История России переставала быть достоянием узкого круга дворянских деятелей, и в этом заключалась еще одна из предпосылок формирования буржуазной историографии в России.

Таким образом, накопление предпосылок для формирования буржуазной историографии проходило по разным направлениям. Однако процесс этот был далеко не завершен. Еще не соединились в разработке общенсторической концепции развития страны и новые данные источников, и новая методика их обработки, и новые теоретические идеи. Мы имеем дело пока лишь с накоплением отдельных элементов будущего нового направления науки. Относительная длительность процесса его формирования обусловлена была многими причинами: прочностью позиций дворянской историографии, частично обогатившейся новейшими теориями познания общественных явлений, отсутствием профессионального ис-

торического образования, что являлось прямым следствием соответствующей политики самодержавного правительства, направленной на сохранение за дворянством монополии на общественно-политические знания, наконец, незрелостью идейно-политических позиций и деформацией социальной природы растущей буржуазии — опять-таки под влиянием господства крепостнического строя в общественных отношениях.

До конца противостоять существующему строю могла только революционная идеология, обосновывавшая необходимость низвержения этого строя. Ни в период своего формирования, ни в период дальнейшего подъема и даже борьбы за политическую власть русская буржуазия, как известно, не становилась революционной силой. Однако острота социальных противоречий сделала уже к концу XVIII в. исторически неизбежным возникновение революционной идеологии в России. Ее носителями на первом этапе революционно-освободительного движения стали выходцы из господствовавшего и правившего класса самодержавной России — дворянства. Исторически сложившееся положение дворянства предопределило то, что еще длительное время из этого класса выходили наиболее яркие, глубокие, одаренные деятели общественной мысли, литературы, искусства, науки. Многие из них являлись носителями передовых идей современности, выходили за пределы идейных интересов своего класса. Ничтожная по количеству, но лучшая часть дворянства явилась своеобразным «душеприказчиком» буржуазно-революционных идей, поскольку сама буржуазия оказывалась неспособной ни к выработке этих идей, ни к их проведению в жизнь.

И в то время, когда Щербатов и Болтин по-разному искали в истории и современности ответы на вопрос о путях укрепления существующего строя, лишь очень немногим представителям самого образованного в России класса удалось понять, что дело не в укреплении строя, а в его разрушении, что народные движения не только неизбежны, но и необходимы для выхода из сложившегося положения, что путь к благу, просвещению и прогрессу лежит не через «просвещенный абсолютизм» и воспитание «благородных» помещиков-дворян, а через уничтожение этого самого абсолютизма во всех его фор-

мах и полную ликвидацию зависимости народа от «благородных». Эти мысли рождались под совокупным влиянием обстоятельств не только внутренних, но и внешних: за потрясшей дворянскую Россию крестьянской войной под предводительством Емельяна Пугачева до России докатились мощные волны Французской буржуазной революции. Опыт современной истории, общественная практика указывали новые пути познания общественной жизни. И раз революция стала реальностью, то возникли новые вопросы к изучению прошлого. Для революционных мыслителей необходимо было по-новому связать реальность настоящего и будущего.

Новое, революционное осмысление прошлого возникло в России в трудах первого русского революционера-республиканца А. Н. Радищева (1749—1802). Труды Радищева входят в историю исторической науки не как исследование или открытие нового исторического материала и даже не как сколько-нибудь деятельная разработка общей концепции истории России. Их значение в другом — в новом понимании истории в целом, в утверждении основ революционной исторической мысли, которая будет в дальнейшем продолжена и развита декабристами, революционерами-демократами и подготовит определенные идейные предпосылки для распространения марксистского понимания истории в России. В знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) и других произведениях, обращаясь к многочисленным примерам из античной и новой истории зарубежной Европы, а также из истории России, формулировал Радищев свое представление об истории. Оно, разумеется, было еще идеалистическим, но уже содержало идею объективной закономерности хода истории стран и народов от возвышения к упадку и наоборот.

Радищев исходил из того, что история представляет собой закономерную смену (вследствие борьбы между собой) периодов «вольности» и «деспотизма». Он решительно отрицал тезис о том, что географическое положение России предопределяет именно монархическую форму правления; он искал и находил в русской истории периоды «народовластия», связывая их главным образом с вечевыми учреждениями древней Руси, Новгорода и Пскова. В этой связи непримиримый противник «самодержавства», этого «наипротивнейшего человеческому естеству состояния», Радищев отрицательно относился к

ликвидации Новгородской республики и установлению самодержавного строя в России. Радищеву был, конечно, не свойствен историзм в оценке возникновения нового государства в России, что легко объяснимо по уровню тогдашней научной мысли (историзма не было и у Татищева, Щербатова, даже в известной мере и у Болтина), но и прежде всего остро политической направленностью его мышления, впервые в России приведшего к мысли о необходимости и возможности уничтожения самодержавного строя. Но именно эта политическая направленность революционного мышления дала Радищеву возможность заметить такие аспекты исторических явлений, которые не входили в поле зрения апологетов самодержавного строя. В «Письме к другу, жительствующему в Тобольске» (1790), вспоминая об открытии за восемь лет до того знаменитого «Медного всадника» Фальконе — памятника Петру, Радищев размышлял о значении его правления. Отдав должное «мужу необыкновенному, название великого заслужившему правильно», Радищев заметил, что Петр был «властным самодержавцем, который истребил последние признаки дикой вольности своего отечества», что мог бы Петр «славнея быть, возносяся сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную»¹. Но Радищев тут же замечает, что не было в истории примера, чтобы властитель добровольно уступал хотя бы частицу своей власти. В этом сказалась проницательность революционного мыслителя, понявшего безнадежность рассчитывать на «вольность частную» по воле самодержца. Это совсем другой подход к оценке сложной по своим последствиям деятельности Петра, нежели аристократический критицизм Щербатова или панегирик Голикова.

Радищев размышлял об исторических судьбах русского народа, его характере, его будущем. Крепостное право он считал порождением злой воли дворянства, а народные восстания, в том числе и недавнее движение Пугачева, вызывали у него оправдание и даже призыв к мести мучителям-помещикам. «Бунтовщик хуже Пугачева!» — заметила Екатерина на полях «Путешествия», со своих позиций верно поняв громадную опасность для самодержавия и помещиков революционной проповеди Радищева.

¹ Радищев А. Н. Избранное. М., 1976, с. 30.

Так в осуждении самодержавного и дворянского деспотизма родилось революционное осмысление истории.

Последние годы XVIII и начало XIX столетий прошли в большом политическом напряжении для России. Французская буржуазная революция вызвала возбуждение прогрессивно настроенной дворянской молодежи и глубокую тревогу правительства и массы дворянства. Вместе с напряженностью внутри страны осложнилось и ее международное положение. Наполеоновские войны привели к быстрой перекройке карты Европы. Становилось все более ясным, что России скоро предстоит тяжелое испытание, а поражение под Аустерлицем — как гром после совсем недавних блестящих побед Суворова — стало грозным предостережением относительно мощи надвигающегося противника.

Мысли о судьбах страны заставляли, как всегда в переломные моменты, обращаться к прошлому. Дворянские публицисты и историки, сторонники «просвещенного абсолютизма», давно уже находили истоки могущества страны в просвещенном единодержавии. Теперь обращение к прошлому еще более прониклось стремлением найти в истории такие «начала», которые гарантировали бы незыблемость существующего строя и способность выстоять перед становящимся неотвратимым нашествием грозных сил Наполеона. Тем более реформы первых лет царствования Александра I сеяли в среде дворянской интеллигенции иллюзии относительно возможности достичь идеалов Просвещения без революций под эгидой мудрого самодержавия.

Поэтому естественным было обращение к специальным занятиям историей крупного писателя и журналиста Н. М. Карамзина (1766—1826), получившего в 1803 г. официальную должность «историографа» при дворе Александра I, что дало ему право доступа к государственным архивохранилищам.

К тому времени, когда Карамзин работал над изучением русской истории, не только существовал такой крупный труд, каким была «История» Щербатова, но и значительно расширился и непрерывно пополнялся фонд источников для изучения истории России. Уже был напечатан значительный актовый материал в «Древней Российской Вивлиофике». Стали известны некоторые

сочинения иностранцев о России. С 1804 г. начало публикаторскую деятельность «Общество истории и древностей Российских» при Московском университете, возросло количество публикаций по русской истории. По подсчетам Н. В. Здобнова, за первые пять лет XIX в. (1801—1906) было напечатано 94 названия исторических работ — больше, чем по филологии, географии, статистике, естествознанию¹. В распоряжении Карамзина впервые оказались ранее неизвестные Лаврентьевская и Троицкая летописи. Стали известны новые материалы по истории церкви, обнаруженные в библиотеках Синода и крупнейших монастырях — Троице-Сергиевом, Иосифовом Волоколамском, в том числе материалы Стоглава, синодика Ивана IV, его послание в Кириллов Белозерский монастырь. Карамзину были переданы выписки из архива Ватикана, сделанные А. И. Тургеневым, и другие иностранные материалы, а также новые статейные списки о посольствах².

Широкий круг источников, наличие предшествующих крупных работ, блестящий литературный талант дали возможность Карамзину создать большую двенадцатитомную «Историю Государства Российского», появление которой стало настоящим событием в общественной жизни. Известно свидетельство А. С. Пушкина: «Появление Истории Государства Российского (как и надлежало быть) наделало много шуму и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц, чего не ожидал и сам Карамзин. Светские люди бросились читать историю своего Отечества. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом. Несколько времени ни о чем другом не говорили»³. Известно, однако, и другое: первый том карамзинской «Истории», появившийся в 1818 г., уже после Отечественной войны 1812 г., вызвал разочарование, осуждение и критику со стороны передовой дворянской молодежи за откровенно монархические идеи автора.

Действительно, всю силу своего ума и таланта Карамзин обратил на то, чтобы поставить историю на

¹ См.: Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М., 1955, с. 148.

² Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. с. 183.

³ Пушкин А. С. Соч., т. V, М., 1954, с. 37.

службу и укрепление самодержавного государственного строя России. Его работа была адресована кругу читателей с ясно определенной самим Карамзиным политической целью: «и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает его в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось; она питает нравственное чувство, и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества»¹. Красной нитью через его труд проходит мысль, выраженная им в 1811 г. в «Записке о древней и новой России»: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разнo-властия, а спаслась мудрым единодержавием»². Карамзин следовал воззрениям Щербатова, когда в той же «Записке» писал: «Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для его счастья; из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел право унижать дворянство, столь же древнее, как Россия»³. С этих позиций, во многом повторяя мысли Щербатова, но и внося немало своего, Карамзин приступил к оценке русской истории.

Он был совершенно убежден в поучительном, нравственно-назидательном назначении истории и надеялся написать русскую историю в виде эмоционально приподнятых, действующих на чувства читателей рассказов о доблестях и славе ведомой мудрым единодержавием России, не менее возвышенных, нежели классические деяния героев античности. Накануне наполеоновского вторжения это казалось особенно важным — против России собиралась почти вся Европа, присвоившая себе славу античного наследия, теперь должно было показать, что Россия не менее славна, нежели древние греки и римляне. Это было в традициях времени: измерять современность по меркам античности, это была характерная черта века Просвещения.

¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского, т. I. СПб., 1892, с. XVII.

² Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914, с. 47.

³ Там же, с. 126

Чтобы понять Карамзина в его работе над русской историей, надо помнить, что он был и писатель-художник, и мыслитель XVIII в. с его рационализмом, убежденной верой в то, что люди делают историю в соответствии с их психологией, с их характерами. При такой методологии подхода к истории для писателя-художника открывалось широкое поле приложения творческих сил: историю делают люди — значит, надо познать ее именно через людей, через их характеры, поступки, деяния.

Но Карамзин был не только художником. Чем больше знакомился он с оказавшимся в его распоряжении материалом, тем более видел, что материал противоречив в своих показаниях, совершенно неравномерен — об одних князьях больше, о других меньше. Карамзин понимал ценность источника, но оказался перед двумя проблемами: как выбрать и определить достовернейший и как выдержать избранный жанр морализующего художественно яркого повествования?

Первый вопрос решался им с позиций рационалистического «здравого смысла». Но такое решение оказалось весьма субъективным. Как проникательный и вдумчивый ученый, он не мог не заметить, что летопись содержит наряду с достоверными историческими фактами немало легендарного, идущего от преданий, сказаний и тому подобных источников. Но когда эти предания совпадали с его представлениями и убеждениями, он нимало не сомневался в их подлинности.

Карамзин принял версию об основании государственной власти в древней Руси Рюриком. Но он видел в этом не ущемление, а, наоборот, возвышение национального достоинства своего народа, добровольно признавшего необходимость монархической власти. Понятно, что критика источников с позиций «здравого смысла» на практике оказывалась критикой с откровенно субъективистских позиций рационалиста-монархиста. Но было бы неправильным считать, что Карамзин не пошел дальше этой позиции. Он сопоставлял источники, искал среди них наиболее достоверные и должен был приступить к вопросам источниковедения. Погрузившись в материал, Карамзин не смог так быстро, как первоначально рассчитывал, закончить свой труд, работы оказалось гораздо больше.

Однако Карамзин все же решил выдержать избранный им принцип и жанр исторического повествования. Но это потребовало отказа от воспроизведения многих находившихся в его распоряжении материалов и комментирования их. Отбросить их Карамзин уже не мог, так как понимал их значение. Принятое им решение было своего рода компромиссом между художником-художником и ученым-историком: он не стал вводить все имевшееся в его распоряжении материалы в текст, но и не стал их выбрасывать, а отправил в примечания, составившие $\frac{1}{3}$ объема его двенадцатитомного труда. Современная наука благодарна Карамзину именно за эти примечания, где он воспроизвел тексты таких источников, которые после него историки уже не видели, потому что их уничтожил московский пожар 1812 г., и в их числе (пергаменную) Троицкую летопись, текст которой удалось восстановить советскому источниковеду М. Д. Присьелкову благодаря карамзинским выпискам из нее.

В своей общей концепции русской истории Карамзин следовал Щербатову. Карамзин воспринял традиционную схему историков XVIII в. относительно возникновения единого государства еще в древней Руси и о Москве, как преемнице Киева. Временное исчезновение «единого государства» он связывал не только с разделением на уделы, но и в особенности с монголо-татарским нашествием: «Нашествие Батыево ниспровергло Россию». Вместе с тем Карамзин выдвинул тезис о том, что хотя «нашествие Батыево, кучи пепла и трупов, неволя, рабство толь долговременное составляют, конечно, одно из величайших бедствий, известных нам по летописям государств, однако ж и благотворные следствия оного несомнительны». Эти «благотворные следствия» Карамзин видел прежде всего в утверждении самодержавия («Москва обязана своим величием ханам»), возвышении церкви благодаря льготам, полученным от завоевателей, ослаблении городских вольностей. Карамзин считал, что «иго татар обогатило казну великокняжескую исчислением поголовной дани и разными налогами, дотоле неизвестными, собираемыми будто бы для хана, но хитростью князей обращенными в их собственный доход». Карамзин подчеркивал, что несмотря на тяжелый ущерб, нанесенный русской культуре, вследствие чего «россияне сих веков, в сравнении с другими европейцами могли казаться невеждами», «Россия угнетенная, по-

Давленная всякими бедствиями, уцелела и востала в новом величии, так, что история едва ли представляет нам два примера в сем роде»¹.

Но при всем этом Карамзин считал, что «россияне вышли из-под ига более с европеем, нежели с азиатским характером, Европа нас не унизилась, но для того, чтобы она в сии 250 лет изменилась, а мы остались как были». Карамзин решительно отвергал мнение об определяющем влиянии монголо-татар на русскую культуру: «Не татары выучили наших предков стеснять женскую свободу и человечество в холопском состоянии, торговать людьми, брать законные взятки в судах (что некоторые называют азиатским обыкновением): мы все то видели у славян и россиян гораздо прежде. В языке нашем довольно слов восточных: но их находим и в других славянских наречиях; а некоторые особенности могли быть заимствованы нами от козаров, печенегов, ясов, половцев, даже от сарматов и скифов: напрасно оные татарскими считают, коих едва ли отыщется 40 или 50 в словаре российском. Новые понятия, новые вещи требуют новых слов: что народ гражданский мог узнать от кочующего?»². Карамзин отвергал также влияние монголо-татар на развитие русского законодательства, хотя они значительно затормозили его, как и «искусство ратное». Главная мысль Карамзина относительно влияния монголо-татар на русскую культуру заключалась в том, что монголо-татары задержали, даже во многом остановили культурное развитие страны, но не изменили его характера: «Не ослепляясь народным самолюбием, скажем, что россияне сих веков в сравнении с другими европейцами могли по справедливости казаться невеждами; однако же не утратили всех признаков гражданского образования и доказали, сколь оно живуще под самыми сильными ударами варварства»³.

Начало «государственного возрождения России» Карамзин связывал с деятельностью Ивана Калиты, когда «Москва сделалась истинною главою России», в ней «созрела мысль благодетельного единодержавия, воля порвать цепи ханские, изготовились средства независи-

¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского, т. V, с. 215, 235, 233, 254.

² Там же, с. 237, 238.

³ Там же, с. 254.

мости и величия государственного». Карамзину принадлежит некоторый прообраз мысли о «собрании власти», позднее специально разрабатывавшейся в исторической литературе.

Образование же единого государства есть, по Карамзину, непосредственное дело Ивана III, который был «первый самодержец России». Карамзин писал, что «Иоанн III принадлежит к числу весьма немногих государей, избираемых провидением решать надолго судьбу народов; он есть герой не только Российской, но и Всеобщей истории», «отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие... Народ еще коснеет в невежестве, в грубости, но правительство уже действует по законам ума просвещенного»¹. Последнее суждение характерно для Карамзина, который наряду с «провидением» в духе рационалистов XVIII в. выдвигал роль «просвещенного ума» в истории; в то же время здесь категорически звучит мысль о ведущей, исключительной роли просвещенного самодержавия, руководящего «невежественным» народом.

Карамзин выдвинул новую периодизацию истории России, разделив ее на «древнюю», «среднюю» и «новую».

Монархизм общей концепции Карамзина несомненен, столь же несомненно и глубоко идеалистическое его представление о движущих силах истории. И все же труд Карамзина нельзя оценивать только отрицательно, как это делал, например, П. Н. Милюков, когда утверждал, что «развитие науки шло не через Историю Государства Российского, а мимо нее».

Развитие науки шло все-таки не мимо, а через труд Карамзина. И не только потому, что Карамзин сделал историю предметом широкого общественного интереса (а в этом его несомненная заслуга) и что его труд послужил хорошим материалом для критики устаревших научных концепций (в этом Карамзин повинен, так сказать, «объективно»), но еще и потому, что он внес немало позитивного в научное познание русской истории. Дело отнюдь не ограничивается привлечением нового об-

¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского, т. VI, с. 222, 223.

широкого материала (что само по себе важно), но и новыми идеями. Карамзин впервые применил к русской истории деление на три крупные эпохи — рубежи эти сохранились в последующей историографии. В самом различии эпох как бы угадывалась идея движения от низшего к высшему, от древнему к новому, а не простое восстановление прежде бывшего порядка, как это было у историков XVIII в. Карамзин искал в истории России то, что связывало ее с историей Западной Европы, рассматривал Россию как часть Европы, не менее славную и знаменитую, чем другие страны. Так, оценивая возникновение единого Российского государства, Карамзин подметил общность и этого явления с историей Западной Европы, когда писал: «Иоанн явился на театре политическом в то время, когда новая государственная система вместе с новым могуществом государей возникла в целой Европе на развалинах системы феодальной или поместной» и далее приводил свидетельства из истории Англии, Франции, Испании, Португалии, Австро-Венгрии, Дании¹.

Но при всем этом именно книга Карамзина показала наступление кризисного состояния дворянской историографии. Потому что она, во-первых, оказалась совершенно неудовлетворительной в своем ответе на «вопросы жизни» после Отечественной войны 1812 г. Тезис Карамзина о том, что в России «все зависит от воли самодержца, который подобно искусному механику движением перста дает ход громадам»², — менее всего мог соответствовать тем передовым социально-политическим идеям, которые развивались в России того времени. Во-вторых, эта историография в лице ее одареннейшего представителя оказалась не в состоянии справиться с обработкой значительно расширившегося корпуса источников. В-третьих, нравоучительно-назидательный, сугубо прагматический подход к истории теперь все более очевидно представлял как произвольная интерпретация материала. Усложнившаяся общественно-экономическая жизнь все более требовала перехода к более объективному анализу исторического материала — наступала переходная эпоха, нуждающаяся в новых на-

¹ См.: Карамзин Н. М. История Государства Российского, т. VI, с. 216.

² Там же, т. VIII, с. 105.

учных средствах для познания прошлого, настоящего и будущего.

Несостоятельность концепции Карамзина была раскрыта прежде всего с политической стороны. Опубликованная уже после Отечественной войны «История Государства Российского» вызвала негодование передовой дворянской молодежи своей монархически-консервативной направленностью. Теперь, после победы над грозным врагом, достигнутой подвигом народа, все более очевидной становилась необходимость изменения его положения. На первый план в сознании лучших людей общества выходили теперь социально-политические преобразования, а не размышления о благодетельной роли самодержавного государства Российского.

Будущие декабристы были возмущены тезисом Карамзина, что «история народа принадлежит царю». Н. М. Муравьев написал «Мысли об Истории Государства Российского Н. М. Карамзина» с обстоятельным критическим разбором этого труда¹. В методологическом отношении декабристы еще стояли на свойственных их времени позициях, когда видели в истории «собрание поучительных примеров», «долженствующих руководить нас в общественной жизни» (Бурцов, М. С. Лушин, А. О. Корнилович)². Но в соответствии со своими политическими воззрениями они, черпая нередко фактический материал из критикуемого ими за политическую концепцию Карамзина, искали в истории примеры совершенно другого рода. Вслед за Радищевым они прежде всего обращали внимание на примеры «вольности». Их общая концепция сводилась к тому, что в древней Руси была народная свобода, затем она была утрачена при монголо-татарах и московском самодержавии, теперь настает время ее восстановить. В этой связи «преклонение перед вечевым Новгородом стало почти общим культом тайного общества»³.

¹ См.: «Литературное наследство», т. 59. М., 1954.

² Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958, с. 327.

³ Чернин Л. В. Образование Русского централизованного государства, с. 34.

Так же, как и Карамзин, декабристы отличали «единовластие» в древней Руси, когда князья признавали право народа участвовать в законодательстве, от московского «самовластия». Тем не менее декабристам принадлежит немало свежих мыслей и оценок явлений в истории Руси XIV—XVI вв. Н. И. Тургенев и Корнилович не соглашались с Карамзиным, видевшим в монголо-татарском иге «благотворные последствия». Тургенев, П. И. Пестель, Н. А. Бестужев считали объединение страны положительным делом, но осуждали жестокие методы, которыми это объединение осуществлялось. «Россия в эту эпоху восстает из своего унижения, но встает заклеянная знаками рабства и деспотизма», погибшая «вольность народа послужила основанием, на котором самодержавие воздвигло колосс российский», — писал Тургенев. Лунин впервые выдвинул мысль о том, что «не слабостью монголов и не происками князей освободилась Россия», а «пробуждением духа народного». Бестужеву принадлежали оригинальные работы по истории русского флота; В. Д. Сухоруков писал об истории войска Донского; А. О. Корнилович занимался историей XVIII в. и эпохой Петра I, деятельность которого высоко ценил.

В дальнейшем некоторые декабристы, как, например, Н. И. Тургенев, перешли на либеральные позиции в понимании истории, в том числе и в оценке выступления декабристов.

Критика работы Карамзина, начавшаяся вследствие решительного несогласия дворянских революционеров с его политической позицией, подорвала авторитет ряда построений и выводов дворянской историографии, хотя практически оказывались еще не затронутыми их критикой вопросы методологии исторического познания, без чего не могло произойти перехода к более высокой степени развития науки.

Во многом близкими к историческим взглядам декабристов были воззрения на историю великого русского поэта А. С. Пушкина. Его интерес к истории, в особенности отечественной, широко проявился в творческой деятельности. Здесь не только «Борис Годунов», «Полтава», «Капитанская дочка», «Медный всадник», «Песнь о вещем Олеге» и многие другие его произведения, художественно исследующие прошлые эпохи. Здесь и «История Пугачева», и многочисленные интереснейшие за-

метки по вопросам русской и всемирной истории, размышления о предмете и задачах исторической науки. Стремление к документальной обоснованности исторических произведений Пушкин ставил в неразрывную связь с требованием исторической объективности. Высоко ценя труд Карамзина за его патриотическую направленность, беря из его труда фактический материал и сюжеты для своих произведений, Пушкин вместе с тем проявил особый интерес к роли и значению народа в исторических событиях. Мысль о народе красной нитью проходит через творчество Пушкина, находя свое воплощение в «Борисе Годунове» с его знаменитыми суждениями о силе «мнения народного» и о том, как «народ безмолствует», отказываясь признать избрание царя Бориса. Пушкин был первый, кто создал яркий и сильный образ народного вождя — Пугачева — в литературе.

Горячим патриотизмом продиктованы открыто публицистические стихи Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Высоко оценивая деятельность Петра, Пушкин чутко уловил конфликт между личностью человека и жестокой волей самодержца.

Близость Пушкина к декабристам обусловила наличие в его творчестве многих революционных по своему характеру взглядов на события прошлого и современности, резких характеристик екатерининского абсолютизма, крепостнических порядков, глубочайшего сочувствия делам и жизненной судьбе участников первого революционного движения в России.

Исторические занятия Пушкина представляют одну из самых ярких и значительных страниц развития исторической мысли в России. Воплощенные в гениальных произведениях, они оказали огромное влияние на всю духовную культуру страны, на формирование представлений о прошлом в среде читателей. Его творчество в сфере искусства и средствами искусства отразило ту эпоху в развитии страны, когда история стала важнейшим фактором общественного самосознания и когда само познание истории вступило в новую фазу, обусловленную необходимостью ответить на возросшие вопросы общественной практики.

Дворянская и либерально-буржуазная
историография второй четверти
и середины XIX в.

Возрастание интереса к истории было одним из наиболее характерных явлений духовной жизни первой половины XIX в. Верную характеристику этому дает С. С. Волк: «Живой интерес к истории — весьма приметная черта европейской умственной жизни начала XIX в. Очень заметным было стремление постигнуть причины, ход и последствия Французской революции, грозные отзвуки которой все еще рокотали в Европе. Как никогда прежде, возросло внимание к национальному прошлому, возникшее в связи с подъемом патриотизма в период наполеоновских войн. Чтение исторических книг становилось потребностью, а при дворах и в «высшем свете» оно делалось порою модой». От истории «ожидали не только объяснения прошлого, но и абсолютно непогрешимых советов, самых конкретных и категорических решений по злободневным политическим вопросам. Неудивительно, что в острой идеологической борьбе этой эпохи история заняла столь видное место, которого, пожалуй, никогда не занимала прежде»¹. История тем более приобретала большое общественно-политическое значение во второй четверти XIX в., когда в стране после восстания декабристов установился жесткий реакционный режим. С 1825 г. журналам было запрещено обсуждать текущие политические вопросы. Начиная с 20-х годов журналы стали уделять большое внимание историческим вопросам, которыми интересовались не только дворяне всех слоев, но также разночинцы и купечество. Как пронзительно заметил В. Г. Белинский о своем времени, «наш век — век по преимуществу исторический. Все думы, все вопросы наши и ответы на них, вся наша деятельность вырастает из исторической почвы и на исторической почве»; «мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем»².

¹ Волк С. С. Исторические взгляды декабристов, с. 40—41.

² Белинский В. Г. Соч., т. IV, с. 37 и 398.

Еще более широким потоком, чем прежде, входили в литературу новые массы источников — результат деятельности археографических экспедиций, начало которым положили П. М. Строев и К. Ф. Калайдович. Начались систематические публикации исторических источников, таких, как «Собрание государственных грамот и договоров», «Полное собрание русских летописей», «Акты исторические», позднее — «Дополнения к Актам историческим», «Акты Археографической экспедиции», «Акты Юридические», «Акты Юридического быта», материалы зарубежных хранилищ, «Библиотеки иностранных писателей о России» и многих других. Именно в это время, во второй четверти и середине XIX в., был собран и в значительной части опубликован основной корпус письменных источников по истории XIV—XVI вв.

Поощряя занятия историей (в 1835 г. была впервые учреждена кафедра русской истории в Московском университете), правительство Николая I рассчитывало использовать историю в целях укрепления самодержавия, и в этой связи особенно привлекало внимание к истории Московского государства. Объективные последствия этих действий для развития исторической науки не совпали с замыслами николаевского правительства, но направление правительственной политики в области истории было совершенно определенным: «в университетском преподавании ни под каким видом не может быть допущаемо порицание нашего образа правления, но даже изъявление сомнения в пользе и необходимости самодержавия в России»¹. Ведущее положение в 30—40-х годах благодаря режиму политической реакции оставалось по-прежнему за дворянской историографией, которая приобрела сугубо официальный, охранительный характер. Вряд ли есть более выразительная характеристика тех задач, которые ставили перед историками правители России того времени, чем та, которая содержится в одном из писем шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение. Вот... точка зрения, с которой рус-

¹ Цейтлин Л. С. Из истории научной мысли в России. М., 1958. с. 53.

ская история должна быть рассматриваема и писана»¹. И первый профессор на кафедре русской истории Московского университета М. П. Погодин (1800—1875), в молодости еще критиковавший методологические позиции Карамзина, в середине 30-х годов, особенно после того как он стал ближайшим помощником министра просвещения графа С. С. Уварова, одного из творцов «теории» единства «православия, самодержавия и народности», писал: «Российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия»². Может показаться парадоксальным, что таким консерватором оказался выходец из семьи крепостных крестьян, выкупившейся на свободу. Но Погодин действительно всю жизнь сохранял холопье преклонение перед самодержавием. В период Крымской войны, когда гнилость режима стала очевидна, он выступил со своими «Историко-политическими письмами», в которых, осторожно советуя правительству создать нечто вроде Земского собора, давал редкий по цинизму «рецепт», как выиграть Крымскую войну: объявить народу, что после войны он будет освобожден, и тогда он прогонит врагов, а с выполнением этого обещания можно будет и «повременить».

Но в 30-х годах уже нельзя было игнорировать новые представления об истории как процессе и об изучении истории как науки. Нельзя было и не считаться с фактом буржуазно-революционного движения в Европе. В этих условиях историки охранительного направления попытались приспособить к политической задаче сохранения самодержавно-крепостнического строя новые данные исторического познания. Погодин признавал, например, что история есть наука, но останавливался, как перед «таинством», перед объяснением сочетания свободы и необходимости в истории, склоняясь к фаталистической трактовке общего хода событий. Считая, что истории разных стран составляют собою «параллельные нити», Погодин и его единомышленник Н. Г. Устрялов от этого тезиса пошли к противопоставлению русской истории западноевропейской. «С самого начала Ру-

¹ Цит. по: Предтеченский А. В. Официальное направление в русской историографии. — В кн.: Очерки истории исторической науки, т. I. М., 1955, с. 319.

² Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846, с. 16.

ен дела нашего отечества приняли иной ход совершенно отличный от западноевропейского»¹.

Устрялов, Погодин обосновывал это положение особенно географических условий России, предвосхищая основные установки «государственной школы». В результате Погодин пришел к явному эклектизму в изображении ряда исторических проблем: то он считал, например, что Москва возвысилась в ходе борьбы с монголо-татарским игом, то указывал на то, что монголо-татарское владычество над Русью способствовало ослаблению власти удельных князей и тем самым возвышению московских князей; он отметил роль объективных, географических условий для возвышения Москвы и в то же время отводил «провиденцию» решающую роль в этом процессе.

Погодин привлек для своих построений некоторые лингвистические и фольклорные материалы. Обратив внимание на единство литературного языка памятников XII—XIII вв. Киевской и Северо-Восточной Руси, на распространение былины киевского цикла по всей Руси, кроме Украины, на отсутствие украинизмов в памятниках Киевской Руси, он пришел к выводу, что между Киевским и Московским государствами существовала непосредственная этническая преемственность, что уже в Киевской Руси жили такие же «великороссы», как в позднейшее время в Московской Руси, потому что в свое время они «с Юрием Долгоруким, Андреем Боголюбским переселились на север, в землю Суздальскую»². Получалось, что русские в современном этническом виде существовали уже в Киевской Руси, а украинцы будто бы не имеют никакого отношения к киевскому периоду истории. По своему политическому содержанию эта концепция была откровенно великодержавной и вполне соответствовала политике царского правительства в отношении Малороссии. Вместе с тем Погодин явно гипертрофировал степень передвижения населения с днепровского юга на окско-волжский север, хотя самый факт этого движения был им подмечен правильно.

¹ Устрялов Н. Г. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836, с. 48.

² Погодин М. П. Исследования, заметания и лекции русской истории, т. VII, с. 442.

Дворянская историография в 30 — 40-х годах XIX в. еще более укрепила свои позиции благодаря активной поддержке самодержавного государства. Как писал А. И. Герцен, официальные учебники русской истории создавались «по трафаретам министра Уварова и по указаниям Николая Павловича»¹. Тем не менее именно на вторую четверть XIX в. падает переломный период в истории исторической науки.

Неудовлетворительность старого, чисто описательного подхода к истории для решения общественно-политических задач современности остро ощущалась представителями различных политических тенденций.

Необходимость критики существующей исторической науки становилась все более отчетливой и в свете идущих с Запада новых теорий и учений, подходивших к истории как к процессу развития (здесь особенно велико значение гегельянства), и в свете небывалого накопления источникового материала, который требовал новых принципов его обработки. Все настоятельнее выдвигалась задача проникновения во внутренний ход исторического развития, перехода от истории политики правителей общества к истории самого общества как такового. Формировались элементы нового, буржуазного по своему объективному содержанию, направления в историческом познании.

Одним из первых проявлений нового отношения к истории стало требование строго объективного научного анализа исторического материала, а не художественного описания прошлого в назидание потомкам. Это требование было осознано в кругах передовой общественной мысли. Книга Карамзина побудила В. Г. Белинского к более глубокому осмыслению не только истории своей страны как таковой, но и самого предмета занятий историей. Белинский писал: «История государства Российского» есть важнейший подвиг Карамзина..., но тут же отмечал, что у него «детский», а не «мужской» взгляд на вещи, что главный недостаток состоит в «ораторской шумихе и неуместном желании быть наставительным, поучать там, где факты говорят сами за себя, в пристрастии к героям повествования, делающим честь

¹ Герцен А. И. Собр. соч., т. XIV, с. 297.

сердцу автора, но не его уму»¹. Но для выполнения этой задачи требовались иные, нежели у Щербатова и Карамзина, методы исторического изучения. Они уже стали проникать в русскую историографию, хотя и с иными, нежели у революционных мыслителей, политическими целями.

Так, в формировании нового направления большую роль сыграли труды дерптского профессора И. Г. Эверса (1781—1830)². Монархист по политическим убеждениям, Эверс применял новые методы исторического познания. Большое влияние на его мировоззрение оказала философия Канта. Эверс попытался выяснить социальный процесс, лежащий в основе возникновения государства, и поэтому уделял особенно большое внимание внутреннему развитию общества. Тем самым предметные рамки его труда противостояли традициям Щербатова — Карамзина, сводивших историю к рассказу о политических событиях. В основе его взглядов лежала так называемая «патриархальная теория», согласно которой первоначальным общественным институтом является семья, разрастающаяся затем в род во главе со «старшим самого старшего сана основателя племени». Схема Эверса: семья — род — государство, будучи научно неправильной, тем не менее была для своего времени большим шагом вперед, ибо Эверс обращал внимание на внутренние процессы в истории. Как отмечает В. И. Шевцов, «родовая теория Эверса при всей своей условности и примитивности выдвигала на первый план чрезвычайно важную проблему органического развития общества и общественных отношений, получившую дальнейшее освещение в трудах буржуазных ученых. И в этом сказалось принципиальное расхождение с дворянской историографией, сосредоточившей все внимание на политических событиях»³. Государство, по Эверсу, являлось результатом не установления чьей-либо власти, а внутреннего, естественного процесса развития общества. Труды Эверса оказали немалое влияние на формиро-

¹ Белинский В. Г. Избранные философские сочинения, т. I. М., 1948, с. 105.

² См.: Шевцов В. И. Густав Эверс и русская историческая наука. — «Вопросы истории», 1975, № 3.

³ См.: Шевцов В. И. Густав Эверс и его место в русской историографии. Автореферат канд. дисс. Днепропетровск, 1970, с. 19.

вание методологических основ либерально-буржуазного направления в русской историографии XIX в.

В Московском университете в 20 — начале 30-х годов XIX в. возникло возглавленное М. Т. Каченовским (1775—1842) течение, получившее в литературе наименование «скептиков». К «скептической» школе принадлежали С. М. Строев, О. М. Бодянский — один из основоположников русского славяноведения, археографы Я. И. Березников, П. М. Строев и другие молодые ученые. Их взгляды формировались под влиянием философских воззрений Гегеля и немецкого историка античности Б. Нибура, который пытался проследить возникновение римской античной традиции и выдвинул идею так называемого «конструктивного критического метода», позволяющего привлечь этнографические, фольклорные материалы и путем сравнительно-исторического сопоставления установить степень реальности сведений, содержащихся в древнейших источниках.

«Скептики» также выдвинули требование относиться к истории как к науке, устанавливать подлинность источника и проверять достоверность его сообщений. Монархической апологии древней Руси, воплотившейся в труде Карамзина, «скептики» противопоставили взгляд о том, что Киевская Русь, как и другие народы, переживала «баснословный» период истории, в то время как в действительности отставала в своем развитии от других стран. Еще в 1822 г. один из «скептиков» Н. С. Арцыбашев упрекал Карамзина за некритическое отношение к источникам, в частности к сочинениям Курбского. В условиях николаевской реакции такие взгляды выглядели объективно как протест против официальной идеологии в исторической науке. Однако в части конкретного решения проблем истории «скептики» пришли ко многим неверным выводам, когда объявили недостоверными «Повесть временных лет» и «Русскую Правду», как возникшие всецело под влиянием иноземной письменности. Выступив против норманистов, «скептики» разделяли ошибочные взгляды Эверса о хазарском происхождении славян, а варягов считали прибалтийскими славянами.

Следует отметить, однако, что «скептики» дали и новые позитивные решения некоторых вопросов. В 1834 г. в «Ученых записках» Московского университета была напечатана статья ученика Каченовского — Н. В. Стан-

кевича «О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Ивана III». Станкевич выступил против традиционных схем дворянской историографии и заявил, что «не одной личности князей Москва обязана своим возвышением». Он попытался выяснить объективные условия возвышения Москвы. Такими условиями он считал, во-первых, благоприятное географическое положение Москвы, которое обеспечивало Москве большую по сравнению с другими районами безопасность от вторжения врагов и в связи с этим приток населения; во-вторых, обогащение московских князей за счет сбора имидани с русских князей для посылки в Орду и тем самым создание материальных средств для подчинения своей власти соперников; в-третьих, роль митрополитов, оказавших большую поддержку московским князьям, сделавших Москву уже в первой половине XIV в. центром русской церковной организации; в-четвертых, умелую политику московских князей по отношению к татарским ханам, обеспечивавшую поддержку их действий со стороны Золотой Орды. Хотя наблюдения Станкевича над условиями возвышения Москвы ограничивались лишь внешними факторами, это был совершенно новый подход к проблеме, основанный на выявлении совокупности объективных факторов «возвышения Москвы».

Станкевич размышлял над проблемой централизации на основе положений Гизо о том, что «преобладание одного города, одной области, одного владельца над другими» есть «первое условие внутреннего соединения, централизации», а «совокупление в одно неразрывное целое» есть «первый момент политической значительности народа». Таким образом, речь идет об очень широкой проблеме — о начале «политической значительности», т. е. о начале государственного развития страны. С. М. Строев и Каченовский, применяя сравнительно-исторический метод, выдвинули новый, хотя и слабо обоснованный, вывод о существовании в древней Руси (наподобие Северной Италии, Франции, Германии) вольных городов, бывших средоточием торговли и промышленности и противостоявших феодальной системе.

В целом, однако, положительный вклад «скептиков» в развитие науки был невелик. Реальное дело «скептиков» тонуло в их нигилизме по отношению к древнерусской истории. Этот нигилизм, естественно, отталкивал от них прогрессивных мыслителей, таких, как Бе-

линский, и тем более облегчал задачу критики со стороны представителей официальной историографии, таких, как Погодин.

Значительно большее впечатление на современников произвели труды Н. А. Полевого (1796–1845), который проповедовал новый подход к пониманию истории как всемирного процесса и выдвигал требование философского обоснования исторических занятий. А. Е. Шикло отметила, что «Полевой определяет историю как науку, как систему знаний, «пропитанную духом философии», построенную на едином теоретическом методе»¹.

Талантливый журналист, купец по происхождению, основатель первого буржуазного по своему направлению журнала «Московский Телеграф» Н. А. Полевой заявил, что «истинная идея истории была недоступна Карамзину...», «как философ-историк Карамзин не выдерживает строгой критики», потому что наивно превращает «Рюрика, Олега, Ивана, Пожарского в современников», «облагораживает прошлое», превращает Рюрика в «монарха самодержавного»². Полевой задумал противопоставить Карамзину свой труд, подчеркнуто назвав его «История русского народа». Полевой считал, что государство не восстановилось при Иване III, а возникло впервые, потому что до этого на Руси господствовал сперва «норманский феодализм», а потом «семейный феодализм», причем, в отличие от Карамзина, считавшего «удельный период бессмысленным», Полевой считал, что «сей период был необходим для развития жизненных сил по всем землям русским, сил, сосредоточивавшихся до смерти Ярослава только в Киеве и Новгороде»³. Это была яркая догадка о закономерности исторического процесса.

Образование единого Русского государства Полевой связывал с борьбой против монголо-татарского ига. «Со времени нашествия монголов, до низвержения рабства, ими наложенного, мы увидим начало и жизнь Русского государства»⁴, — писал Полевой. Акцентируя внимание

¹ Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. — «История СССР», 1971, № 5, с. 106.

² [Н. А. Полевой]. Н. Карамзин. История Государства Российского. Т. 1—8. — «Московский телеграф», 1829, № 12, с. 486—489.

³ Полевой Н. А. История русского народа, т. 2. М., 1830, с. 277.

⁴ Там же, т. 4, с. 10.

на всемирности истории, Полевой искал объяснения крупным событиям прежде всего в области отношений между народами, считал Россию средоточием между Европой и Азией, «живительным началом» в мире. В рамках еще полурелигиозного осмысления событий Полевой сопоставлял борьбу Руси против монголо-татар с крестовыми походами католических стран против «неверных». Полевой был прав, указывая на особую роль Руси в спасении народов Европы от страшного монголо-татарского завоевания, хотя он выдвинул далее идею о том, что всемирная история есть история борьбы Европы, олицетворяющей «Человека», с Азией, олицетворяющей «Природу», поэтому этапы истории борьбы человека с природой определяют этапы всемирной истории. После переменного успеха в этой борьбе наступило время «великого народа, соединившего в себе Восток и Запад, Азию и Европу, народа с верою, не искаженную мудрованием, с политикой, во главе которой краеугольным камнем положен закон... Десять веков готовилось Провидением сие начало новой жизни... Сей народ — Русский народ, сие начало живительное — Россия»¹. Эта предвосхищающая «евразийцев» XX в. мессианистская идея принадлежит уже позднему, поправившему в своих политических взглядах Полевому.

И декабристы, и Эверс, и «скептики», и Полевой подходили к новому пониманию истории. Более сильные в критике Карамзина, нежели в позитивных построениях (за исключением, пожалуй, Эверса), они показали несостоятельность методологических основ дворянской историографии. Недаром Н. И. Надеждин поддержал «скептиков», заявив, что они «не вполне безосновательны», а труд Полевого оценил как «конец старой и начало новой эпохи в нашей истории»², хотя в практическом приложении к историческому материалу новых идей понимания истории Полевой оказался совсем несостоятельным, пошел за Карамзиным, да и вообще его политические взгляды после закрытия «Московского Телеграфа» сильно поправили.

¹ Полевой Н. А. Обзорение русской истории до единодержавия Петра Великого. СПб., 1846, с. XI—XIII.

² Надеждин Н. И. Об исторических трудах в России. — «Библиотека для чтения», т. XX. СПб., 1837, с. 111.

В судьбе Полевого — историка и журналиста — различия тот факт, что, хотя необходимость в старых понятиях об исторической науке была признана и высказана, требовалось последовательное применение новых философских, методологических принципов при исследовании конкретного исторического материала, воплощение их в научной концепции. И после Эверса, «скептиков», Полевого В. Г. Белинский с полным основанием писал в 1841 г.: «Русская история совершенно не обработана фактически и не озарена светом истинного уразумения в своем значении и характере»¹.

Формирование новой научной концепции знаменовало собой становление буржуазной историографии в России. Оно произошло в 40 — 60-х годах XIX в., когда «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»², и было органически связано с крупным историческим переломом в жизни страны — переходом от одной формации к другой. Буржуазная историография представлена разными направлениями, порой весьма различными по своим методологическим принципам, но объединяемыми общим для всех отрицательным отношением как к крепостному праву, так и к народной революции как средству ликвидации крепостного права.

Характерным для исторической науки названных десятилетий явилось значительное усиление интереса к истории средневековой, точнее, допетровской Руси. Теперь не вопрос о «начале Руси», столь волновавший дворянских историков XVIII — начала XIX в., а проблема происхождения и характера Московского (как оно обычно называлось в литературе того времени) государства выдвигалась в центр внимания поднимавшейся либерально-буржуазной историографии. Поскольку речь шла о перспективе отмены крепостного права, постольку история его возникновения, а следовательно, и того общественного и государственного строя, при котором оно возникло, привлекала особенное внимание. В условиях назревавшей реформы прецедент видели в реформах

¹ Белинский В. Г. Соч., т. XII, с. 295.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.

Петра, а потому усиленно всматривались не только в их характер, но и в их предпосылки.

Большое влияние на историческую мысль оказал новый подъем буржуазно-революционного движения в Европе и в особенности появление на арене исторического действия пролетариата, серьезно озаботившее не только консерваторов-крепостников, но и либералов. Чем больше осознавалась представителями разных политических направлений неизбежность отмены крепостного права, тем более сосредоточивалось внимание на путях развития страны в широкой исторической перспективе. Как отметила Л. Г. Захарова, «поиски особых путей развития России в 50-х годах XIX в. были характерны не только для революционной, но и для либеральной мысли. Это объяснялось условиями, в которых складывался либерализм в России. При наличии буржуазных тенденций в развитии капиталистического производства как в городе, так и в деревне буржуазия, как политическая сила, еще не сложилась... Если осмысление истории Французской революции конца XVIII в. привело передовую русскую общественную мысль к выводу об общности путей развития России и Европы, основанной на единстве задач антифеодальных преобразований, то восприятие революции 1848 г., напротив, способствовало поискам и обоснованию особенностей исторического развития и возможностей России. В определенной степени идея самобытности была закономерной для российского либерализма»¹.

Наиболее ярко эта идея среди либералов развивалась публицистами и историками, принадлежавшими к так называемым славянофилам². Они были монархистами по своим убеждениям. Однако отрицательное отношение к крепостному праву ставит славянофилов по другую сторону водораздела в идейно-политической борьбе середины XIX в. от крепостников³. Значительны-

¹ Захарова Л. Г. Правительственная программа отмены крепостного права в России. — «История СССР», 1975, № 2, с. 30—31.

² О мировоззрении славянофилов см.: Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство. — «Историк-марксист», 1941, № 1; он же. Подход должен быть конкретно-историческим. — «Вопросы литературы», 1969, № 12; он же. Славянофилы. СЛЭ, т. 13. М., 1971.

³ В подцензурной печати Н. Г. Чернышевский писал о славянофилах: «По всей справедливости должны сказать, что если понятия

ми были отличия и в исторических взглядах. Если у Погодина и Устрялова история практически сводилась к истории самодержавия, то у славянофилов подход к истории оказался значительно сложнее: тема народа и государства, их взаимоотношения вышла на первый план в их историческом мировоззрении. Правда, понятие «народ» у них было не социальным, а скорее этническим. Особенности русской истории славянофилы искали в особенностях психологии русского народа. Поэтому благодаря им началось собирание и изучение памятников русского народного творчества, чем славянофилы — В. И. Даль, И. И. Срезневский и др. — внесли немалый вклад в изучение истории русской культуры. Но общественно-политический смысл их позиции заключался в том, что, по их мнению, народ и государство — это сосуществующие в истории силы, находящиеся в неразрывной связи между собой.

Философия истории славянофилов исходила из положений Гегеля и Шеллинга; последний считал, что государство, воплощающее единство народа, должно опираться не на физическую, а на духовно-нравственную силу, для чего государство должно проникнуться религиозными началами. Процесс свободного познания исторической необходимости Шеллинг связывал с религиозным мышлением. На этом базировалось резко отрицательное отношение славянофилов к государственной бюрократии и возвеличивание ими благодетельности православия. Славянофилы выступили за своеобразное определение отношений государства и народа: «Государству — неограниченное право действия и закона, земле — полное право мнения и слова»¹, — писал К. С. Аксаков. Отсюда — резко критическая оценка созданного Петром бюрократического государства, чиновничьей монархии и повышенный интерес к допетровскому времени, к Московскому государству. Его возвышение и укрепление славянофилы трактовали как результат благотворного союза «Государства» и «Земли», который воплощался в Земских соборах и других выборных учреждениях. «Москва первая задумала единство государст-

их и надобно признать ошибочными, то нельзя не сочувствовать им как людям, проникнутым сочувствием к просвещению». — Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения, т. I. М., 1950, с. 501.

¹ Аксаков К. С. Собр. соч., т. I, М., 1861, с. 284.

венное и начала уничтожения отдельных княжеств»; «Государство, стремясь к единству государственному, содействовало единству земскому»¹. Пугавшее славянофилов буржуазно-революционное движение на Западе толкало их к мысли, что Россия в силу особого своего национального характера, воплотившегося в религии, принципиально чужда революции. И. В. Киреевский считал даже полезным монголо-татарское владычество, не давшее России сблизиться с Западной Европой. С другой стороны, «не имея довольно просвещения, чтобы соединиться против (татар) духовно мы могли избавиться от них единственно физическим, материальным соединением» (т. е. государственным)². Значение Московского государства, по мнению славянофилов, заключалось в том, что оно сплотило народ в одну огромную общину и дало образец особенно присущего якобы России взаимодействия, содружества народа и монархии под эгидой православного христианства. Реформы Петра, с которых славянофилы начинали закрепощение крестьян, разрушили «единство государства и народа», поставили между народом и царем дворянскую бюрократию, что и привело Россию в середине XIX в. в тяжелое состояние. Поэтому только отмена крепостного права сверху может восстановить извечное единство народа и государства, обеспечить прогрессивное развитие страны.

Противопоставляя русскую историю западноевропейской, славянофилы считали, что «Россия — земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейские государства и страны... В основании государства западного: насилие, рабство и вражда. В основании государства русского: добровольность, свобода и мир»³.

Профессиональных исследователей конкретного исторического материала среди славянофилов было сравнительно немного, их исторические идеи развивались преимущественно в публицистических и философских статьях. Но в тех случаях, когда славянофильски настроенные историки обращались к изучению материала, они разыскивали прежде всего свидетельства устойчивости и древности общинных форм организации как в деревне, так и в городе. Так, идея о существовании в

¹ Аксаков К. С. Собр. соч., т. 1, с. 50—53.

² Киреевский И. В. Соч., т. 1, М., 1911, с. 80.

³ Аксаков К. С. Собр. соч., с. 7—8.

средневековых русских городах какого-то подобия цехового строя принадлежит славянофилу В. Лешкову. Историк славянофильского направления профессор Московского университета Н. Д. Беляев в 1859 г. опубликовал книгу «Крестьяне на Руси», сделав впервые предмет специального исторического исследования историю крестьянства, трактуемую не в социальном, а в юридическо-бытовом плане. Он отрицал версию о «бродяжничестве» русского крестьянства и считал, что крестьяне до XVIII в. были свободными землевладельцами. Крепостное право выглядело у Беляева как искусственное юридическое сооружение, постепенно создаваемое властью и не имеющее внутренних корней.

Пресловутый «общинный дух» русского народа, определявший собой формы общественной жизни, выглядел как раз навсегда данное, застывшее. А. И. Герцен писал: «Славянофильство, ожидавшее спасение России только при восстановлении византийско-московского строя, не освобождало, а только связывало; шло не вперед, а назад»¹. Исходя из глубоко идеалистических позиций, преследуя свои весьма далекие от подлинных интересов народа политические цели, славянофильские историки при всем том были первыми, кто сделал историю народа (точнее: историю народного быта, народного творчества, народной культуры вообще) предметом специального изучения.

Славянофилы принадлежали к правому крылу либерального направления, которое по-своему обосновывало необходимость и неизбежность реформ.

Либеральный лагерь был не един, славянофилам противостояли «западники»; яростные споры между ними были объективным свидетельством того критического положения, в котором оказался существующий общественно-политический строй. Сходясь в необходимости реформ и в отрицании революции, разные слои либералов по-разному видели будущее России и осмысливали ее прошлое.

И по методологии, и в значительной части по своему социальному составу западники существенно отличались от славянофилов, хотя между ними было и немало об-

¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. VI, с. 382.

щего. Славянофилы по преимуществу были дворянами, среди западников видное место занимали разночинцы. Кружок «западников» имел своим оплотом Ключевский университет, к их числу относились такие историки, как Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев.

Наиболее крупное значение приобрела деятельность самого выдающегося русского историка середины XIX в. — С. М. Соловьева (1820—1879), синтезировавшего в своем научном творчестве наиболее сильные (и вместе с тем — слабые) стороны поднимавшейся тогда буржуазно-либеральной исторической науки. О Соловьеве написано много¹, но вряд ли эта громадная историографическая тема может быть исчерпана до конца, ибо в русской дореволюционной науке немногие ее представители могли бы сравниться с Соловьевым по богатству содержания и глубине идей.

Двадцать девять томов «Истории России» С. М. Соловьева, а также его «Публичные чтения о Петре Великом», «История падения Польши», «Император Александр I. Политика и дипломатия», «Восточный вопрос», «Наблюдения над исторической жизнью народов», «Исторические письма», «Писатели русской истории XVIII века», «Н. М. Карамзин и его История Государства Российского», «Шлецер и антиисторическое направление» и другие труды в совокупности своей представляют не только богатейшую энциклопедию отечественной истории с древнейших времен до середины XIX в., но и во-

¹ См.: Ключевский В. О. Сергей Михайлович Соловьев. — В кн.: Ключевский В. О. Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913; он же. С. М. Соловьев как преподаватель. — В кн.: Ключевский В. О. Собр. соч., М., 1959, т. VIII. Он же. Памяти С. М. Соловьева — Там же; Герье В. И. Сергей Михайлович Соловьев. — «Исторический вестник», 1880, кн. 1; Любавский М. К. Соловьев и Ключевский. — В кн.: Ключевский В. О. Характеристики и воспоминания. М., 1912; Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая литература. — В кн.: Избранные произведения, кн. 4. М., 1967. Рубинштейн Н. Л. Соловьев. — В кн.: Русская историография. М., 1941; Черепнин Л. В. С. М. Соловьев как историк. — В кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 1. М., 1959; см. также комментарии к томам этого издания, авторы комментариев В. Т. Пашуто, А. М. Сахаров, В. И. Корецкий, С. М. Троицкий, С. М. Каштанов, Ю. А. Тихонов, М. А. Рахматуллин; Сахаров А. М. История России в трудах С. М. Соловьева. — «Вестник МГУ». Серия «История», 1971, № 3.

площение нового подхода к ней как к науке. Русский историей много занимались и до Соловьева, о ней много спорили и рассуждали как в годы, непосредственно предшествовавшие деятельности Соловьева, так и в годы его непрерывного и неустанныго труда, тем более что каждая новая работа Соловьева, каждый новый том его капитальной истории давали много свежего материала для суждений о прошлом, настоящем и будущем родной страны. Но только Соловьеву впервые удалось, разумеется на уровне своего времени, своей эпохи, собрать, изучить, свести огромный и разнообразный материал в единую научную концепцию исторического развития России, превратить историю своей страны из собрания поучительных примеров и парадно-великолепных параллелей с античностью в предмет научного исследования, главной целью которого явилось стремление понять историю прежде всего как единый и внутренне обусловленный процесс общественного развития.

С. М. Соловьев, выходец из семьи священника, преподавателя Московского коммерческого училища, всю свою жизнь связал с Московским университетом. В 1838—1842 гг. он учился на философском факультете (где находилась тогда основанная в 1835 г. кафедра русской истории). С 1845 г. начал преподавание в университете, став в 1847 г. сначала экстраординарным, а потом и ординарным профессором русской истории, в 1864—1870 гг. был первым деканом организовавшегося, согласно новому университетскому уставу, историко-филологического факультета, в 1871—1877 гг. являлся ректором Московского университета. Соловьев работал также в Оружейной палате, директором которой был с 1872 г. С Академией наук в Петербурге, членом которой по отделению российской словесности его избрали в 1872 г., Соловьев был связан сравнительно мало.

Соловьев начинал свои научные занятия с осмысления общих принципов познания прошлого. В годы его молодости философская система Гегеля особенно будоражила умы. Привлекавшая своей диалектикой, она открывала совершенно новые горизонты мышления и познания, вводила неразрывно связанные понятия развития общества и историзма в подходе к его оценке. Из философии Гегеля можно было делать выводы и о том, что органическое развитие исключает революции, и о

том, что «отрицание отрицания» предполагает революционный скачок из одного состояния в другое.

Вспоминая начало 40-х годов в Московском университете, А. И. Герцен писал о том, что «нет параграфа во всех трех частях «Логики», в двух — «Эстетики», «Энциклопедии» и пр., который бы не был взят отчаянными спорами нескольких ночей. Люди, любившие друг друга, расходились на целые недели, не согласившись в определении «перехватывающего духа», принимали за обиды мнения об «абсолютной личности и о ее по-себе бытии». Все ничтожнейшие брошюры, выходившие в Берлине и других губернских и уездных городах немецкой философии, где только упоминалось о Гегеле, выписывались, зачитывались до дыр, до пятен, до падения листов в несколько дней»¹. О том же, хотя и по-иному, вспоминал и Соловьев: «Время проходило не столько в изучении фактов, сколько в думании над ними, ибо у нас господствовало философское направление; Гегель кружил нам всем голову, хотя очень немногие читали самого Гегеля, пользовались им из лекций молодых профессоров. И моя голова работала постоянно; схватив несколько фактов, я уже строил из них целое здание. Из гегелевских сочинений я прочел только «Философию истории», она произвела на меня сильное впечатление». И если Герцен увидел в диалектике Гегеля «алгебру революции», то Соловьев воспринял прежде всего идею «органического», обусловленного внутренней закономерностью исторического развития. Соловьев хотел было даже стать философом, «но отвлеченности были не по мне: я родился историком»². Действительно, личные качества Соловьева всего более соответствовали занятиям историей. Он был увлечен историей в самом настоящем смысле слова: к 13 годам он не менее двадцати раз прочитал «Историю» Карамзина. Впрочем, в студенческие годы «в изучении историческом я бросался в разные стороны, читал Гиббона, Вико, Сисмонди; не помню, когда именно попало мне в руки Эверсово «Древнейшее право руссов»; эта книга составляет эпоху в моей умственной жизни, ибо у Карамзина я набирал только факты, Карамзин ударял

¹ Герцен А. И. Былое и думы. М., 1947, с. 216.

² Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно и для других. Изд. «Прометей», б/г, б/м; с. 60.

только на мои чувства, Эверс ударил на мысль, он заставил меня думать над русской историей. С большим запасом фактов от Карамзина и с росом мыслей в голове, возбужденным Гегелем, Вико, Эверсом, я иступил на четвертый курс и стал слушать Погодина. Понятно, что лекции его не могли меня удовлетворить...»¹, — писал Соловьев. Если прибавить к этому основательное знакомство Соловьева после выхода из университета с немецкой и французской исторической наукой, а до того — занятия всеобщей историей под влиянием В. Л. Крюкова и особенно Т. Н. Грановского, то становится очевидным, что к изучению русской истории приступал не только увлеченный, но и образованнейший, с хорошо развитым философским мышлением молодой ученый.

Соловьев отлично сознавал общественное значение научных занятий в области истории; свое понимание этого он сформулировал в 1858 г.: «Жизнь имеет полное право предлагать вопросы науке; наука имеет обязанность отвечать на вопросы жизни; но польза от этого решения для жизни будет только тогда, когда, во-первых, жизнь не будет торопить науку решить дело как можно скорее, ибо у науки сборы долгие, и беда, если она ускорит эти сборы, и, во-вторых, когда жизнь не будет навязывать науке решение вопроса, заранее уже составленное вследствие господства того или другого взгляда; жизнь своими движениями и требованиями должна возбуждать науку, но не должна учить науку, а должна учиться у нее»². В приведенных словах Соловьева звучит не только либеральное недовольство вмешательством николаевских чиновников в науку; его не менее беспокоило поднимавшееся к концу 50-х годов новое, революционное течение общественной мысли. В канун отмены крепостного права Соловьев напряженно думал над содержанием и направлением закономерности развития русского исторического процесса. Идея «органичности» не совмещалась с идеей революционного пррыва, и Соловьев, как все либералы, отрицательно относившийся к крепостному праву, еще более отрицательно относился к перспективе революционного его низвержения. Отсюда его призывы к тому, чтобы «не

¹ Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно и для других, с. 60.

² Соловьев С. М. Собр. соч. СПб., 6/г., с. 867.

спешить», чтобы «жизнь» «подождала», пока наука даст «ответ на вопросы жизни». Единомышленник и друг Т. Н. Грановского, К. Д. Кавелина и других московских профессоров-западников, Соловьев еще в начале 40-х годов «очень любил... слушать Герцена», «ибо остроумие у этого человека было блестящее и неистощимое», но Соловьева «постоянно отталкивала от него его резкость в высказывании собственных убеждений, неделикатность в отношении чужих убеждений... Противоположность в этом отношении представлял Грановский, который по политическим убеждениям... был очень близок мне; т. е. очень умерен»¹.

Критикуя предшествующее его труду состояние науки, Соловьев писал: «События времен давних представлялись, характеры действующих лиц в этих событиях оценивались по понятиям времен новых, на историю смотрели преимущественно как на художественно-словесное произведение... Первое дело, которым должна была теперь заниматься наука, состояло в том, чтобы уничтожить это смещение эпох, выставить каждую из них с соответствующим ей характером, уяснить, таким образом, постепенный ход истории, преемство явлений, естественный, законный выход одних явлений из других, последующих из предыдущих»². Еще сильнее свойственные Соловьеву принципы историзма и подхода к истории, как к непрерывно развивающемуся объективному процессу, были сформулированы в третьей главе четвертого тома «Истории России»: «Наука мужает, и является потребность соединить то, что прежде было разделено, показать связь между событиями, показать как новое проистекало из старого, соединить разрозненные части в одно органическое целое, является потребность заменить анатомическое изучение предмета физиологическим»³.

Если для мыслителей XVIII в. история представлялась как совокупность действий исторических деятелей, обусловленных более всего индивидуальными их особенностями, то для Соловьева историческое развитие

¹ Соловьев С. М. Мои записки..., с. 102.

² Соловьев С. М. Каченовский.— В кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. Т. 1. М., 1855, с. 401.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. II. М., 1960, с. 652.

определялось уже не субъективными, а объективными факторами. Последние он видел в «природе страны», «природе племени» и «ходе внешних событий». Огромная равнина Восточной Европы с ее неблагоприятными по сравнению с Западной Европой условиями (природа — «мать» для Запада, «мачеха» — для Востока Европы), не имеющая естественных рубежей в виде горных хребтов и морских берегов, слабо заселенная и открытая для постоянных вторжений кочевников, предопределила и своеобразный (но не противоположный принципиально) ход русской истории на протяжении, по крайней мере, восьми веков. Развитие страны протекало в ходе постепенной колонизации, в свою очередь, этот процесс совершался в многовековой борьбе «леса» и «степи». Вместе с тем переплеталась и борьба между «родовым» и «государственным» началами. Таким образом, Соловьев пытался подойти к истории, как к борьбе объективно существующих противоположных «начал».

Классовой борьбы в истории России Соловьев не видел. Он, конечно, знал, что наука уже пришла к выводу о существовании классов и классовой борьбы, но воспринимал этот вывод в той его первоначальной буржуазно-либеральной интерпретации, которая была дана французскими историками 30-х годов XIX в.: классы есть результат внешнего завоевания, происходившего в «начале» истории некоторых народов, а так как история России, в отличие от Запада, начиналась не с образования землевладения норманнов-завоевателей, потому что «земли было слишком много, она не имела ценности без обрабатывающего ее народонаселения; главный доход князя, который, разумеется, шел преимущественно на содержание дружины, состоял в дани»¹, то не было в России, по мнению Соловьева, и предпосылок для возникновения классов и классовой борьбы. Народные же выступления — это проявления «анархии», это «антигосударственное начало», это все та же вековая борьба «леса» и «степи», оседлости и кочевничества, твердого государственного начала и разрушительной анархии. Так, в число «степняков» попали не только печенеги и половцы, татары Батия, казанских

¹ Соловьев С. М. История России..., кн. VII, с. 17.

и крымских ханов, но и русское по происхождению казачество.

Поскольку для Соловьева «государство есть необходимая форма для народа, который немислим без государства», то история страны практически сводится к истории возникновения и развития государства, к истории его внутренней и внешней деятельности. Соловьев так и думал: «Историк, имеющий на первом плане государственную жизнь, на том же плане имеет и народную жизнь»; «Правительство... есть произведение исторической жизни известного народа, есть самая лучшая проверка этой жизни». А так как в истории России государство существовало в форме монархии, то возникает мысль о том, что для Соловьева, так же как и для Карамзина, история страны в конечном счете сводится к истории самодержавия.

В действительности есть весьма существенное различие в подходе к истории государства дворянских историков XVIII—XIX вв. и Соловьева. Для дворянской историографии история России начиналась вместе с историей самодержавия. Россия и монархия, государство и монархия для них понятия нерасчленимые.

Но уже для Полевого история России начиналась раньше истории самодержавия. Соловьев всей своей концепцией борьбы «родового» и «государственного» «начал» утверждал, что государство есть явление исторически возникшее и исторически обусловленное, что государство в форме самодержавной монархии существует вовсе не с начала Руси, потому что лишь от времени княжения Владимирских великих князей конца XII — начала XIII в. можно говорить о вызревании «государственного начала». Более того, коль скоро «правительство, какая бы ни была его форма, представляет свой народ, в нем народ олицетворяется»¹, то, стало быть, государство не принадлежит самодержцу или даже одному сословию — дворянскому, государство есть (или, во всяком случае, должно быть) воплощением народа, общества.

Перед нами характерная для буржуазного либерала идеализация государства как якобы общенародного органа, непризнание классового характера государства. Но в условиях господства самодержавия буржуазно-ли-

¹ Соловьев С. М. Собр. соч., с. 1123.

беральная идеализация государства имела объективно антидворянское содержание, потому что эта концепция «отнимала» государство у самодержца и дворянства, настаивала на иной, якобы «народной» природе государства, доказывала, что история России и история самодержавия — не неразрывно связанные явления.

Что касается деятельности московских князей, то в нарисованной Соловьевым картине она выглядит отнюдь не как первопричина образования Российского государства: «все они похожи друг на друга, в их бесстрастных ликах трудно уловить историческую характеристику каждого; все они заняты одною думою, все идут по одному пути, идут медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступает шаг вперед своим предшественником, каждый готовится для своего преемника возможность ступить еще один шаг вперед»¹.

Если для Карамзина образование Московского государства есть прежде всего личная заслуга Ивана, который «был первый истинный самодержец России», то для Соловьева Иван III — лишь «счастливый потомок целого ряда умных, трудолюбивых, бережливых предков», он «вступил на московский престол, когда дело собирания Северо-Восточной Руси могло почитаться уже оконченным; старое здание было совершенно расшатано в своих основаниях, и нужен был последний, уже легкий удар, чтобы доручить его»². Еще более выразительно звучит суждение о роли Петра I, деятельность которого Соловьев, как и все «западники», оценивал чрезвычайно высоко, и в этой связи о роли личности в истории вообще: «Петр — вождь, не создатель дела, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру. Великий человек есть всегда и везде представитель своего народа, удовлетворяющий своей деятельностью известным потребностям народа в известное время. Формы деятельности великого человека условлены историею, бытом народа, среди которого он действовал. Чингис-хан и Александр Македонский — оба завоеватели, но какая разница между ними! Эта разница происходит от различия народов,

¹ Соловьев С. М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России. — В кн. *Соловьев С. М. Собр. соч.*, с. 837.

² Соловьев С. М. История России., кн. III. М., 1960, с. 7—8.

которых они были представителями. Действительно великого человека есть всегда результат всей предшествующей истории народа; великий человек не насилует свой народ, не создает того, что не потребно и не возможно для народа. При настоящих успехах исторической науки великий человек теряет свое божественное значение, не является существом, разрушающим и создающим по своему произволу: он получает великое значение как представитель народа в известное время, как произведение и проверка народной жизни, народной истории. Великий человек не утрачивает своего значения; народ не низводится до степени стада, бессознательно идущего туда, куда гонит его чуждая воля»¹.

Понятно, что и здесь, как и вообще во всех сочинениях Соловьева, нет и не может быть классовой оценки роли личности в истории. Но нетрудно заметить и другое: насколько выше стал Соловьев в этой оценке по сравнению с официально-охранительной, дворянской историографией своего времени, сколь сильно развито у него чувство историзма и стремление открыть объективные предпосылки исторических явлений².

На начальных страницах русской истории князья предстают перед взором Соловьева не как самодержцы, а как члены одного рода, совместно управляющие страной, передвигавшиеся с одного «стола» на другой по принципу так называемого «лестничного восхождения», сформулированного еще Щербатовым. Вопрос о варягах при этом не имеет для Соловьева принципиального значения: его историзму претит перенесение на древность «понятий времен новых». Лишь тогда, когда на северо-востоке князья стали оседать в своих вотчинах, возводить свои, «младшие» города, противопоставив их «старшим» городам с их вечевыми порядками, началось

¹ Соловьев С. М. История России... кн. VII, с. 440—441.

² В этом вопросе Соловьев стоял на позициях, сходных с позициями В. Г. Белинского, писавшего, что «каждый великий человек совершает дела своего времени, решает современные ему вопросы, выражает своею деятельностью дух того времени, в которое он родился и развился», что «жизнь народа не есть утлая лодочка, которой каждый может давать произвольное направление легким движением весла». Белинский В. Г. Соч., т. X, с. 399. Ср. у А. И. Герцена: «личность создается средой и событиями»; «гениальные натуры появляются почти всегда, когда их нужно». Герцен А. И. Собр. соч., т. XX, кн. 2, с. 588.

вызревание государственности на Руси. Установление государственного порядка Соловьев связывал с появлением вотчинного права собственности. Видя рубеж в княжении Андрея Боголюбского, Соловьев, таким образом, отчетливо уловил разницу в характере общественного строя древней Руси и Руси средневековой, Киева и Владимира, позднее — Москвы.

Проблема образования Московского государства, выдвинутая в историографии 30-х годов XIX в., превращается у Соловьева в проблему возникновения государственности на Руси вообще.

Соловьев настолько противопоставлял свою концепцию карамзинской, что монгольское вторжение оказалось у него вне периодизации истории России. «Калита перезвал к себе в Москву митрополита, что было важнее всяких ярлыков ханских», — писал Соловьев, и далее: «через удаление баскаков, численников и сборщиков дани князья освобождались совершенно от татарского влияния на свои внутренние распоряжения; но и во время присутствия баскаков мы не имеем основания предполагать большого влияния их на внутреннее управление, ибо не видим ни малейших следов такого влияния»; «нашествий шведских и немецких нельзя сравнивать с татарскими; с другой стороны, не должно преувеличивать и вреда, который Россия претерпевала от татар; не должно забывать, что иго тяготело особенно только в продолжение первых 25 лет, что уже в 1266 году летописец сообщает об его ослаблении, что уже в конце XIII века исчезают баскаки и князья сами распоряжаются относительно выхода»¹. Не монголо-татарское иго и даже не борьба с ним, не исключительные личные заслуги Ивана Калиты или Ивана III, а «органическое», внутреннее развитие русского исторического процесса, начало превращения родовых отношений в государственные привело к образованию Московского государства.

Решающая роль среди объективных факторов этого процесса принадлежала географическим условиям. «Пограничность» Киевской Руси, «близость к полю или степи, жилищу диких народов, делала ее неспособною стать государственным зерном для России». Соловьев развивал тезис о передвижении населения: «Господст-

¹ Соловьев С. М. История России..., кн. II, с. 453, 489, 541.

вующие обстоятельства взяли свое: степная Украина, область Днепровская, подвергается постоянным, сильным опустошениям от кочевников; ее города пусты..., куда же было удалиться русским людям от плена и разорения? Конечно, не на юго-восток, прямо в руки половцев; конечно, не на запад, к иноверным ляхам и венграм; свободный путь оставался один — на северо-восток... Так было в XII веке; в XIII и последующих веках побуждения, заставлявшие народонаселение двигаться от юго-запада к северо-востоку, становятся еще сильнее: с юго-востока татары, с запада литва; крайний северо-восток, еще не подвластный русским князьям, населенный зырянами и вогуличами, не привлекателен и опасен для поселенцев невоинственных, идущих небольшими массами, таким образом, теперь с востока, юга и запада население, так сказать, сгоняется в середину страны, где на берегах Москвы-реки завязывается крепкий государственный узел. Мы видим, как московские князья воспользовались средствами, полученными от увеличившегося населения их области, как умели доставить этой области безопасность и тем более привлечь в нее насельников, как Москва собрала около себя Северо-Восточную Русь»¹.

По течением рек образовались крупные области древней Руси, но только одной из них — средней России суждено было стать основой русской государственности. Не только потому, что отсюда, со Среднерусской возвышенности, начинают свой путь Волга, Днепр, Западная Двина, по которым пойдет распространяться дальше русская колонизация, и не только потому, что эта центральная область России хорошо защищена от набегов врагов.

Средняя Россия стала основным ядром русской государственности еще и потому, что ее природные условия способствовали выработке особого национального характера. «Природа роскошная, с лихвой вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего, как телесную, так и умственную... Природа более скупая на свои дары, требующая постоянного и нелегкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии: его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно ра-

¹ Соловьев С. М. История России., кн. II, с. 650—651.

ботает он умом, неуклонно стремится к своей цели; понятно, что население с таким характером в высшей степени способно положить среди себя крепкие основы государственного быта, подчинить своему влиянию племена с характером противоположным»¹. Здесь мы видим, как понимал Соловьев роль «природы племени» в истории — этот фактор оказывается производным от «природы страны», а «основы государственного быта» начисто лишены социального содержания.

В отличие от Погодина, Соловьев не игнорировал историю Юго-Западной Руси, подобный подход он оценивал как «несправедливый, в научном отношении неверный и односторонний». Но в то же время Соловьев подчеркивал: «Значение Юго-Западной Руси остается всегда важным, но всегда второстепенным; главное внимание историка должно быть постоянно обращено на север» по той причине, что здесь именно развивалось «высшее воплощение народа» — государство. В целом Соловьев превосходством национального характера великороссов, объясняемым объективными условиями и приведшим к образованию государства, обосновывает неизбежность подчинения им других народов восточно-европейской равнины и значительной части Азии. Последовательность движения определялась опять-таки географическим фактором: XVI век принес овладение бассейном Волги, XVII — Днепра, XVIII — Западной Двины, «чем область Волги больше области всех других рек, тем область Московского государства должна быть больше всех остальных частей России, а естественно меньшим частям примыкать к большей, отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Белая, и Малая Русь, примкнули к Московскому государству... Огромная равнина предопределила образование одного государства»².

Не имеющее естественных рубежей в виде гор или морей, это огромное пространство было слабо заселено и в течение многих веков вело изнурительную борьбу со «степью», с кочевниками.

По-своему понимая закономерность образования Московского государства и его развития, Соловьев сумел по-новому подойти к решению весьма сложных вопро-

¹ Соловьев С. М. История России., кн. II, с. 18.

² Там же, кн. I, с. 73.

сов. Одним из них являлась оценка деятельности Ивана IV Грозного. Соловьев решительно отверг возможный упрек в идеализации Ивана IV: «...странно смешение исторического объяснения вещей с их оправданием», но заявил, что «характер, способ действий Иоанновых исторически объясняются борьбою старого с новым... Век задавал важные вопросы, а во главе государства стоял человек, по характеру своему способный приступить немедленно к их решению»¹. Соловьев не оправдывал кровавые дела Грозного, но он увидел в них проявление все той же объективно существовавшей борьбы «родового» и «государственного» начал. Носителем остатков «родовых отношений» было боярство, претендовавшее на соучастие во власти; по нему-то Грозный и наносил решающий удар. Соловьев осмысливал деятельность Ивана Грозного еще и в сопоставлении с деятельностью Людовика XI; впрочем, эта параллель была подмечена еще историками XVIII в., не говоря уже о Карамзине. Особенность России состояла лишь в том, что «Московское государство слагается с громадным перевесом централизующей силы, которая имеет теперь возможность все отношения употребить в свою пользу»². Это отличие было вызвано конкретными обстоятельствами — «централизация восполняет недостаток внутренней связи, обуславливается этим недостатком, и, разумеется, благодетельна и необходима, ибо без нее все бы распалось и разбрелось»³.

Одно из лучших научных произведений Соловьева — первая глава тринадцатого тома «Истории России», названная им «Россия перед эпохою преобразований». Это написанный на «одном дыхании» обзор всего хода русской истории. Замечательной особенностью труда Соловьева, и этой главы в частности, является его пристальное внимание к явлениям социального и экономического развития. Соловьев еще не видит реальной связи между этими явлениями и процессами и политической историей, для него на первом плане все еще история политическая. Но именно Соловьеву, и, пожалуй, именно в первой главе XIII тома «Истории России»,

¹ Соловьев С. М. История России..., кн. III, с. 712.

² Соловьев С. М. Исторические письма. — В кн.: Соловьев С. М. Собр. соч., с. 901—902.

³ Соловьев С. М. История России..., кн. VII, с. 27.

принадлежит заслуга первого глубокого раздумья над экономическими и социальными явлениями в тесной связи с общим ходом русской истории. XIII том писался в 1862 г., сразу после отмены крепостного права. Естественно, Соловьев попытался дать созревший у него еще раньше ответ на коренной вопрос русской истории — вопрос о происхождении крепостного права. Исходя из концепции колонизации огромной страны и необходимости на протяжении веков вести борьбу с внешними врагами, Соловьев пришел к выводу о том, что «прикрепление крестьян было результатом древней русской истории: в нем самым осязательным, самым страшным образом высказывалось банкротство бедной страны, не могшей своими средствами удовлетворить потребностям государственного положения... При несостоятельности собственных средств нужно было сделать заем, и заем был сделан. Как ни велик, как ни тяжел он для народа, но благотельность и необходимость его очевидны. Если прикрепление крестьян было естественным результатом древней русской истории, то освобождение их было результатом полуторавекового хода нашей истории по новому пути. Спор между древнею и новою Росснею кончен, поверка налицо»¹. Соловьев указал на единство принципов правительственной политики по отношению и к деревне, и к городу: «...в то время когда закрепляются крестьяне в селе, в то время нечего ждать много от города, потому, что в селе прикрепляют крестьянина по бедности города. В городе посадские также прикреплены, не смеют уйти под смертной казнью, должны сидеть, работать и платить ратным людям на жалованье, кормить воеводу»². Итак, для Московской Руси прикрепление крестьян к земле было «тяжелым займом», но необходимым. Что касается XIX в., то Соловьев применительно к этому времени называл крепостное право «пятном, позором, лежавшим на России, исключавшим ее из общества европейских, цивилизованных народов»³.

Крупной научной заслугой Соловьева было обоснование исторической обусловленности петровских преобразований. Реформы Петра явились перед ним как па-

¹ Соловьев С. М. История России..., кн. VII, с. 106.

² Там же, с. 105.

³ Соловьев С. М. Мои записки..., с. 158.

сильственный разрыв с древней Русью и внедрение чуждых стране порядков и обычаев, а как естественное и необходимое развитие русской истории. «Так тесно связан в нашей истории XVII век и XVIII, разорвать их нельзя», «собирались в дорогу, но ждали кого-то, и тот, кого ждали, явился — явился Петр», «во второй половине XVII века русский народ явственно тронулся в новый путь; после многовекового движения на восток он начал поворачивать на запад»¹ — в этом подходе заключался решительный разрыв Соловьева со славянофильством, здесь воплотилось еще раз признание объективной закономерности русского исторического процесса.

Правда, Соловьев думал, что причина поворота в жизни страны лежит прежде всего в области духовного развития русского народа, который стал осознавать свою отсталость от Запада. Ошибаясь в определении конкретных предпосылок преобразований, Соловьев был, однако, убежден в том, что предпосылки эти имеют внутреннее, а не приносное происхождение.

Преобразования Петра — коренной поворот в истории России, но поворот естественный. Соловьев решительно не соглашался и с теми, кто полагал, что Россия пошла по одной дороге с другими странами Европы лишь с Петра, и с теми, кто считал эту дорогу губительной для «исконных» национальных начал. Московское государство Соловьев во многом сопоставлял с Западом: «В Московском государстве, в XV веке, мы видим то же явление, те же отношения по землевладению между государством и служилыми людьми, какие видим в западных европейских государствах в первом веке их существования, то есть отношения бенефициальные, или поместные».

С XIV тома начал Соловьев «Историю России в эпоху преобразований». Если всю русскую историю предшествующего времени он «уложил» в двенадцати томах, то для описания времени менее чем за одно столетие — до начала 70-х годов XVIII в. — Соловьеву понадобилось семнадцать томов. Это обусловлено не только количественным соотношением материала, но и тем, что для Соловьева с петровских реформ началась новая история России, в то время как до них был дли-

¹ Соловьев С. М. История России..., кн. VII, с. 439.

тельный период восьмивекового строительства государства, повернувшего Россию на путь необходимых преобразований. Петровские реформы для либерала-западника Соловьева — идеал государственной деятельности. «Наша революция начала XVIII века уяснится через сравнение ее с политической революцией, последовавшей во Франции в конце этого века. Как здесь, так и там болезни накапливались вследствие застоя, односторонности, исключительности одного известного направления; новые начала не были переработаны народом на практической почве; необходимость их чувствовалась всеми, но переработались они теоретически в головах передовых людей, и вдруг приступлено было к преобразованиям; разумеется, вследствие этого было страшное потрясение; во Франции слабое правительство не устояло, и произошли известные печальные явления, которые до сих пор отзываются в стране; в России один человек, одаренный небывалою силою, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства...»¹. Соловьев, как видим, признавал благодетельность насилия в том случае, когда предшествующая история привела то или иное общество к «болезни», но насилия сверху, силою верховной власти, а не силою народа. Здесь мы отчетливо видим не только неверное понимание того, что такое революция в обществе (петровские реформы и Французская революция глубоко разномасштабны, имеют разноплановые качественные характеристики), но и яркое выражение политической идеологии русского либерализма времени падения крепостного права в России. Действительно, Соловьев, был «очень умерен» в своих взглядах, и его историческая концепция имела целью объективно обосновать политическую концепцию буржуазного либерализма, обосновать как необходимость преобразований, так и опасность революции.

Таковыми же либеральными по характеру были оценки Соловьевым русского самодержавия XVIII—XIX вв. и современных ему событий. Говоря о политике «покровительства просвещению», Соловьев писал, что «самодержцы и самодержицы, разумеется, смотрели односторонне на дело... им нужно было просвещение для материальных успехов, для материальной силы, они по-

¹ Соловьев С. М. История России..., кн. VII, с. 440.

кровительствовали просвещению, заводили академии и университеты, ласкали ученых и поэтов... предметом же прославления были профессора, говорящие на актах похвальные речи, или поэты, преподносящие торжественные оды». Но «уже мудрая мамаша Екатерина II, которая писала также прекрасные правила для воспитания граждан, на старости лет заметила вредность следования своим урокам и сильно гневалась на непокорных и неблагодарных детей, заразившихся правилами любимых ею прежде учителей. Благодушный Александр I всю свою жизнь жаловался на непокорных и неблагодарных детей, о благе которых он так заботился и даже хотел их выпустить на волю — под надзор Аракчеева. Но Николай I не имел такого благодушия. Он инстинктивно ненавидел просвещение, как поднимавшее голову людям, дававшее им возможность думать и судить, тогда как сам он был воплощенное «не рассуждать!» При самом вступлении его на престол враждебно встретили его на площади люди, и эти люди принадлежали к самым просвещенным и даровитым, они все думали, рассуждали, критиковали и следствием этого было 14 декабря...»¹.

Самым отрицательным образом оценивал Соловьев правление Николая I и его последствия в области духовной жизни, но критика его столь же направлена и против революции. «Преобразования успешно производятся Петрами Великими, но беда, если за них принимаются Людовики XVI-е и Александры II-е. Преобразователи, вроде Петра Великого, при самом крутом спуске держат лошадей в сильной руке и экипаж безопасен, но преобразователи второго рода пускают лошадей во всю прыть с горы, и поэтому экипажу грозит гибель». Соловьев недоволен современной ему интеллигенцией: «Была мода молчать и не думать, теперь пришла мода — кричать и отрицать, бранить все существующее, и желавшие... принялись кричать, бранить, отрицать существующее... Люди науки, люди мысли и опыта... должны были усомниться, подумать... Но их было мало, потому что человек мысли и знания в николаевское время был гоним...»².

¹ Соловьев С. М. Мои записки..., с. 123.

² Там же, с. 156—157.

Здесь смешаны и осуждение николаевского режима, и решительное неприятие полного отрицания всего прошедшего, даже в николаевское время, и недовольство тем, что все совершается «не по науке», нет людей, которые смогли бы это сделать, звучит даже определенная растерянность перед бурным ходом событий после падения крепостного права. Словом, идеология либерала 50—60-х годов воплощается в трудах и записках Соловьева с полной отчетливостью. Ответ, который он давал на запросы жизни, в конечном счете был недвусмысленным: преобразования нужны, но надо делать их с умом, «научно», и уж ни в коем случае не доводить дело до отрицания всего и вся.

Но если бы Соловьев сделал только это, он не был бы историком и не заслуживал бы нашего внимания сегодня. А сделал Соловьев очень много: он создал настоящую энциклопедию русской истории. «По многим причинам 29 томов его «Истории» не скоро последуют в могилу за своим автором. Даже при успешном ходе русской исторической критики в нашем учебном обороте надолго удержится значительный запас исторических фактов и положений в том самом виде, как их впервые обработал и высказал Соловьев: исследователи долго будут черпать их прямо из его книги, прежде чем успеют проверить их сами по первым источникам»¹. Сказавший это Ключевский был прав: мы широко пользуемся трудом Соловьева, свидетельством чего является вышедшее около двадцати лет назад новое, советское издание «Истории России» С. М. Соловьева (под редакцией Л. В. Черепнина). В свете известных слов В. И. Ленина о том, что «домарксовская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»², можно сказать, что в лице Соловьева мы имеем один из этих лучших случаев в истории буржуазной историографии в России.

Однако общий взгляд Соловьева на характер и ход исторического развития России стал, очевидно, устаревать в глазах общественности еще при его жизни. Представители разных направлений общественной мысли —

¹ Ключевский В. О. Собр. соч., т. VII, с. 353.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

славянофилы, революционные демократы, Лев Толстой и другие — единодушно критиковали Соловьева за чрезмерную приверженность к истории государства и отсутствие показа истории народа. Соловьевское понимание «единства государства и народа», его протест против «незаконного развода государства и народа», были научным анахронизмом уже для пореформенного времени. Причина лежит, конечно, в политических взглядах Соловьева, охарактеризованных выше. Либерализм исключал понимание действительной роли народа в истории, хотя Соловьев субъективно был далек от принижения народа, он с язвительной иронией писал о Карамзине, который «ненавидел народ и собирал в истории факты о свободе дворянства». В особых главах, посвященных «внутреннему устройству общества» в определенные периоды (этот прием он заимствовал у Эверса), Соловьев подробно характеризовал те материалы, которые в ту пору были доступны, показывая быт и жизнь народа.

Одновременно с научной деятельностью Соловьева произошло оформление так называемой «государственной школы» в русской буржуазной историографии. Основоположниками ее теоретических принципов были историки права К. Д. Кавелин (1818—1885) и Б. Н. Чичерин (1828—1904). С их именами связано выделение истории права в особую область исторической науки, что было характернейшим проявлением буржуазного подхода к истории. Как отметил Ф. Энгельс, «юридическое мировоззрение должно было стать классическим мировоззрением буржуазии... Тот факт, что борьба этого нового восходящего класса против феодалов и защищавшей их тогда абсолютной монархии должна была, как всякая классовая борьба, стать политической борьбой, борьбой за обладание государственной властью, и вестись за *правовые требования*, — этот факт способствовал упрочению юридического мировоззрения»¹. Взгляды «государственников» развивались как в работах по истории права («Взгляд на юридический быт Древней России» Кавелина, 1847; «Опыты по истории русского права» Чичерина, 1858), так и в многочисленных публицистических произведениях, а также в специальных трудах по истории и философии права (пятитомная «Исто-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 496.

рия политических учений», «Философия права», трехтомный «Курс государственной науки» Чичерина и др.). Историческая концепция «государственников» была, таким образом, органически связана с развитием буржуазного правоведения в России.

У Соловьева и «государственников» было много общего: применение диалектического учения Гегеля к изучению русской истории, подчеркнутое внимание к природно-географическим условиям и другим объективным факторам развития страны, подход к истории как закономерному «органическому» процессу, наконец, представление о государстве как высшей форме общественной организации, стоящей над обществом и действующей в интересах его в целом. «Государство, — по словам Чичерина, — есть высшая сфера общежития, высшее проявление народности в общественной сфере. В нем неопределенная народность, которая выражается преимущественно в единстве языка, собирается в единое тело, получает единое отечество, становится народом»¹.

Но было и то, что отличало «государственников» от Соловьева. Если Соловьев считал, что история России имеет большое своеобразие, но в конечном счете поворачивает на общеевропейский путь развития, то Кавелин (расходясь в этом вопросе с Чичериным) считал, что сходство явлений русской и западноевропейской историй на деле является лишь «обманчивой одинаковостью внешней оболочки. Тут есть разница не в количестве, а в качестве — разница, которая делает невозможным сравнение средневековой России с современной Россией, как нельзя ставить на одну доску ребенка с юношей»².

Таким образом, Кавелин указывал на разницу в темпах развития; Чичерин же, убежденный антиславянофил, подчеркивал, что «Россия — страна европейская, которая не вырабатывает неведомых миру начал, а развивается, как и другие, под влиянием сил, влаждующих в новом человечестве». Правда, специфика развития страны им признавалась: «...если у каждого европейского народа при общих жизненных условиях есть

¹ Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права, с. 369.

² Кавелин К. Д. Собр. соч., т. I. СПб., 1897, с. 567—568.

свои особенности, то тем более имеет их Россия»¹; «громкость государства, скудность народонаселения, однообразие условий, земледельческий быт и доступность азиатским ордам в высшей степени затрудняли объединение народа и развитие в нем самостоятельности. Восполнить эти недостатки могла только крепкая власть, которая, стоя на вершине, давала единство государству и направляла общественные силы»²; «государство образовалось сверху, действием правительства, а не самостоятельными усилиями граждан... Чем более в обществе было склонности к кочевой жизни, чем более все расплывалось по широкому степному пространству, тем сильнее нужно было государству сдерживать расходящиеся массы, связать их в прочные союзы, заставить их служить общественным целям». Происходило это все потому, что «степь способствовала кочеванию народонаселения, препятствовала образованию прочных союзов между людьми... Образование государства — вот поворотная точка русской истории»³. Установлению же государственной власти «значительно содействовало татарское владычество, которое, подчиняя народ внешнему игу, приучило его к покорности... В России образом служила восточная деспотия»⁴.

Не придавая монголо-татарскому игу решающей роли в образовании государства на Руси, Кавелин считал, что «вся русская история, как древняя, так и новая, есть преимущественно государственная... политический, государственный элемент представляет покуда единственно — живую сторону нашей истории, сосредоточивает в себе весь смысл и всю жизнь древней Руси»⁵, «в Европе все делалось снизу, а у нас сверху». Сходные мысли встречаем и у Чичерина: «...то общественное устройство, которое на Западе установилось само собой, деятельностью общества, вследствие взаимных отношений разнообразных его элементов, в России получило бытие от государства... подчиняясь мановению сверху»⁶.

¹ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866, с. 955—956.

² Там же, с. 399.

³ Там же, с. 380—381.

⁴ Там же, с. 531.

⁵ Кавелин К. Д., Собр. соч., т. I, с. 134.

⁶ Чичерин Б. Н. О народном представительстве, с. 528.

Естественно, что вопрос о происхождении государства занял центральное место в концепции представителей «государственной школы». Деля историю России на три этапа — «родовых отношений» в древней Руси, «вотчинных» — в Московском государстве и «государственных» — со времени преобразований Петра I, теоретики «государственной школы» рассматривали Московское государство как «вотчину» московских великих князей и царей, где господствует вотчинное право землевладения, государство предстает в форме государственной вотчины. Таким образом, вместо двучленной схемы Соловьева «род — государство» «государственники» вводили трехчленную схему «род — вотчина — государство». Вотчинное начало стало развиваться еще в киевские времена, но только тогда земля считалась принадлежавшей всему роду князей — Рюриковичей, а позднее каждый князь стал рассматривать свой удел как свою вотчину. По Кавелину, естественное перерождение «кровного быта в юридический и гражданский» привело к утверждению «вотчинного, семейного начала», воплощенного в личности и деятельности Андрея Боголюбского. Иван Калита шел уже по проторенному пути умножения и расширения своих вотчинных владений. Политическое раздробление преодолевалось путем разрастания одной из вотчин — вотчины московского князя. Кровные связи разрушались в пользу владельца земли — вотчинника, великого князя, а «из-под великокняжеской власти проглядывает государство». Рубеж окончательного утверждения государственных порядков передвигался на более позднее время, к реформам Петра.

Чичерин определил государство как «неразделенность общества, территории и верховной власти», какое установилось лишь с единодержавием московских князей; до того существовало не государство, а гражданское общество, зиждившееся на частном праве собственности и свободного договора. Древнерусская община вовсе не представляла собою исторического феномена, существовавшего извечно, — она была подобна аналогичным учреждениям других народов и была разрушена ходом развития, не оставив следа. По этому поводу разгорелся большой спор Чичерина со славянофилом И. Д. Беляевым, в котором Чичерин энергично отстаивал тезис об отсутствии особой, специфической

только для славян общинной организации¹. Он писал: «Мы все толкуем об общинном быте, как о какой-то особенностях русской жизни! Пора бы кажется, отстать от общих, ничего не значащих фраз и приняться за фактическую разработку проблемы»². Чичерин отмечал, что «в первый период русской истории мы видим еще в городах остатки прежних родовых общин со своими вещами, со своим собранием старейшин», в дальнейшем «из родовой общины развивается договорная. Последняя основана уже не на родственной связи членов, определяющей общественные их отношения, а на добровольном согласии каждого лица», «в XVI в. в средней России вотчинники старались переманивать к себе крестьян», «в XVI в. родовые отношения исчезли». Чичерин приводил примеры «договоров между монастырями и поселявшимися на их землях крестьянами»³.

Возвышение Москвы произошло на основе роста владений московских князей. Так как история каждого народа воплощается прежде всего в истории государства, то русская история, собственно, ведет начало с возвышения Москвы, с образования Московского государства — такова общая схема Чичерина, изложенная им в исследованиях духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. и других работах, опубликованных в конце 50-х годов XIX в.

Чичерин видел в образовании Московского государства «поворотную точку русской истории», после которой «княжеская власть сделалась единственным двигателем народной жизни». Однако Иван III в изображении Чичерина предстает еще не как государь, а как «отец семейства, вотчинник»⁴. Кавелин считал, что «глу-

¹ См.: Чичерин Б. Н. Обзор исторического развития сельской общины в России. — «Русский Вестник», 1856, № 3—4; [И. Д. Беляев] Обзор исторического развития сельской общины в России. Соч. Б. Чичерина. Разбор И. Д. Беляева. М., 1856; Чичерин Б. Н. Еще о сельской общине (ответ г. Белиеву). — В кн.: Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. СПб., 1858. По воспоминаниям члена Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» М. А. Сильвина, он «от Ленина ... впервые услышал о знаменитом споре Беляева и Чичерина, причем последнего Владимир Ильич высоко ценил как реалиста, чуждого всякой романтики в вопросах научного исследования». См.: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. Л., 1958, с. 52—53.

² Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права, с. 117.

³ Там же, с. 10, 15, 25, 26.

⁴ Там же, с. 11, 276, 365.

бокий смысл московских государственных и общественных порядков тот, что в них осуществилось государство в формах, вполне доступных и понятных великорусскому народу... В царской власти, сложившейся по типу домовладыки, русскому народу представилась в идеальном, преображенном виде та же самая власть, которую он коротко знал из ежедневного быта, с которой жил и умирал. Царь, по представлениям великорусского народа, есть воплощение государства»¹. С. М. Каштанов отмечал политическое значение тезиса «государственников» о вотчинном характере средневекового феодального права в России, при котором суд и управление были частной собственностью феодалов, являвшейся источником их доходов. «Утверждая, что феодальная юстиция и прочие права феодалов не есть общественная функция, буржуазная историография подводила читателя к выводу о ненужности феодалов, как организаторов народной жизни в буржуазном обществе»².

Но, кроме объективной политической цели, которая преследовалась выдвижением тезиса о «вотчинном» происхождении и характере Московского государства, существовала внутринаучная предпосылка возникновения этой идеи. Значительно пополнившийся в результате новейших для того времени археологических работ корпус актового материала, в особенности духовных и договорных грамот, требовал специального исследования, осуществленного историками-юристами. Их политические воззрения оказали прямое влияние на формирование новой концепции, которая содержала отождествление вотчинных и государственных прав московских князей XIV—XV вв. Черепнин справедливо указал на получившуюся у «государственников» «антиисторичность подхода к государству, которое по существу отождествилось с понятием централизованной государственной системы», и вместе с тем на то, что «эти концепции в известной мере отражают поступательное развитие буржуазной историографии. Особенно важна была попытка связать возникновение единого государства на Руси с

¹ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. I, с. 637.

² Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России. — В кн.: История и историки. М., 1965, с. 283.

исторически обусловленной сменой ... тивно политических форм, их борьбой между собой»¹.

При всей искаженности получившейся у «государственников» картины они все-таки отразили такие существенные явления, как связь вотчинного землевладения с государственным строем, глубокое проникновение крепостнических порядков во все сословия средневекового русского общества, в том числе в среду горожан и в различные слои господствующего класса, а главное — значительную роль государства в истории России. «Государственники» оценили это с точки зрения либеральной оппозиции крепостничеству. Их методология не давала им, разумеется, возможности познать подлинную основу наблюдаемых ими процессов, но сами процессы они увидели и их юридическое содержание тщательно изучили. В XIX в. они внесли наибольший вклад в конкретное изучение истории средневекового государства и права в России, истории правительственных учреждений как в центре, так и на местах, и их деятельности².

К этому можно прибавить, что идеалистическая по методологии и антиреволюционная по политическому содержанию теория «закрепощения сословий», выдвинутая «государственниками», органически связывала (хотя и в извращенной форме) процессы государственного объединения страны и формирования системы крепостного права в России. Общим местом пореформенной буржуазно-либеральной историографии стал тезис о том, что «деятельность нашего правительства начинается с постепенного прикрепления сословий, и полное развитие централизации совпадает с полным закрепощением всех сословий»³.

По мнению Чичерина, до Московского государства не было определено положение сословий, крестьяне бы-

¹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства, с. 47.

² См., например, Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. Резко критикуя либеральные политические взгляды Чичерина, Н. Г. Чернышевский вместе с тем назвал эту книгу «превосходной» и отмечал, что «автор совершенно справедливо изобразил в ней старинную систему управления не в розовом свете». См.: Чернышевский Н. Г. Избр. философ. соч., т. II, с. 649, 640.

³ Градовский А. Д. История местного управления в России. — Соч., т. I. СПб., 1868, с. 5.

ли лично свободны и легко перемещались из одних частей страны в другие. В этом тоже отличие от Запада, где крестьяне были прикреплены к земле еще в период «феодализма», понимаемого как полновластие отдельных землевладельцев. В России же закрепощение крестьян стало делом самодержавного государства, которое действовало исходя из общественных потребностей, и «это было не укрепление одного сословия в особенности, а всех сословий в совокупности; это было государственное тягло, наложенное на всякого, кто бы он ни был. Все равно должны были служить государству каждый на своем месте»¹. Так сложилась теория «закрепощения сословий», игравшая важную роль в историко-идеологическом обосновании буржуазно-либеральной программы реформ середины XIX в. Согласно этой теории, «закрепощение сословий» было исторической необходимостью, вызванной прежде всего борьбой с внешними нашествиями. В XVIII в., когда эта необходимость отпала, начался процесс раскрепощения сословий, происходящий также сверху, от правительства. Уже раскрепостились дворяне и горожане, теперь, к середине XIX столетия, наступило время для завершения этого процесса путем освобождения крестьян сверху. Философской основой этой теории был выдвинут диалектический закон отрицания: от частных отношений к государственным и через них снова к частным, но на более высоком уровне, в рамках государства. Политически же историческая концепция «государственной школы» исключала самую возможность каких-либо классовых отношений в средневековой Руси, отождествляя характер зависимости крестьян от владельцев земли и зависимость последних от государства. Само государство представляло как якобы надклассовая сила, действующая в интересах всего народа. Перед государством будто бы все были равны своими обязанностями, а государство есть главный двигатель общественного прогресса. Эта концепция противостояла революционно-демократическому движению, видевшему выход из крепостничества в народной революции.

Чичерин утверждал, что в России «монархия сделалась исходною точкою и вожатаем всего исторического развития народной жизни» и что история России «до-

¹ Чичерин Б. Н. Опыты из истории русского права, с. 227.

казывает яснее дня», что «самодержавие может вести народ громадными шагами на пути гражданственности и просвещения»¹. Он был убежденным противником революции и сторонником эволюционного прогресса. «История показывает, — писал он, — что за ниспровержением существующего всегда следует реакция, которая восстанавливает связь с прошедшим. Прочно только то, что приготавливалось длительным историческим процессом»². Политическим идеалом Чичерина была конституционная монархия³. Отрицательное отношение либеральных историков к революционному движению получило резкую оценку в известной характеристике В. И. Лениным «либерального мудреца» Кавелина: «один из отвратительнейших типов либерального хамства, Кавелин, восторгавшийся ранее «Колоколом» именно за его либеральные тенденции»⁴.

Вполне закономерным следствием мировоззренческой позиции либерала Чичерина явились его выступления против социализма, а к концу жизни — против материализма вообще и марксизма в особенности.

Теоретико-методологические и политические идеи «государственной школы» оказали очень большое влияние на развитие буржуазно-либеральной историографии в пореформенной России.

ЛЕКЦИЯ 10

Революционно-демократическое направление в историографии (середина XIX в.)

Развитие революционного направления понимания истории, основанного в России Радищевым и продолженного декабристами, воплотилось в трудах русских революционных демократов середины XIX в. Как и для их предшественников, занятия историей не были для

¹ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1899, с. 356.

² Чичерин Б. Н. История политических учений, ч. V. М., 1902, с. 189—190.

³ См.: Зорькин В. Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли второй половины XIX — начала XX в. (Б. Н. Чичерин). М., 1975.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 259.

них в большинстве случаев предметом профессиональных интересов. Их взгляды и суждения по вопросам всеобщей и русской истории высказывались обычно в рецензиях, публицистических, историко-философских статьях и книгах и основывались, как правило, на материалах, взятых из трудов исследователей, что создавало известную зависимость их взглядов и суждений от состояния разработки соответствующих вопросов в исследовательской литературе. Однако принципиально иной по сравнению с профессиональными исследователями методологический подход к определению задач изучения истории, содержания исторического развития общества, революционные политические взгляды, отражение в их мировоззрении социально-политических потребностей угнетенных масс трудящихся обусловили достижение революционными демократами во многих случаях гораздо более глубокого понимания исторических явлений, событий, всего исторического процесса в целом.

Обращение революционных мыслителей к истории органически вытекало из их стремления вмешаться в процессы современного развития, заменить существующий строй и обеспечить лучшее будущее народам России. «Мы не бежим от настоящего в прошедшее, потому что знаем, что последняя страница истории есть наша современная действительность»¹, — писал А. И. Герцен (1812—1870). Как и декабристы, революционеры следующего за ними поколения так же увлекались историей. Герцен в 1834 г. вместе со своими единомышленниками по Московскому университету собирался основать специальный историко-философский журнал, чтобы «объяснить некоторые мгновения дивной биографии человечества и из нее вывести свое собственное положение, обратить внимание на свои надежды»². История была любимым предметом молодого Н. Г. Чернышевского (1829—1889), который из 63 своих семинарских сочинений 40 посвятил историческим темам. Позднее он так объяснял особое значение истории среди всех других областей знания: «Как ни возвышенно зрелище небесных тел, как ни восхитительны величественные или очаровательные картины природы, — человек

¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. VI, с. 394.

² Герцен А. И. Собр. соч., т. I, с. 59.

важнее, интереснее всего для человека. Поэтому, как не высок интерес, возбуждаемый астрономиею, как ни привлекательны естественные науки, — важнейшею, коренною наукою остается и останется навсегда наука о человеке», а в эту «науку о человеке» входит прежде всего его история. «Можно, — писал далее Чернышевский, — не знать, не чувствовать влечения к изучению математики, греческого или латинского языков, можно не знать тысячи наук, и все-таки быть образованным человеком; но не любить истории может только человек, совершенно неразвитый умственно»¹.

Революционные мыслители активно участвовали в современном им развитии исторической науки, решительно осуждая консервативные, направленные на укрепление самодержавия, труды и поддерживая новые, прогрессивные явления в науке. Свойственное дворянским историкам стремление к поучительно-назидательному описанию фактов вызывало осуждение со стороны Белинского, который считал, что «не только искусство, но еще и наука, многосложная, многосторонняя, которая, обнимая собою историю народа, в то же время обнимает и историю права, его искусства, его науки, а без современного философского образования можно ли иметь прямое и верное понятие о праве, искусстве, науке и проч.»². Эту же мысль развивал Чернышевский: «Жизнь рода человеческого, как жизнь отдельного человека, складывается из взаимного проникновения очень многих элементов: кроме внешних эффективных событий, кроме общественных отношений, кроме науки и искусства, не менее важны нравы, обычаи, семейные отношения, наконец, материальный быт: жилища, пища, средства добывания всех тех вещей и условий, которыми поддерживается существование, которыми доставляются житейские радости или скорби». Замечательны суждения Чернышевского против «тех возгласов об историческом беспристрастии, которыми наполнены все реакционные книги... Не проводить убеждений могут только те, которые не имеют их... дело только в том, хороши ли убеждения, проводимые историком... Если убеждения историка честны, и сам он понимает влияние изображаемых им событий на судьбу народа, тогда

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 616, 516.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XII, с. 401 и 403.

заслуживает он уважения; и кроме честности убеждений, другого беспристрастия ни в каком историке»¹. В этих словах великого революционера — приближение к идее партийности исторической науки, долженствующей служить интересам народа.

Революционные демократы выступали против того, чтобы история представляла собой «плохо составленную всеобщую биографию великих людей»², следовательно, против методологических канонов официально-монархической, дворянской историографии. Но расширение границ содержания науки есть не просто введение в историческое повествование новых сюжетов, кроме деятельности правителей и полководцев. В конце концов писали же историю торговли и купечества и в конце XVIII, и в первой половине XIX вв., изображая их исключительно как результат политики и законодательной деятельности монархов. Речь идет о другом — о том, чтобы найти иное, более глубокое научное объяснение событий, нежели воля и разум правителей, а это возможно лишь при гораздо более широком охвате всех явлений и условий исторической жизни, чем это было свойственно устаревшей теперь рационалистической историографии XVIII в.

Что касается роли личности в истории, революционные мыслители совершенно ясно представляли, что «личность создается средой и событиями»³, что «историческая потребность сама вызывает к деятельности людей и дает силу их деятельности, а сама не подчиняется никому, не изменяется никому в угоду»⁴, что «история занимается людьми, даже и великими, только потому, что они имели важное значение для народа или для человечества. Следовательно, главная задача истории великого человека состоит в том, чтобы показать, как он умел воспользоваться теми средствами, какие представлялись ему в то время; как выразились в нем те элементы живого развития, какие он мог найти в своем народе. Смотреть иначе значило бы придавать гению значение невозможное для человека»⁵. Последо-

¹ Чернышевский Н. Г. Избр. философ. соч., т. II, с. 640—641.

² Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I, с. 124.

³ Герцен А. И. Соч., т. XX, кн. 2, с. 61.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 183.

⁵ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. III, с. 120.

ватель Чернышевского М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Надобно не только родиться героем, но чтобы и обстоятельства расположились так, чтобы сделать из вас героя»¹. Самую крайнюю позицию занимал в этом вопросе Д. И. Писарев, который отрицал роль великих людей, иронически называя их «мудрителями над историей», полагая, что признание роли личности в истории ведет к тому, что «нам, простым смертным, пришлось бы отказаться от всякой самодеятельности: за нас думали, чувствовали и жили бы разные герои, мудрецы и гении»². Но и эта позиция была полемически заострена против дворянско-охранительной историографии.

Какие же силы управляют ходом истории? Революционные мыслители не сомневались в существовании объективных закономерностей исторического развития и в возможности их познания. «Отвергать возможность истории как науки — значит отвергать в развитии общности неизменные законы, и в судьбах ничего не видеть, кроме бессмысленного произвола слепого случая»³, — писал Белинский. Эти неизменные законы Белинский понимал по-гегельянски, считая, что история представляет собою развитие «абсолютной идеи» и что каждый народ воплощает определенную сторону «абсолютного духа», «самораскрывающуюся» в нем. Поэтому он видит задачу в том, чтобы «подвести многообразие частных явлений под общее значение, открыть в многообразии частных явлений органическую связь, взаимодействие и отношение и проследить в последовательности многообразных явлений развитие живой идеи, составляющих их душу»⁴, — это идеалистический поиск закономерности, но закономерности объективной. «Знание фактов только потому и драгоценно, что в фактах скрываются идеи; факты без идей — сор для голов и памяти»⁵; «Задача всеобщей истории — начертать картину развития, через которое человечество из дикого состояния перешло в то, в каком мы видим его теперь. Это необходимо предполагает живую связь между сов-

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч., т. I, с. 330—331.

² Писарев Д. И. Полн. собр. соч., доп. том, с. 14.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XII, с. 453.

⁴ Там же, т. VI, с. 530.

⁵ Там же, т. XII, с. 453.

ременным и древним ...непрерывную нить, которая проходит через все события и связывает между собой, давая им характер чего-то целого и единого, так что в них все последующее необходимо выходит из предыдущего, а все предыдущее служит источником последующего»¹ — эти и подобные им высказывания наглядно говорят о стремлении Белинского проникнуть в существо процесса, понять его внутренний смысл в свете гегелевской диалектики.

Изучая развитие Западной Европы, Герцен пришел к выводу, что там сменились классический, романтический, реалистический периоды, что в общем соответствует смене рабовладельческой, феодальной, капиталистической эпох. Причина смены — развитие новых идей — следовательно, и в данном случае мы имеем дело с осмыслением всемирно-исторической закономерности на основании гегелевской диалектики. История предстает как процесс духовного обогащения человечества.

Но если бы революционные мыслители поднялись только до гегельянской закономерности исторического развития, они не вышли бы за пределы позиций передовой либеральной историографии своего времени. Революционные демократы искали движущие силы исторического развития не для абстрактного познания, а для того, чтобы можно было активно воздействовать на эти силы. Недаром Герцен считал диалектику «алгеброй революции»². Совершенно ясно высказывался о значении исторических законов Н. А. Серно-Соловьевич: «Исторической жизнью народов и всего человечества управляют постоянные, неизменные законы; направленность и произвольность, которые люди привыкли видеть в исторических событиях, только кажущиеся. Счастье или несчастье народов, успех или неуспех предприятий, процветание или упадок государств зависят от неизменных законов». Познать и объяснить эти законы — значит получить «архимедов рычаг для устранения бедствий и устранения благосостояния»³.

Революционные демократы вдумывались в глубинные причины стремления человечества к прогрессу. Бе-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XII, с. 458.

² Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 134.

³ Революционное движение 1860-х годов. М., 1932, с. 73—75.

линский считал, что «историк должен показать, что исходный пункт нравственного совершенства есть прежде всего материальная потребность и что материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности. Если бы человек не нуждался в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни, — он навсегда бы остался в животном состоянии»¹. Чернышевский говорил «о материальных условиях быта, играющих едва ли не первую роль в жизни, составляющих почти коренную причину всех явлений и в других, высших сферах жизни», а применительно к современности отмечал, что «в наше время главная движущая сила жизни промышленное развитие...»². Так революционные мыслители приближались к пониманию роли экономического фактора в историческом процессе. В. И. Ленин отмечал, что в мировоззрении Чернышевского есть «зачаток исторического материализма»³.

Соратник и последователь Чернышевского Н. В. Шелгунов утверждал, что «экономическое начало является основным двигателем всех внутренних и внешних отношений»⁴. Нужно однако, заметить, что под экономическим началом революционные демократы понимали не отношения между людьми в процессе производства материальных благ, не способ производства, а сами материальные блага, их производство и распределение. «Потребности, удовлетворение их и, следовательно, экономически производительный труд — вот основная форма социально-экономической деятельности»⁵. Но и такая постановка вопроса приводила революционных мыслителей к вопросу о роли народных масс в истории. Шелгунов писал: «Несмотря на свою научную и техническую отсталость, народный элемент представляет основную экономическую силу страны. Все производится им, и общее материальное довольство всякой нации зависит исключительно от успешного народного хозяйства»⁶.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XII, с. 463.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 357, 860.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 58, см. также с. 560.

⁴ Шелгунов Н. В. Соч., т. I. СПб., 1895, с. 502.

⁵ Там же, с. 254.

⁶ Цит. по: Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, с. 18.

Глубокое сочувствие положению народных масс, горячее стремление изменить существующий строй в пользу народа, естественно, вели к поискам иного взгляда на историю, нежели тот, который сливал государство и народ в одном понятии и тем самым не давал удовлетворительного ответа на вопрос о причинах и характере очевидных противоречий между государственными интересами и положением народных масс. Добролюбов заметил, что «результат воззрения государственного бы- вает в истории чрезвычайно различен от результата народного»¹.

Следовательно, как говорил Добролюбов, история только тогда будет иметь «серьезное научное значение», когда в ней будет сказано «об участии в событиях самого народа». В своих оценках событий русской и всеобщей истории, в размышлениях над ними революционные демократы стремились выявить и подчеркнуть роль народных масс. Она по-разному понималась в разное время и у разных авторов революционного направления — здесь можно встретить и суждения о «народном духе», и о непосредственном участии народных масс в событиях, и о влиянии событий на положение народа, но главное принципиально едино — это тема судьбы и роли народных масс в истории, тема, к которой громко, горячо и последовательно привлекали внимание своих современников революционные мыслители середины XIX в.

Споря со славянофильскими представлениями насчет якобы извечной «смирненности» русского народа, Белинский горячо возражал: «Дух народный был всегда велик и могущ; это доказывает и быстрая централизация Московского царства, и мамаевское побоище, и свержение татарского ига, и завоевание темного Казанского ханства, и возрождение России подобно фениксу из собственного пепла в годину междоцарствия», Дмитрий Донской «мечом, а не смирнением предсказал татарам конец их владычества на Руси»². Протестуя против пренебрежительного изображения России и русского народа в западной литературе, Герцен писал о XVII веке в русской истории: «Преданный, проданный, обманутый земледelec боролся целое столетие, проливал свой пот,

¹ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. III, с. 124.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XII, с. 274, 404.

проливал свою кровь и упал, наконец, избитый и связанный, во власть свирепой солдатчины и низкой бюрократии. Эта трагическая борьба прошла незамеченной и непонятой на Западе; ее оклеветали на родине. До сих пор изображают Стеньку Разина, Пугачева разбойниками с большой дороги»; «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки на мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами... И такие колоссальные события едва помечены историей или помечены для того, чтобы поразить воображение дантовским образом ледяного острога в несколько тысяч верст»¹.

Аналогичны мысли и оценки Чернышевского: «Почти все драматические эпизоды в истории русского народа были совершены энергиею земледельческого населения»²; «Звали народ выручать Москву от поляков, народ пошел и выручил, и оставлен был в положении, хуже которого не было прежде и не могло быть... Потом ему сказали: выручай Малороссию; он выручил, но ни ему, ни самой Малороссии не стало от этого лучше. Ему сказали: завоюй себе связь с Европой, он победил шведов и завоевал себе вместе с балтийскими гаванями только рекрутчину и подтверждение крепостного права... Двинули его против Наполеона; он завоевал своему государству первенство в Европе, а сам был оставлен все в прежнем положении»³. Страстным сочувствием к народу звучат эти слова великого революционного демократа, который, сосредоточивая внимание на тяжелой судьбе народа в самодержавно-помещичьем государстве, допускал в данном случае полемически-упрошенные, а иногда и прямо неверные оценки таких событий, как защита национальной независимости или воссоединение Украины с Россией.

Революционный взгляд на историю позволил Добролюбову заметить, что «массы народные всегда чувствовали, хотя смутно и как бы инстинктивно, то, что находится теперь в сознании людей образованных и порядочных. В глазах истинно образованного человека

¹ Герцен А. И. Собр. соч., т. IX, с. 154, 458.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 313.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 91.

нет аристократов и демократов, нет бояр и смердов, браминов и парий, а есть только люди трудящиеся и дармоеды. Уничтожение дармоедов и возвеличение труда — вот постоянная тенденция истории»¹. Под «людьми истинно образованными и порядочными» Добролюбов подразумевал, естественно, своих единомышленников-революционеров, не имея возможности открыто назвать их так в подцензурной печати. И далее он считал, что революционное низвержение эксплуататорского строя («уничтожение дармоедов») есть «постоянная тенденция истории», следовательно, революционная борьба есть объективная закономерность развития.

В этом заключалось коренное отличие революционной исторической мысли не только от официально-охранительной, но и от поднимавшейся в то время на новых методологических основах либерально-буржуазной исторической науки — революционные демократы поняли великое историческое значение революций в истории и стали убежденными и деятельными сторонниками революции в России. «Смешно и думать, что это (т. е. будущее справедливое общество. — А. С.) может сделаться само собою, временем без насильственных переворотов, без крови... Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов... Лучшего люди ничего не сделают»², — писал Белинский, когда пришел к идее социализма. Когда Герцен, после либеральных колебаний, увидел в 60-х годах революционный народ и «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма»³, он заявил: «Я не предвижу без страшнейшей кровавой борьбы близкого падения мещанства и обновления старого государственного строя»⁴; «...сколько социализм не ходит около своего вопроса, у него нет другого разрешения, кроме лома и ружья»⁵. Чернышевский, исследуя общие закономерности исторического развития, убежденно доказывал несостоятельность представлений либералов (например, Чичерина) об эволюционном («ор-

¹ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. III, с. 267.

² Белинский В. Г. Письма, т. II. СПб., 1914, с. 269.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

⁴ Герцен А. И. Собр. соч., т. VIII, с. 488.

⁵ Там же, т. X, с. 117.

ганическом») развитии общества, как наиболее прогрессивном варианте исторического прогресса. Чернышевский пришел к выводам о том, что «до сих пор история не представляла ни одного примера, когда успех получался бы без борьбы», что «крайность может быть побеждаема только другой крайностью»¹, что «девять десятых того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы»² (речь идет, конечно, о революции, скрытой в подцензурном тексте выражением «краткие периоды усиленной работы»).

Итак, революции закономерны, неизбежны и необходимы для прогрессивного развития человечества, но каковы причины революций? Размышляя над причиной выступления декабристов, Герцен, как и сами декабристы, пришел к выводу, что ею было «умственное движение» в среде дворянства, приведшее его «во враждебные отношения с самодержавием»³. В свою очередь, причиной этого умственного движения явилось осознание несправедливости крепостного права, особенно остро почувствованное в ходе Отечественной войны 1812 г., выигранной благодаря мужеству и героизму крепостного народа.

В конце концов революционное дело в значительной степени воплощается в том самом развитии революционных идей», которому Герцен посвятил специальную работу. Понятно, что революционеры того времени еще не могли овладеть той закономерностью общественного развития, которая стала доступной лишь Марксу и Энгельсу, распространившим материализм на область общественных явлений и увидевшим закономерность революционных переходов в процессе смены общественно-экономических формаций. Но историческая необходимость революций была уже понята русскими революционерами XIX в., и в этом их величайшая заслуга перед исторической наукой, принципиально отделившая их даже от самых выдающихся ученых-историков либерального направления. Признание революции закономерностью придавало новый, качественный, характер историческим законам. Но не всякая революция при-

¹ Чернышевский Н. Г. Избр. философ. соч., т. II, с. 625.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 13.

³ Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. IV, с. 149.

влекла внимание революционной демократии. Опыт движения декабристов учитывался теперь в полной мере — Герцен писал о том, что «в день восстания на Исаакиевской площади и в центре второй армии заговорщикам не хватало именно народа»¹. Поэтому «до тех пор, пока мы будем принимать народ за глину, а себя за ваятелей и с нашего прекрасного высокого лепить из него статую, мы в народе ничего не встретим, кроме упорного безучастия или обидно сострадательного повиновения»². Чернышевский подчеркивал, что «сильны только те стремления, прочны только те учреждения, которые поддерживаются массой народа»³, и в своей знаменитой прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» прямо обратился к крестьянству с призывом организовать для всенародного восстания. Недаром В. И. Ленин писал о Чернышевском: «...от его сочинений веет духом классовой борьбы»⁴.

Буржуазные революции, происходившие в те времена в странах Западной Европы, вызывали глубокие критические суждения русских революционных мыслителей. В рецензии на роман Эдгара Сю «Парижские тайны» Белинский писал о революции 1830 г. во Франции, что в результате нее народу стало еще хуже, а власть захватили те, которые «повыползли из своих нор и по трупам ловко дошли до власти, оттерли от нее всех честных людей»⁵.

Буржуазный общественный строй вызывал резкое осуждение русских революционеров, как и вообще прогрессивных мыслителей первой половины и середины XIX в. Герцен оценивал переход к новому времени на Западе как замену «феодализма крови» «феодализмом денег»⁶.

Герцен, Чернышевский, Добролюбов и другие революционеры искали другой путь развития России и находили его в том, чтобы построить социалистическое общество на базе крестьянской общины. Чернышевский

¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. XIII, с. 144.

² Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. VI, с. 353.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 217.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 471.

⁶ Герцен А. И. Собр. соч., т. IV, с. 134. (Под словом «феодализм» здесь понимается «власть».)

резко протестовал против мнения тех либералов, которые находились «в фантастической уверенности, будто бы Западная Европа — земной рай». При этом принципиальное единство с западноевропейским историческим процессом теоретически не нарушалось. Чернышевский считал, что «для нас самих этот обычай пока еще очень хорош, а когда понадобится нам лучшее устройство, его введение будет значительно облегчено существованием прежнего обычая»¹ (речь идет об общине и о социализме — «лучшем устройстве»). Что социализм установится повсюду — в этом революционные демократы не сомневались. Эту уверенность ярко выразил Писарев: «Теперь всеми сделанными открытиями пользуется ничтожное меньшинство, но только очень близорукие мыслители могут воображать себе, что так будет всегда. Средневековая тирания упала, феодализм упал, абсолютизм упал; упадет когда-нибудь и тираническое господство капитала»².

Крупнейшей заслугой революционных мыслителей середины XIX в. явилось обращение к совершенно новой для исторической науки проблеме истории страны — истории революционного движения. В этом отношении большую роль сыграла деятельность Герцена и Огарева в эмиграции. Герцен переиздал «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. Герцен и Огарев сделали очень много для выявления материалов об истории движения декабристов, воссоздания правдивой картины этого движения — в противовес официально-монархическим измышлениям. В 1858 г. появилась совместная работа Герцена и Огарева «14 декабря 1825 года и император Николай», в том же году — статья Герцена «Русский заговор 1825 года», в 1868 г. — его работы «Исторические очерки о героях 1825 года и их предшественниках по их мемуарам», очерки о К. Ф. Рылееве и Н. А. Бестужеве. В 1862—1863 гг. Герцен опубликовал три выпуска материалов о движении декабристов, в которых были напечатаны воспоминания И. Д. Яковшкина, князя Трубецкого, И. И. Пущина, разбор донесений тайной следственной комиссии, написанный участниками движения Н. М. Муравьевым и М. С. Луниным.

¹ Герцен А. И. Собр. соч., т. VII, с. 326.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 727.

Герцену принадлежит также работа «О развитии революционных идей в России», представляющая собой первый в литературе аналитический обзор истории освободительного движения. В предисловиях к издававшимся им сборникам документов, в письмах «С того берега», в статьях «Россия и Польша», в различных других статьях, в том числе написанных им для западного читателя очерках истории России, Герцен подвергал историю России, особенно начиная с XVIII в., анализу с революционных позиций. В знаменитых мемуарах «Былое и думы» содержался богатый материал о влиянии декабристских идей на передовую молодежь 30-х годов, о революционных кружках в эпоху николаевской реакции. Когда Герцен отошел от своих либеральных иллюзий и все более становился на революционные позиции, изменилась и его оценка Петра. От «коронованного революционера» оставалось все меньше при дальнейших размышлениях Герцена. В конце 50 — начале 60-х годов он писал: «... для Петра государство было все, а человек — ничего», Петр «с преступным легкомыслием... усилил права дворянства и еще крепче стянул цепь крепостничества, империя Петра была установлена при помощи жестоких средств, посредством насилия, кнута и Сибири», его целью было «создать сильное государство с пассивным народом», «ненавидя все в старой России, хорошее и дурное, он подражал всему европейскому, дурному и хорошему. Половина иностранных форм, пересаженных им в Россию, была совершенно антипатична духу русского народа»¹.

Герцен с большой энергией разоблачал царизм второй половины XVIII в. Будучи свободен от цензуры в эмиграции, он публиковал документальные материалы, какие в самой России, несмотря на их «высокопоставленное» происхождение, печатать не позволялось. К числу таких произведений относились ценнейшие источники: «Записки» Екатерины II, «Записки» княгини Е. Р. Дашковой, сенатора И. В. Лопухина, сочинение М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» и др. «Всякое правдивое сказание, всякое живое слово, всякое современное свидетельство, относящееся к нашей истории за последние сто лет, чрезвычайно важно.

¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. X, с. 247; т. V, с. 349—350; т. VIII, с. 412; т. IX, с. 263; т. XVII, с. 221.

Время это едва теперь начинает быть известным... История императоров — канцелярская тайна, она сведена на дифирамб побед и на риторику подобострастия... правительство... открыто лжет в официальных рассказах и потом заставляет повторять свою ложь в учебниках»¹.

XVIII век в истории царской, императорской России Герцен назвал «классической эпохой насильственных образователей и беспощадных цивилизаторов», которые «отдали родную мать чужому вотчину в кабалу»². Гневно развенчивая иностранных авантюристов и стяжателей, заполонивших собою государственные учреждения XVIII в., Герцен писал, что они «были далеки от изображения собою прогресса: без всякой связи со страной, которую они не трудились изучать и презирали, как варварскую, высокомерные до наглости, они были самыми раболепными орудиями императорской власти»³. Особенно резкую характеристику давал Герцен правлению Екатерины II, которая «пожертвовала всем, и, прежде всего, счастьем народа, чтобы организовать сильное государство и сделать его европейским». О законах и учреждениях Екатерины Герцен писал, что они носят «эксцентрический характер», «в них было странное соединение демократизма и аристократизма, деспотизма и представительства, Иоанна Грозного и Монтескье», а «после раздела Польши и «ужасных» известий, приходивших из революционной Франции, пугавших Екатерину II, она откровенно отбросила всякую маску либерализма...»⁴.

Изучение истории России с точки зрения складывания предпосылок революционно-освободительного движения и его развития привело революционных мыслителей к чрезвычайно важной оценке значения Отечественной войны 1812 г. «С 1812 года начинается наша новая история», — писал Герцен. Переломное значение войны заключалось в том, что она резко выявила и противопоставила в сознании современников великую роль народа в спасении страны от иноземного вторжения и

¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. X, с. 376.

² Там же, с. 124.

³ Там же, т. V, с. 333.

⁴ Там же, т. IX, с. 206; т. VIII, с. 50.

его (народа) крепостное состояние. «Крестьянин-солдат, взявший оружие в руки в 1812 г., вернулся покрытый рубцами после геройской борьбы с чужеземцами к той же позорной цепи рабства», «мужику не дали никакой вольности в награду за победу, купленную его кровью. Чтобы вознаградить мужика, Александр подготовил чудовищный проект военных поселений»¹, — так характеризовал Герцен главное впечатление, произведенное событиями войны и последующих за ней лет на прогрессивно мыслящих современников. Отсюда и выросло декабристское движение.

Герцен отдал много сил и энергии изучению и пропаганде движения, что было опять-таки практическим революционным делом. Он был первым историком декабристов, подошедшим к движению с революционных позиций. Герцену принадлежат и первые аналитические оценки движения. Об одной из них, заключавшейся в признании того, что декабристам «не хватило народа», мы уже говорили. Другая оценка состояла в различии между Северным и Южным обществами, причем Южное общество Герцен оценил не только как революционное, но как республиканское и даже как «социалистическое» — вследствие намерения Пестеля дать освобожденным крестьянам землю. Общая оценка людей движения: «Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия»², — эти слова Герцена прекрасно характеризуют не только декабристов, но и самого Герцена с его горячими симпатиями к революционерам-декабристам, с его собственными революционными убеждениями, и недаром они были процитированы В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена».

С позиций необходимости революционного разрыва с самодержавно-крепостным прошлым России революционные мыслители оценивали события и процессы современности, тесно связанной с недавним прошлым. Именно здесь, в вопросах новейшей истории, ярче и глубже всего проявился оригинальный анализ исторического материала, предпринятый революционными мы-

¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. IX, с. 155.

² Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. XV, с. 289.

слителями. Здесь они в гораздо меньшей степени зависели от специальной исторической литературы, более того, они сами собирали, публиковали, осмысливали исторические материалы, создавали новые концептуальные решения.

В работах революционных демократов были подвергнуты глубокому анализу общественное движение 30 — 40-х годов, роль литературы и литературной критики в нем. Принципиальные оценки западничества и славянофильства исходили в конечном счете из анализа их отношения к главной проблеме современности — крепостному праву и содержали осуждение либеральной программы преобразования России сверху. В работах Чернышевского с революционно-демократических позиций была оценена деятельность Белинского, Герцена, Огарева.

Особенно значительны мысли и оценки, высказанные революционными демократами в отношении подготовки и осуществления отмены крепостного права. Знаменитые «Письма без адреса» Чернышевского содержали глубочайшее разоблачение крепостнического характера реформы. В. И. Ленин писал о Чернышевском: «Крестьянскую реформу» 61-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он назвал *мерзостью*, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители, как липку»¹.

Революционное понимание истории, воплотившееся в трудах революционной демократии, представляло собой высший образец обращения к изучению и интерпретации прошлого с позиций защиты коренных интересов народных масс во всей домарксистской историографии. Это понимание во многом подготовило почву для будущего распространения марксистской исторической мысли в России².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

² См.: Иллерицкий В. Е. Исторические взгляды Белинского. М., 1953; он же. История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963; он же. Революционная историческая мысль в России. М., 1974.

**Дворянская, либерально-буржуазная,
мелкобуржуазная историография
после отмены крепостного права
(вторая половина XIX в.)**

После 1861 г., как и до этого, продолжалось развитие всех трех основных направлений исторической мысли — официально-монархического, буржуазно-либерального и революционно-демократического, но вместе с тем произошли существенные перемены в науке, обусловленные сдвигами в общественно-экономической и политической жизни страны.

Меняются общие условия развития науки. Университетский устав 1863 г. открыл более свободные возможности для развития научных концепций на университетских кафедрах и в целом для университетского исторического образования. Резко возрастают масштабы исторических исследований и популяризации исторических знаний. Это является следствием развития академических учреждений, университетов, научных обществ; растет число губернских архивных комиссий, периодически созываемых в разных городах страны. Археологические съезды способствуют подъему исследований в области местной истории, разработке вопросов истории культуры.

Занятия историей перестают быть привилегией узкого круга историков-профессионалов. К истории привлекается внимание широких слоев растущей разночинской интеллигенции, круг потребителей исторических произведений значительно вырастает. Историческая тематика занимает большое место в литературе, живописи, скульптуре, музыке. Само по себе это явление не ново, но масштабы и характер его — другие по сравнению с дореформенным временем. С выходом на общественную арену разночинцев исторические материалы приобретают в их художественных произведениях все более антисамодержавное, свободолюбивое содержание и значение, проповедают на историческом материале новые демократические идеи и убеждения.

Как следствие подъема исторической науки и в то же время как стимул ее развития происходит небывалый рост публикаций по вопросам истории. Появляются

ся специальные исторические журналы, публикующие как исследования, так и источники, общий поток исторической литературы непрерывно растет: в 1855 г. было издано 1481 название литературы по истории, в 1864 г. эта цифра поднялась уже до 7946, а всего с 1855 по 1876 гг. было учтено свыше 100 тыс. названий, включая монографии, учебники, статьи, рецензии, обзоры, публикации источников и т. п.¹

Продолжались серийные публикации источников и возникали новые. Центр тяжести в публикации источников стал смещаться из средневековья в более позднюю эпоху — XVII, XVIII, отчасти XIX век. Объяснялось это не только исчерпанием в предшествующий период основного фонда сохранившихся материалов, но и движением науки в целом, для которого характерно постоянное расширение проблематики в сторону приближения ее к современности, вовлечение в научный оборот и исследование ближайших эпох.

Следует отметить большую специализацию и дифференциацию исторической науки в пореформенный период. Окончательно оформляется в особую область история государства и права, где находят наиболее полное свое воплощение теоретические и методологические принципы «государственной школы», постепенно эволюционирующей в чисто «юридическую школу» в русской историографии. Большое значение приобретают археология, начавшая активное изучение славяно-русских древностей, и этнография, поставляющие исторической науке много ценных материалов по истории культуры и быта. Особенно важным было развитие специальных исторических дисциплин — источниковедения со всеми его областями, разработка приемов обработки материалов писцовых книг, таможенных книг, актового материала, дальнейшее углубление изучения летописания, изучение истории возникновения памятников общественно-политической мысли. Не только в области внешней критики источника, но и во внутренней его критике были достигнуты значительные успехи, вплоть до признания политических тенденций в изучаемом источнике, хотя, разумеется, в рамках буржуазно-либеральной методологии невозможно было подняться до понимания

¹ См.: Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века, с. 424—427.

классового характера памятников и социально-экономической основы их возникновения.

Ведущее место в науке во второй половине XIX в. заняло буржуазно-либеральное направление. Дворянская историография оказалась вынужденной приспосабливаться к достижениям буржуазной историографии, брать на вооружение некоторые элементы ее методологии для обоснования своих концепций. Но в то же время происходил и обратный процесс: после революционной ситуации конца 50 — начала 60-х годов, в обстановке подъема революционно-освободительного движения буржуазная историография явно пятится назад, в сторону сближения с некоторыми позициями дворянской историографии. Уже теоретики «государственной школы», в отличие от Соловьева, стали вновь подчеркивать «коренное отличие» русской истории от западноевропейской, как объективную предпосылку невозможности и недопустимости народной революции в России. Правда, доказывали «государственники» этот тезис совсем другими методами, нежели Погодин и славянофилы, но политическое содержание данной концепции оставалось антиреволюционным.

Но уже сам отказ от признания принципиального единства объективных исторических закономерностей развития разных частей Европы был признаком теоретико-методологической непоследовательности русской буржуазной историографии. Это еще не кризис ее, идет и приобретает нарастающие масштабы конкретное изучение прошлого, раскрываются его новые аспекты и грани, но в области теории исторического познания заметны признаки эклектизма. Здесь все противоречно, но противоречие это неминуемо приведет буржуазную историографию к идейно-теоретическому кризису. С одной стороны, значительно усиливается интерес к социальным и экономическим проблемам прошлого, время безраздельного господства политической истории в науке прошло; с другой — сохраняет свое ведущее положение теория «государственной школы», и поэтому явления социальной и экономической истории рассматриваются как следствие, как проявление деятельности государства либо же просто эмпирически описываются. С одной стороны, ведущее значение в науке приобретает жанр исследовательской монографии, посвященной одному, порой даже совсем частному сюжету и основанной

на максимально полном и глубоком изучении источников по этому сюжету; с другой — все новится отказ от обобщающих трудов, от создания единых концепций истории России. С одной стороны, серьезно разрабатывается техника исторического исследования, приемы работы над разными типами источников; с другой — очевидно чисто утилитарное ограничение источниковедения вопросами внешней и внутренней критики источника, отрыв теории познания от «техники» исторического исследования.

Характерно развитие проблематики исторических работ. Они посвящаются все более глубокому исследованию отдельных проблем и вопросов прошлого. Это касается не только «вертикальных» ответвлений исторической науки (история экономического развития в его разных проявлениях, государственных учреждений, правовых норм, история литературы в широком смысле слова), но и изучения отдельных регионов. Значительный прогресс в накоплении конкретного материала и его изучении был достигнут в исследованиях, посвященных истории отдельных земель и княжеств до вхождения их в состав единого Российского государства.

Дворянская историография продолжала проповедывать тезис о монархической власти как основе исторического прогресса страны. Правда, дворянские историки уже не могли обходиться без признания объективных факторов исторического развития. Но при всем том получалась весьма эклектическая по своей методологической основе и откровенно монархическая в политическом отношении концепция. Едва ли не наиболее ярким образцом такого изображения русской истории являются труды Д. И. Иловайского (1832—1920), получившего, кроме всего прочего, широкую известность благодаря многочисленным изданиям своих учебников для средней школы.

Признавая, что история «стремится раскрыть самые законы и основания, на которых общество существует и развивается»¹, Иловайский заявил, что история одновременно является и наукой, и искусством². Попытки приравнять средства научного исследования к образным средствам воспроизведения прошлого или «объе-

¹ Иловайский Д. И. История России, ч. I. М., 1876, с. VI.

² См.: Иловайский Д. И. Указ. соч., с. V.

динить» их вели к отказу от научной идеи объективной исторической закономерности; они появились во второй половине XIX в. как реакция дворянско-охранительной историографии на утверждение идеи объективной закономерности в историографии буржуазно-либеральной. Такой же реакцией на концепцию «государственной школы» явилась выдвинутая Иловайским идея насчет того, что исторический прогресс заключается в нравственном совершенствовании общества и воплощается в «формах государственного быта». Последний специфичен для каждого народа и состоит из четырех элементов: формы правления, религии, сословного и политического положения населения, «этнографического момента». Иловайский пытается усложнить, дополнить формулу «государственников» о том, что государство есть «высшее воплощение истории народа», за счет некоторых элементов теории «официальной народности» и начатого славянофилами изучения «народного быта» («этнографического момента»).

Здесь мы видим явную тенденцию к отходу от монистического взгляда на историю к плюрализму, одно из проявлений зарождающегося в русской науке позитивизма. Иловайский и в идее «государственного быта» пытался нейтрализовать идею объективной исторической закономерности как таковую, вводя в свою схему как исторически развивающиеся явления, так и якобы имманентно присущие данному народу. «Государственный быт» — это нечто постоянное, несмотря на некоторое движение отдельных его частей; другие его части, как «форма правления», в особенности «религия», остаются навсегда неизменными, придающими определяющий характер изменяющемуся «политическому и сословному положению», а «этнографический элемент» придает индивидуальный для данной страны характер ее исторического развития. Здесь можно заметить элементы и шеллингизма, и гегельянства, но в общем это позитивизм.

На практике концепция Иловайского выдвигала на первый план монархическое начало в русской истории, что определило и ее объективное общественно-политическое значение в идеологической борьбе второй половины XIX — начала XX в.

Так, выступление Иловайского против норманской теории происхождения древней Руси было обусловлено

стремлением отстоять тезис о самобытности русской истории. Слова Иловайского о «собираателях Руси» — московских князьях — стали своеобразным афоризмом, символом монархической концепции русской истории. Именно прочность семьи московских князей положила основание Московскому государству. Правда, Иловайский уже не мог пройти мимо того, что было установлено Станкевичем и Соловьевым: выгодного географического положения Москвы. От их противников — славянофилов он воспринял версию об особых свойствах русского народного самосознания, искони склонного к сильному государственному порядку. От Карамзина идет в концепцию Иловайского мысль о политическом искусстве московских князей в их отношениях с Ордой, от «государственников» — тезис о семье, как первоначальной основе развития (через вотчину) государства. Именно в московской княжеской семье видел Иловайский «какую-то крепость», чему придавал первостепенное значение в успехе собирательной политики московских князей. От Карамзина шло и представление о значительной роли монголо-татар в образовании Русского государства, в особенности о влиянии их на политический строй и национальный характер русского народа. Оценив Ивана Грозного как «робкого тирана», Иловайский традиционно сводил объяснение напряженных событий того времени к сложной личности правителя, пришедшего к необузданному деспотизму. Заметная доля критицизма (характерная в этом виде для всей дворянской историографии) есть у Иловайского и по отношению к Петру, у которого он видит недостаток национального чувства и которого сопоставляет с Иваном Грозным по отрицательным нравственным качествам — оба они «сыноубийцы». Укрепление самодержавия при Петре оценивается Иловайским положительно, но зато он отрицательно относится к водворению бюрократии и насаждению иностранщины.

Иловайскому очень импонировала фигура Александра II, при котором установился «абсолютизм мягкий и просвещенный». Для всей его концепции характерны подчеркнутые апологетическое отношение к православной религии и русской церкви, идеализация ее роли в общественном и культурном прогрессе. Иловайский выступал сторонником развития промышленности и торговли, но на сугубо «национальной» основе, при про-

текиционистской политике со стороны самодержавия, при котором должно состоять некое «всесоюзное представительство». С 90-х годов, по мере усиления революционного движения в стране и начала пролетарского его этапа, все более развивалась у Иловайского враждебность ко всякой демократии, что нашло выражение в издававшейся им самим крайне реакционной газете «Кремль». Иловайский выступал с яростными нападками на учение Маркса, доказывая его «неприемлемость» для России.

Понятно, что такой историк был очень нужен реакционным силам. Именно он был автором учебников для средней школы, насаждавших верноподданнические чувства среди молодежи. До 1916 г. его пособие по русской истории для среднего возраста издавалось 44 раза, для младшего — 32 раза, по всеобщей истории — 36 раз.

Другие представители официальной дворянской историографии второй половины XIX в. — Н. П. Барсуков, Н. Н. Дубровин, позднее Н. К. Шильдер — внесли некоторый вклад в науку своими обширными и имеющими ценность публикациями источников. Но в их трудах все более исчезают какие-либо элементы обобщений, анализа освещаемых источниками событий и явлений. История все больше превращается в биографию царей, и даже тогда, когда публикуются материалы по истории движения Пугачева (у Дубровина), они интерпретируются с сугубо монархической точки зрения.

К официально-монархической историографии в пореформенное время значительно приблизились представители позднего славянофильства. Н. Я. Данилевский, например, исходя из представления о неизменности имманентно присущих русскому (как и всякому другому) народу психологических качеств и об определяющем их значении в исторических судьбах страны, отрицал наличие каких-либо общих и объективных исторических закономерностей. Версия об исключительности истории каждого народа, в том числе русского, была положена в основу исторической концепции Данилевского. Вслед за Карамзиным Данилевский повторял мысль о том, что монголо-татарское нашествие «спасло» Русь от окончательного расчленения, считал, что благодаря посредничеству московских князей иго завоевателей было значительно облегчено и это еще более усилило привязан-

ность русского народа к своим правителям. Заметим, что «последними подмостками, употребленными при постройке нашей государственности, явилось крепостное право»¹ (сама по себе мысль не новая для того времени), Данилевский относил это явление, как и ранние славянофилы, к более позднему (нежели образование Российского государства) времени.

Близка к официально-монархической концепция К. Н. Бестужева-Рюмина. Он тоже был склонен придавать немалое значение влиянию монголо-татар на русское средневековое общество: «Влияние татар нельзя отвергнуть уже потому, что мы долго находились с ними в связи, и потому, что в своих сношениях с восток московское государство пользовалось услугами татар; в администрацию вошло много восточного, особенно в финансовой системе; этого кажется нельзя отвергнуть, быть может, найдутся следы и в военном устройстве. Это следствия прямые; косвенные следствия едва ли не важнее еще, ибо сюда принадлежит отделение Руси Восточной от Западной, значительная доля остановки в развитии просвещения... и огрубения нравов».

Но происхождения власти московских государей от монголо-татар Бестужев-Рюмин не признавал. Не потому, что принял версию Соловьева и государственников, а потому, что разделил вполне официальную монархическую клерикальную точку зрения. «Мнение же о происхождении понятия о царской власти от татар надо, кажется, вполне отвергнуть, особенно вспомнив постоянную проповедь духовенства и то обстоятельство, что Иван Грозный ссылается на авторитет Библии и примеры римских императоров»².

Хотя Бестужев-Рюмин уделил очень большое внимание вопросам источниковедения, в особенности изучению летописей, и попытался выработать новый тип исторического труда — сжатого двухтомного изложения всего хода русской истории, тем не менее он не вышел из рамок того направления в русской исторической мысли, которое в XIX в. наиболее ярко было представлено Карамзиным, Погодиным, Устряловым, Иловайским.

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1888, с. 281.

² Бестужев-Рюмин К. Русская история, т. I. СПб., 1872, с. 531.

В либерально-буржуазной историографии пореформенного времени главенствующее положение занимали последователи «государственной школы». Продолжалась деятельность ее виднейших представителей — Кавелина и Чичерина. История русского права как самостоятельная научная дисциплина получила особенно большое развитие, как и вообще все правовые науки.

Один из видных буржуазных историков права А. Д. Градовский, как и «государственники», считал государство произведением «органического» развития русской истории, но рассматривал его в плоскости борьбы общинного начала и княжеской власти. История началась с того, что общины призвали князей, а окончательное гармоническое соотношение общины и княжеской власти утвердилось в Московском государстве. Причина независимости власти московских правителей от сословий «лежит все в той же идее призвания, постепенное развитие которой проходит через всю русскую историю, и окончательное значение которой выразилось только в Московском государстве. Да, только Московское государство довело до конца эту общерусскую идею!»¹.

Политический смысл этого суждения Градовского о происхождении Московского государства очевиден: российская государственная власть порождена самим общественным развитием не в том смысле, как это было на Западе, а в том, что исторический путь страны может лежать только в русле «законной» деятельности государственной власти, которая «призвана» «общинами» и которая одна есть высшее воплощение нации во всех аспектах ее развития в целом и деятельности отдельной личности в частности. Так в буржуазно-либеральной науке все более резко преобладают ноты антиреволюционности.

Но если у Градовского присутствует идея развития процесса, движения государственности, то в трудах такого крупного деятеля «юридической школы», как В. И. Сергеевич, эта идея практически пропадает.

В работе В. И. Сергеевича «Вече и князь» (1867) правовые и государственные институты берутся вне их развития, автор оперирует материалом и из времени Киевского государства, и из практики московских госу-

¹ Градовский А. Д. Собр. соч., ч. I. СПб., 1899, с. 381.

дарей, рассматривая юридические нормы как не стоянное, хотя в то же время предваряет свое исследование замечанием о том, что «наша древность, представляет медленную, но постоянную смену явлений»¹. Сергеевич в своих работах систематизировал обильный материал по истории правовых норм и институтов на Руси в X—XVI вв.

Он указал на роль московского боярства в усилении Московского княжества. Боярство играет решающую роль в политических событиях малолетства Дмитрия Донского, оно становится его наставником. Боярство потому против раздробления, что «боярам нужны богатые кормления. Чем меньше князей, тем этих кормлений больше. Бояре — естественные сторонники объединительной политики. Эту политику они и внушили Дмитрию Ивановичу, которого еще младенцем возвели на великокняжеский стол... При таких-то условиях Дмитрий Иванович является основателем нового порядка вещей. Он устанавливает в великом княжении единонаследие». Здесь Сергеевич вносил новый аспект в изучение процесса государственной централизации русских земель.

Узость юридического подхода к изучению истории осознавалась в самой буржуазной историографии, которая в условиях пореформенного развития общества значительно расширила предмет своих исследований и была занята усиленными поисками новых методологических принципов, которые могли бы помочь освоить и объяснить становившуюся все более многогранной картину исторического прошлого России, что ярко воплотилось в научном творчестве крупнейшего и талантливейшего ученого — В. О. Ключевского (1841—1911)².

Разночинец по происхождению (сын сельского священника из Пензенской губернии), Ключевский с малых лет хорошо знал жизнь русского крестьянства и на всю жизнь сохранил глубокий интерес к историческим судьбам своего народа. Юность Ключевского протекала в Московском университете в переломные годы оте-

¹ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Том первый. Территория и население. СПб., 1890, с. 47.

² См.: Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974.

чественной истории — в период первой революционной ситуации, падения крепостного права и буржуазных реформ 60-х годов. Острые события современности произвели большое впечатление на молодого историка¹, его привлекала яркая критика крепостнических идей и порядков со стороны революционной демократии. «Интересно следить за этой борьбой разных партий и мнений, борьбой, часто пересыпаемой изрядной брашью, но все же живой, энергической, — писал Ключевский. — Всех виднее в этой перепалке «Современник» с Чернышевским, — этим бесцеремонным семинаристом-социалистом и пр. Славно — что ни говори — отделявает кой-кого»². Однако революционными убеждениями Ключевский не проникся, не принял их, как не принимал участия в студенческом движении, находя, что «все эти крики не стоили одного слова лекции Буслаева или кого другого». Ключевский на первое место ставил и с глубоким пистетом говорил «о мирной, никогда не падающей, вечно пребывающей науке»³, которой он смолду был намерен беззаветно служить, не отвлекаясь на политику. Но это вовсе не значит, что историк не имел политических взглядов, что он находился вне современности, вне политики. Сама жизнь очень скоро подтвердила иллюзорность надежд на возможность какой-то «изоляции» в науке. Спустя несколько лет Ключевский писал: «Самая строгая наука не обязывает быть равнодушным к интересам настоящего. Если история способна научить чему-нибудь, то прежде всего сознанию себя самих, ясному взгляду на настоящее»⁴.

У Ключевского ясно видим уже знакомые по Соловьеву мотивы относительно того, что «у науки сборы долгие» и надобно сперва «набраться нужных запасов», чтобы принять участие в решении насущных задач современности. Но есть и то, чего у Соловьева не было: острая неудовлетворенность такой постановкой вопроса, колебания, мучительные метания, вызванные горячим сочувствием решению общественных проблем. Ключ-

¹ См.: Зимин А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-х гг. XIX в. — «Исторические записки», т. 69, М., 1961.

² Ключевский В. О. Письма. Диссертации. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, с. 94.

³ Там же, с. 42—43.

⁴ Там же, с. 237.

ческий оказывается больше затронут общественным движением, нежели Соловьев. Подобные характеристики для либерального мировоззрения ввели историка далеко вправо, как это случилось в 1894 г., когда он произнес вызвавшее резкое осуждение студенчества «Похвальное слово» скончавшемуся царю Александру III.

В политической деятельности Ключевский почти не участвовал, за исключением небольшого периода времени в годы первой буржуазно-демократической революции, когда он принимал участие в так называемых «петергофских совещаниях» либералов и неудачно баллотировался в Думу по списку кадетской партии от Сергиева Посада. Однако вся его научная деятельность была проникнута служением определенным общественно-политическим взглядам, сущность которых сводилась к общим для российского либерализма понятиям отрицания самодержавия и безусловно враждебного отношения к революции.

Ключевскому была ясна историческая неизбежность падения самодержавия. В своих трудах он исследовал его роль в русской истории, которую оценивал весьма критически, так же как и роль дворянства. Это отрицательное отношение к самодержавию наряду с художественностью изображения исторического материала привлекало массу слушателей на лекции Ключевского в Московском университете. В своих дневниковых записях он был еще откровеннее: «Цари со временем переведутся: это мамонты, которые могли жить лишь в допотопное время»¹. Но отсюда вовсе не следует какого-либо сочувствия к революционной борьбе против самодержавия. Правда, в 1867 г. у Ключевского вырвалось: «Бывают же гнусные времена, доживает же до них общество, которому нет оснований отказать в будущем, когда желательными становятся насильственные перевороты...»² Здесь «насильственный переворот» трактуется, как следствие чрезвычайных обстоятельств, отнюдь не как закономерность. Но в разгар Декабрьского вооруженного восстания — высшей точки подъема буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. — Ключевский писал: «Все от нечего делать или от неумения

¹ Ключевский В. О. Письма..., с. 395.

² Там же, с. 234.

сделать что-нибудь принялись играть в конституцию, другие в революцию, превращая в куклы идеи, идеалы, принципы... Я не сочувствую партиям, манифесты которых сыплются в газетах. Я вообще не сочувствую партийно-политическому делению общества при организации народного представительства». Ключевский, таким образом, не только против революционной борьбы, но даже против либерально-оппозиционных действий, потому что, по его мнению, «оппозиция против правительства постепенно превратилась в заговор против общества. Этим дело русской свободы было передано из рук либералов в руки хулиганов. Я могу только проявить сочувствие, но не могу принять участие»¹. Следовательно, Ключевскому претило даже либерально-оппозиционное движение, будто бы открывшее дорогу ненавистным ему действиям масс. Утопические мечты российского либерала о внеклассовом, внепартийном, «национальном» государственном устройстве находили здесь свое отчетливое проявление.

Отрицательное отношение к революции было у Ключевского органически связано с неприятием тезиса об активной, творческой роли народных масс в истории, несмотря на все внутреннее сочувствие судьбе и положению народа. «Не так еще давно из разных лагерей неслись дикие (! — А. С.) крики, призывавшие к благоговению перед народом, — писал Ключевский в 1867 г. — ...Но ведь благоговение возможно только перед сознательной, духовной силой. Имеет ли смысл преклонение пред громадой Мон-Блана? Наш народ совершил много великого, еще не сознательного, не оцененного ни им самим, ни благоговеющими пред ним народопоклонниками. Но в создании этого великого действовали силы, подобные тем могучим и слепым силам, которые подняли громадные горы. Им можно изумляться, их можно страшиться; всего лучше спокойно изучать их действие и сознания, но поклоняться им есть детская нелепость... Что материальнее, бессознательнее чувства самосохранения? А ведь только эта одна могучая сила двигала нашим народом в его великих, гигантских деяниях. Все его малозамечаемые пока историей создания запечатлены резкой печатью борьбы за жизнь. Слава народу, который выдержал эту борьбу... но этим еще не заверша-

¹ Ключевский В. О. Письма..., с. 296, 310—311.

ется его призвание; надо еще подождать, пока он оправдает свое право на жизнь, столь мужественно завоеванное...» Это «оправдание права на жизнь» состоит в «свободных, разумных интересах» и «силах»¹.

Конечно, это не карамзинское представление о том, что «народ еще коснеет в невежестве и грубости, а правительство уже действует по законам ума просвещенного», но суть взгляда на народ осталась принципиально неизменной — это взгляд с позиций господствующих классов. Ключевский придерживался традиционного взгляда о главенствующей роли духа, разума в истории (которыми народ еще должен овладеть).

Ключевский так характеризовал свое понимание истории: «Человеческая личность, людское общество и природа страны — вот те три основные исторические силы, которые строят людское общежитие»². Именно на «нравственной почве и устанавливается соглашение вечно борющихся начал по мере того, как развивающееся общественное сознание сдерживает личный интерес во имя общей пользы»³. Ключевский разрабатывал «идеальную» схему человеческого общежития, руководимого общими для всех интересами и разумом, вне классовых противоречий и вне материальных основ человеческого общежития. «Умственный труд и нравственный подвиг всегда останутся лучшими строителями общества, самыми мощными двигателями человеческого развития; они кладут наиболее прочные основы житейского порядка, соответствующего истинным потребностям человека и высшему назначению человечества»⁴, — формулирует Ключевский свое идеалистическое понимание движущих сил исторического прогресса, несмотря на то что именно Ключевский придал особенно большое значение экономической истории, вплоть до того, что в историографической литературе его иногда называли «экономическим материалистом».

И далее: «Изучая факты политические и экономические, мы в основе каждого из них найдем какую-либо идею, которая, может быть, долго блуждала в отдель-

¹ Ключевский В. О. Письма..., с. 236—237.

² Ключевский В. О. Курс русской истории, ч. I; Ключевский В. О. Соч., т. I. М., 1956, с. 21—22.

³ Там же, с. 39.

⁴ Там же, с. 40.

ных умах, прежде чем добились общего признания и стала руководительницей политики, законодательства или хозяйственного оборота»; «просто как идея, которая остается личным порывом, поэтическим идеалом, научным открытием — и только; но она становится историческим фактором, когда овладевает какою-либо политической силой, властью, народной массой или капиталом, — силой, которая перерабатывает ее в закон, в учреждение, в промышленное или иное предприятие, в обычай, наконец, в поголовное массовое увлечение, когда, например, набожное представление выси небесной отливается в купол Софийского собора»¹, и, наконец «политический и экономический порядок известного времени можно признать показателем его умственной и нравственной жизни»². Следовательно, и политика, и экономика для Ключевского равнозначные функции духовного развития общества, развития идей, лежащего в основе его исторической жизни. Эти принципиальные методологические позиции Ключевского, сформулированные им в зрелом ученом возрасте, когда он создавал свой знаменитый «Курс русской истории», подводящий итоги всей его научной деятельности, необходимо учитывать в полной мере, чтобы не ошибиться в оценке того места и значения, которое он придавал экономическим и социальным процессам в истории. Не располагая в рамках идеализма теорией, которая могла бы связать воедино многообразие реально установленных наукой факторов исторической жизни общества, буржуазная наука пошла по пути соединения «разных факторов», плюрализма, позитивизма. Казалось, что такой подход к истории является наиболее «реалистическим», противостоящим старым схемам гегельянцев, новым словом, превращавшим историю в науку, как о том свидетельствуют П. Н. Милюков и Б. И. Сыромятников³.

Ключевский действительно выдвигал на первый план не какие-то романтические, присущие каждому народу специфические черты, а вполне реальные исторические факторы. «Тайна исторического процесса, — писал он, —

¹ Ключевский В. О. Соч., т. 1, с. 36—37.

² Там же, с. 38.

³ См. статьи названных авторов в сб. «В. О. Ключевский». М., 1912, с. 83—84, 185—186.

собственно не в странах и народах, в их внутренних постоянных, раз навсегда данных особенностях, а в тех многообразных и изменчивых счастливых или неудачных сочетаниях внешних и внутренних условий развития, складывающихся в известных странах для того или другого народа на более или менее продолжительное время». В принципе он не отрицал возможности познания общих закономерностей исторического развития, однако считал необходимым предварительным условием изучение именно местных неповторимых сочетаний факторов развития. «Изучая местную историю, мы познаем состав людского общежития и природу составных его элементов. Из науки о том, как строилось человеческое общежитие, может со временем — и это будет торжество исторической науки — выработаться и общая социологическая часть ее — наука об общих законах строения человеческих обществ, приложимых независимо от преходящих местных условий»¹. Из этого следует принципиальное неприятие какой-либо общей философской теории как метода познания, отказ от дедуктивных путей исследования, сведение теории познания к эвентуальной сумме конкретного знания.

Плюралистические взгляды Ключевского и его отход от монизма в понимании истории, отчетливо сформулированные в 80-е годы XIX в., были признаком начинающегося теоретического кризиса либерально-буржуазной науки. Ибо если наука отказывается от признания общих, объективных закономерностей исторического процесса, если она ставит своей задачей лишь исследование индивидуальных, неповторимых комбинаций причинно-следственных связей, порождающих то, или иное явление, если по этой причине, как говорит Ключевский, «научный интерес истории того или другого народа определяется количеством своеобразных местных сочетаний и вскрываемых ими свойств тех или иных элементов общежития» и приходит к мысли, что «история страны, которая представляла бы повторение явлений и процессов, уже имеющих место в других странах, если только в истории возможен подобный случай, представляла бы для наблюдения немного научного интереса»², то все это означало, в частности, что теоре-

¹ Ключевский В. О. Соч., т. I, с. 19.

² Там же, с. 26.

тически буржуазно-либеральная наука оказывалась не в состоянии осмыслить в целом огромный новый материал, хотя еще могла дать новые решения отдельных проблем этого материала. Не забудем, что теоретическое мышление — отличительная черта научного познания, уровень этого мышления есть в конечном счете уровень науки. Для понимания состояния буржуазно-либеральной историографии конца XIX — начала XX в., отразившегося в теоретических построениях Ключевского того времени, необходимо учесть, что по мере распространения марксистского монизма, теории исторического материализма с ее признанием примата общественного производства в историческом развитии, борьбы классов, как необходимого условия прогресса, открытием объективной закономерности революционной смены общественно-экономических формаций, ведущей в конечном счете к победе пролетарской революции и утверждению социализма, — буржуазная наука, объективно защищая интересы сохранения буржуазного строя, тем более настойчиво выступала против идеи исторической закономерности. Формы «опровержения» марксизма были самые разнообразные; в данном случае мы должны обратить внимание на то, что методология Ключевского объективно противостояла марксизму и именно так воспринималась противниками революционного марксизма. В 1909 г. известный «легальный марксист» П. Б. Струве писал: «Про свое поколение я смело могу сказать, что экономическому объяснению истории оно училось не только из «Капитала» Маркса, но и из «Боярской Думы» Ключевского, где влияние хозяйственных сил и побуждений на социальную эволюцию было изображено с такой классической пластичностью, которою никогда не располагал Маркс»¹.

Ученик С. М. Соловьева и Ф. И. Буслаева Ключевский одновременно воспринимал весьма различные друг от друга исторические концепции. От Соловьева шла идея органичности, закономерности русского исторического процесса, мысль о роли географического фактора,

¹ Струве П. Б. Проблема роста производительных сил в теории социалистического развития.— В кн.: Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909, с. 458.

об особом значении колонизации в истории России; от Буслая — идеи об особой национальной самобытности русского народа; о значении в историческом изучении вопросов, связанных с трудом, бытом, нравами народа.

С самого начала научной деятельности Ключевского ему был свойствен особенный интерес к вопросам источниковедения — новой для того времени области исторической науки, казавшейся особенно перспективной в свете позитивистских идей. Его студенческое сочинение было посвящено анализу сказаний иностранцев о Московском государстве, как историческом источнике. Присущая исследователю осторожность привела его к сдержанным выводам о ценности этого источника. В еще большей степени это сказалось в его магистерской работе, посвященной древнерусским «житиям святых» как историческому источнику. Изучив огромное количество рукописных списков «житий», Ключевский проделал огромную, не потерявшую своего научного значения до наших дней работу по классификации редакций и выявлению происхождения этого своеобразного исторического материала. И здесь Ключевский пришел к осторожным выводам о том, что «этот источник не так свеж и обилен, как о нем думают» и о его «небогатом историческом содержании»¹, хотя в конкретном своем исследовании он впервые раскрыл историческую ценность агиографических материалов. Ключевскому принадлежал и впервые прочитанный в Московском университете курс лекций по источниковедению, а также курс лекций по терминологии русской истории².

Ключевский много занимался вопросами экономической истории. Его исследование «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае» утвердило новый жанр исследовательской работы в области истории — монографию, основанную на тщательном изучении актов и другого материала. Внимание Ключевского привлекли вопросы финансовой истории Московского государства. Прodelав тщательное исследование

¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 1.

² Эти курсы впервые опубликованы в советском издании сочинений В. О. Ключевского (т. VI, М., 1959). Подробнее об источниковедческих занятиях Ключевского см.: Чумаченко Э. Г. В. О. Ключевский-источниковед. М., 1970.

дование, он впервые установил соотношение между деньгами XVI и конца XIX в., дав историкам возможность сравнительной оценки различных показаний источников о ценах, налогах, жалованьях и т. п. Скептик по натуре, наделенный необыкновенным даром тонкой и язвительной иронии, он скоро подметил несостоятельность установившихся концепций своего времени, в том числе «государственной школы». Ключевский критиковал «государственников» за то, что в их «диалектической схеме собственно выражается смена начал, развитие идеи государства, точнее — идеи государственной власти, а не самого государственного порядка». Свое понимание последнего Ключевский формулировал так: «Политический порядок в своем окончательном виде всегда отражает в себе совокупность и общий характер частных людских интересов и отношений, которые он поддерживает и на которые опирается»¹.

Необходимо отметить специфический интерес Ключевского к проблеме общественных классов, с особенной полнотой выявившейся в его докторской диссертации «Боярская дума древней Руси», защищенной в 1882 г. Ключевский одним из первых ввел понятие общественных классов в русской историографии. Разумеется, это понятие было далеко от того, которое нам известно согласно теории исторического материализма. Но Ключевский уже видел социальную неоднородность общества, борьбу между различными его слоями в истории. Он считал, что «классы различаются между собою родом капитала, которым работает каждый, и значение общественного класса определяется ценой, какую имеет тот или другой капитал в народном хозяйстве известного времени и места. Обыкновенно политический момент завершает социальную работу народного хозяйства: господствующий капитал становится источником власти, его операции соединяются с привилегиями, его владельцы образуют правительство, экономические классы превращаются в политические сословия»². Понятие «капитал» здесь обозначает средства участия в общественной жизни; принцип деления на классы вытекает не из положения в общественном производстве и отноше-

¹ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Изд. 5. Пг., 1919, с. 48.

² Там же, с. 5.

ния к его средствам, а из видов деятельности различных социальных групп.

Однако для данного этапа развития буржуазно-либеральной исторической науки подход Ключевского был новым и важным словом: он попытался по своему осмыслить ход исторического развития как процесс развития общества, разделенного на борющиеся классы. Он сделал при этом совершенно четкую оговорку: «Составом своим дума касалась только верхних слоев древнерусского общества; поэтому история изучаемого нами учреждения даст возможность следить за складом общества, насколько он отражался в образовании общественных вершин»¹. Монография Ключевского переносила вопрос об истории правительственного учреждения из области истории права в область истории общества, была ударом по господствующей концепции историков-юристов, и уже этим определялось ее крупное историческое значение.

Как видим, сам Ключевский выдвинул на первый план связь государственного строя с общественными отношениями. При такой постановке вопроса об отражении государственным строем общественных отношений уже не могло быть места для концепции «создания», «закрепощения» и «раскрепощения» сословий государством. Тем более что политическая актуальность названной концепции в пореформенное время уже была исчерпана: реформа произошла, но не дала ожидавшегося правителями страны смягчения общественно-экономических противоречий; наоборот, они становились все сильнее.

Сторонникам разработанной «государственниками» версии о том, что закрепощение крестьян произошло государевым указом в соответствии с общенародными потребностями, он противопоставил совершенно новую точку зрения, сущность которой заключалась в раскрытии экономической и юридической основы крестьянского закрепощения. По мнению Ключевского, крестьяне до XVI в. были «вольными хлебопашцами», отношения которых с землевладельцами определялись условиями добровольного договора. С середины XVI в. стало быстро расти поместное землевладение, новые землевладельцы льготами и ссудами привлекли на свои земли

¹ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси, с. 12.

массу свободных людей из городов и деревень. Ссуда, необходимая для обзаведения хозяйством, породила представление о личной зависимости получивших ссуду людей от тех, кто выдавал эту ссуду. Это представление родилось по аналогии с получившим развитие в это же время кабальным холопством. Крепостное право было основано на прикреплении не к земле, а к личности заимодавца, землевладельца, считал Ключевский. В основе крепостного права лежала личная зависимость, возникшая от задолженности новоповерстанных крестьян от землевладельца. Ключевский пришел к выводу о том, что крепостное право сложилось как прямое последствие роста поместной системы, но в основе самого права лежало опять-таки формирование определенных идей и представлений. «Как скоро сложилась мысль, что работа за беспроцентный долг ставит должника в личную зависимость от заимодавца, эта мысль повлекла издельного крестьянина в сторону кабального холопа. Тогда в отношении крестьян и землевладельцев вмешалось государство, чтобы не потерять своих тягловцев...»¹

Таким образом, пересматривая старую схему «закрепощения сословий» и находя экономические основания возникновения крепостного права, его связь с развитием поместной системы, Ключевский все же далек от понимания сущности эксплуатации одного класса другим, воплотившейся в крепостном праве. Ключевский оценивал государство как равнодействующую силу между интересами землевладельцев, крестьян и своими собственными. При таком подходе, естественно, не могло возникнуть понимания классовой сущности государства. Общий вывод был таков: «Крепостное право в России было создано не государством, а только с участием государства; последнему принадлежали не основания права, а его границы»². В конечном счете, несмотря на обильное привлечение факторов экономического и социального развития, крепостное право исследуется Ключевским как юридическая, а не как социально-экономическая категория.

¹ Ключевский В. О. Происхождение крепостного права в России. — В кн.: В. О. Ключевский. Соч., т. VII. М., 1959, с. 280—281.

² Там же, с. 317.

Интерес к истории социальной структуры общества проявился также в исследованиях Ключевского, посвященных истории холопства¹; он нашел выражение в специальном, впервые созданном Ключевским курсе «История сословий в России». К этой же проблематике примыкает одна из блестяще написанных работ историка — «Евгений Онегин и его предки», подготовленная к 50-летию со дня смерти Пушкина. Великое литературное произведение дало возможность ученому нарисовать широкими мазками историю целого сословия — дворянства — за два века, приведшие дворян к положению «лишних людей» в обществе. Разночинская критика дворянства дает здесь себя знать в полной мере. Шаг за шагом показывает Ключевский превращение дворянства в общественно ненужный класс.

Названная работа Ключевского примыкает и к другому циклу его исследований, посвященных вопросам истории русской культуры — литературы, быта, нравов. Большое внимание он уделял, в частности, историческому анализу произведений Пушкина и Лермонтова. Наконец, Ключевский был одним из первых, кто стал изучать историю самой исторической науки и впервые в Московском университете прочитал курс русской историографии².

Таким образом, Ключевский значительно расширил круг проблематики исторических исследований, придал особое значение специальным историческим дисциплинам, таким, как источниковедение и историография, попытался найти новые методологические подходы к изучению русской истории, преодолевая схематизм и односторонность господствовавшей тогда государственно-юридической школы.

Наконец, Ключевскому принадлежит создание новой общей концепции русской истории, сформировавшейся уже в «Боярской думе древней Руси» и нашедшей свое наиболее полное воплощение в «Курсе русской истории», который пользовался огромной популярностью среди современников и не утратил своего зна-

¹ Ключевский В. О. Подушная подать и отмена холопства в России. — Ключевский В. О. Соч., т. 7.

² Подробнее об историографических занятиях Ключевского см. Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966.

чения и в наше время, — за годы Советской власти он переиздавался шесть раз. В этом курсе отчетливо воплотились те характерные теоретические позиции исторической науки того времени, о понимании которых Ключевским речь шла выше.

Верный позитивистскому принципу разыскания индивидуальных конкретных причинно-следственных связей в истории и сочетания факторов, определяющих собой ход событий, Ключевский отошел от позиции Соловьева, который подчеркивал необходимость «не дробить, не членить русскую историю» на периоды, а «следить за преемством форм». У Ключевского, наоборот, резко подчеркнуто различие периодов русской истории. Для характеристики их он вводит сочетание факторов — географического, экономического, социального и политического. На каждом из этих этапов характеристика этих факторов изменяется; сочетание их приобретает подчеркнуто индивидуальный характер; исторический процесс разбивается на периоды, которые не столько связаны между собой, сколько представляют различные «акты» исторического действия. Таков и переход от «Руси Днепровской, городской, торговой» (VIII—XIII вв.) к «Руси Верхне-Волжской, удельно-княжеской, вольноземледельческой», определяемый прежде всего процессом колонизации, а отсюда — к «Руси Великой, Московской, царско-боярской, военно-земледельческой» (вторая половина XV в. — конец «смутного времени») и через нее — к «всероссийскому, императорско-дворянскому периоду крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского» (от начала XVII до середины XIX в.).

Историю Руси Ключевский начинал не с «призвания варягов», а с перемещения славянских племен с берегов Дуная на поднепровские и другие земли восточноевропейской равнины, ведя, таким образом, рассказ о родной истории уже с VI в. и рассматривая ее начальный этап в соответствии с летописной традицией «Повести временных лет».

Ключевский был одним из первых историков, попытавшихся подвергнуть анализу общественно-экономический строй древней Руси. Результатом явилось представление об определяющей роли торговли в хозяйстве того времени и неустойчивости земледельческих поселений, когда происходили значительные перемещения кре-

стьян на свободные земли вследствие потребности в рытине от нашествий внешних врагов. Оба эти не выдержали критической проверки, осуществленной позднее наукой.

В процессе возвышения Москвы, собиравшая ее удельной Руси на первый план у Ключевского выступало географическое положение Москвы, прикрытой со всех сторон другими русскими землями и поэтому меньше других подвергавшейся разорению во время монголо-татарских вторжений. Положение на перекрестке торговых путей способствовало обогащению московских князей, взимавших различные пошлыны. Будучи младшими во «Всеволодовом племени», московские князья не могли «питать надежды дожить до старшинства и по очереди занять старший, великокняжеский стол. Благодаря тому московские князья рано вырабатывают своеобразную политику, с первых шагов начинают действовать не по обычаю, раньше и решительнее других сходят с привычной колеи княжеских отношений, ищут новых путей, не задумываясь над старинными счетами, над политическими преданиями и приличиями... Они являются зоркими наблюдателями того, что происходит вокруг них, внимательно высматривают, что лежит плохо, и прибирают это к рукам»¹.

В период возвышения Москвы «успели народиться и вырасти целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татаринoм: они и вышли на Куликово поле»; наконец, создание прочного союза князей: и когда «наконец, почти вся северная Русь под руководством Москвы стала против Орды на Куликовом поле и под московскими знаменами одержала первую победу над агарянством», то «это сообщило московскому князю значение национального вождя северной Руси в борьбе с внешними врагами». «Самым важным успехом московского князя» Ключевский считал то, что ему удалось сделать свою столицу церковным центром Руси. Ключевский также указал на обычный в практике московских князей метод укрепления власти путем сосредоточения в руках старшего наследника превосходящих материальных сил. «Таким чисто материальным, имущественным преобладанием и положено было основа-

¹ Ключевский В. О. Соч., т. 2. М., 1957, с. 13.

ние политической власти московского великого князя, старшего наследника»¹.

В итоге Ключевский пришел к выводу, что процесс образования Московского государства сочетал и расширение территории, и собирание власти в руках московского великого князя. Что касается монголо-татарского ига, то он не придавал ему решающего значения в объединении Руси, как Карамзин, но и не игнорировал его, как Соловьев. Ключевский считал, что «ордынские ханы не навязывали Руси каких-либо своих порядков, довольствуясь данью, даже плохо вникали в порядок, там действовавший», и не без сарказма прибавлял, что «и трудно было вникнуть в него, потому что в отношениях между тамошними князьями нельзя было усмотреть никакого порядка...». «Власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода III запутывать дела своей земли. Русские летописцы не напрасно называли поганых агарян батоном божьим, вразумляющим грешников, чтобы привести их на путь покаяния. Всех удачнее пользовались этим батоном великие князья московские против своей братии»².

Анализируя положение в середине XV в., Ключевский заключал, что к прежним причинам успехов московских князей, каковыми являлись «экономические выгоды географического положения города Москвы и Московского княжества, церковное значение, приобретенное Москвой при содействии того же условия и согласованный с обстоятельствами времени образ действий московских князей, внушенный их генеалогическим положением», прибавилась потребность сложившейся к этому времени «новой национальной формации» — «великорусского племени» «в политическом сосредоточении своих неустroенных сил, в твердом государственном порядке, чтобы выйти из удельной неурядицы и татарского порабощения»³. Анализ причин возвышения Москвы у Ключевского уже перерастал в исследование объективного характера объединительного процесса.

Отметив наличие острых социальных противоречий в Новгороде, Ключевский считал, что «Новгород пал бы,

¹ Ключевский В. О. Соч., т. 2, с. 41.

² Там же, с. 42—43.

³ Там же, с. 47.

если бы и был от них свободен: участь вольного города была решена не местными условиями, а более общей причиной, более широким и гнетущим историческим процессом», а именно образованием великорусской народности, и когда ее политические потребности встретились с династическим интересом московских князей, «то эта встреча решила участь не только Новгорода Великого, но и других самостоятельных политических миров, какие еще оставались на Руси к половине XV в. Уничтожение личности земских частей, независимо от их политической формы, было жертвой, которой требовало общее благо земли, теперь становившейся строго централизованным и однообразно устроенным государством»¹. Заметим, что концепция Ключевского не оставляет места для монархической схемы относительно «собирателей» Русской земли. Ключевский спорил с теми, кто придавал «преобладающее значение в ходе возвышения Московского княжества личным качеством его князей»; наоборот, «все московские князья до Ивана III, как две капли воды, похожи друг на друга, так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий... московские Даниловичи отличаются замечательно устойчивой посредственностью — не выше и не ниже среднего уровня», и лишь «один Дмитрий Донской далеко выдался вперед из строго выровненного ряда своих предшественников и преемников»².

Переломным временем вступления русской истории в новый этап Ключевский считал правление Ивана III и его сына Василия III. «Основным фактом периода» Ключевский считал «превращение Московского княжества в великорусское государство»³. Подробно анализируя этот процесс через призму отношений великокняжеской власти с удельными князьями и боярством, Ключевский пришел к выводу о половинчатом характере московской политики. «Власть московского государя становилась не на место удельных князей, а над ними, и новый государственный порядок ложился поверх действовавшего прежде, не разрушая его, а только образуя новый, высший ряд учреждений и отношений. Даже

¹ Ключевский В. О. Соч., т. 2, с. 49—50.

² Там же.

³ Там же, с. 139.

вышние местные управления в Твери, Ростове, Нижнем-Повгороде и пр. не упразднялись, а только переносились в Москву и здесь продолжали действовать, никак, не сливаясь с центральными московскими учреждениями»¹.

Ключевский считал Московское государство военным лагерем, которое и было устроено «по-военному», так как «в основании его социального строя лежало деление общества на служилых и неслужилых людей, т. е. на строевые и нестроевые части населения». Из сочетания власти «военачальника с правительственными понятиями и привычками хозяина-вотчинника удельных веков и вышел своеобразный политический авторитет московских государей»², поэтому и Боярская дума была «по преимуществу военным советом». Что касается Земских соборов, то они вовсе не народное представительство, ограничивавшее самодержавие, а «административно-распределительный уговор правительства со своими органами»³. Вывод Ключевского таков: «Московское государство зарождалось в XIV в: под гнетом внешнего ига, строилось и расширялось в XV и XVI вв. среди упорной борьбы за свое существование на западе, юге и востоке. Эта внешняя борьба и сдерживала внутренние вражды»⁴.

Указывая на значительную политическую роль боярства в новом государстве, Ключевский характеризовал политический строй этого периода как «царско-боярский». С этой позиции он приходил к выводу об отсутствии объективной основы опричной политики Грозного. Правда, самый факт противоречий между знатью и самодержавием Ключевский отметил: «Бояре возомнили себя властными советниками государя всея Руси в то время, когда этот государь, оставаясь верным воззрению удельного вотчинника, согласно с древнерусским правом пожаловал их, как дворовых слуг своих, в звание государственных... Обе стороны не могли ни ужиться одна с другой, ни обойтись друг без друга». Благодаря личным особенностям Грозного «вопрос о госу-

¹ Ключевский В. О. Соч., т. 2, с. 143.

² Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Пг., 1919, с. 520.

³ Ключевский В. О. Соч., т. 8, с. 110.

⁴ Ключевский В. О. Соч., т. 2, с. 396.

дарственном порядке превратился для него в вид личной безопасности, и он, как не в меру испугавшийся человек, закрыв глаза, начал бить направо и налево, не разбирая друзей и врагов». Опричнина предстала у Ключевского лишенной всякого политического смысла. Верный своим взглядам об объективном характере исторического развития, он пришел к выводу, что «жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него, но без него это устроение пошло бы легче и ровнее, чем оно шло при нем и после него: важнейшие политические вопросы были бы решены без потрясений, какие были им подготовлены. Важнее отрицательное значение этого царствования»¹.

Отсюда вышли и события «смутного времени», в основе которых Ключевский усматривает династический конфликт, хотя характеризует вступление разных «классов» населения (в его понимании) в «смуту» «сверху вниз».

С XVII в., по Ключевскому, началась «новая русская история», характеризующаяся резкими противоречиями между развитием экономики и ростом крепостничества; последнее Ключевский считал отрицательным явлением, разъедающим общество и приведшим к острым антагонизмам, в то время как идеалом Ключевского было гармоническое развитие общества, руководимое разумной, осознанной идеей, умственным трудом и нравственным подвигом. Источником же исторического движения в этом столетии Ключевский считал внешнеполитические потребности, приведшие к крайнему перенапряжению народных сил.

Высоко оценивая личность Петра, Ключевский отказался вместе с тем от мысли об особой подготовленности его преобразований, считая их делом в значительной мере стихийным, обусловленным чисто конкретными государственными потребностями. Петр «просто делал то, что подсказывала ему минута, не затрудняя себя предварительными соображениями и отдаленными планами, и все, что он делал, он как будто считал своим текущим, очередным делом... Петр стал преобразователем как-то невзначай, как будто нехотя, по неволе. Война привела его и до конца жизни толкала

¹ Ключевский В. О. Соч., т. 2, с. 181, 186, 196, 198.

к реформам... Обычно война — тормоз реформы, требующей мира. В нашей истории действовало иное соотношение: война с благополучным исходом укрепляла сложившееся положение, наличный порядок, а война с исходом непристойным вызывала общественное недовольство, вынуждавшее у правительства более или менее решительную реформу, которая служила для него своего рода переэкзаменовкой... Но при нем (Петре — А. С.) сказывалось это неестественное соединение взаимно противодействующих сил: война оставалась тормозом реформы, а реформа затягивала войну, вызывая глухое народное противодействие и открытые мятежи...». Несколько ранее Ключевский так характеризовал Петра: «Вся преобразовательная его деятельность направлялась мыслью о необходимости и всемогуществе властного принуждения: он надеялся только силой навязать народу недостающие ему блага и, следовательно, верил в возможность своротить народную жизнь с ее исторического русла и вогнать в новые берега. Поэтому, радея о народе, он до крайности напрягал его труд, тратил людские средства и жизни безрасчетно, без всякой бережливости»¹. Еще раз встречаем мысль о бесполезности противодействия объективно существующему «историческому руслу», равно как и основательное развенчание монархических истолкований истории, как совершавшейся всецело или уж во всяком случае под определяющим влиянием действий мудрых правителей Руси.

Много скепсиса вложил Ключевский в характеристику «европеизации» России в XVIII в., политики Екатерины II, в частности указывая на долгое сохранение средневековых пережитков. Следуя идеалу мирного сотрудничества классов, Ключевский пытался найти в истории XVIII—XIX вв. соответствующую тенденцию в деятельности государственной власти, хотя оставался при этом критиком многих ее действий. Восстание декабристов Ключевский не смог оценить должным образом, для него декабристы — разновидность «лишних людей», порожденных ненужным классом русского общества — дворянством, они были исторической случайностью, последним «дворцовым переворотом»².

¹ Ключевский В. О. Соч., т. 4, с. 206—207, 47.

² Ключевский В. О. Соч., т. 7, с. 420.

Ключевский много сделал для разрушения канонических «государственной школы», не говоря уже о нанесенных ударах, нанесенных им официально-монархическому толкованию русской истории. Труды Ключевского серьезно расширили проблематику исторической науки, значительно обогатили ее методологию при исследовании конкретных взаимосвязей различных факторов исторического развития. Ключевскому принадлежит гораздо более глубокое, нежели у его предшественников и современников в науке, исследовательское решение ряда крупных проблем истории России. И все же яркая научная деятельность Ключевского в конечном счете не соответствовала общественной практике своего времени. В России все более зрело и наливалось новыми социальными силами революционное движение, оно уже вступило в свой высший, пролетарский этап. Россия стала родиной ленинизма, она была накануне социалистической революции. Но Ключевский не смог увидеть действительный ход исторического процесса, выведшего Россию на революционные рубежи. Либерализм политического мышления и позитивистские основы его теоретических воззрений оказались непреодолимыми даже для такого крупного таланта буржуазной историографии, каким был Ключевский.

Умея излагать материал с предельной строгостью, Ключевский предпочитал, однако, близкое к художественному описание-размышление над ходом событий. И в этом не только индивидуальная особенность его таланта, но и отражение самого метода подхода к исторической действительности, как неповторимому стечению факторов и обстоятельств. На практике конкретный анализ вытеснял общую теорию, даже сами ее поиски, привел к плюрализму и вместе с тем к утрате единства в понимании всего хода исторического развития. Отсюда был один шаг к трагическому для крупного ученого непониманию современности. Как ни значительны были успехи в изучении прошлого, целостной картины исторического развития, вплоть до современности, исторического ответа на насущные вопросы общественной практики Ключевский не дал. И в этом отразился развивавшийся идейно-теоретический кризис русской буржуазной историографии на рубеже XIX—XX столетий.

Одним из историков, пользовавшихся в свое время популярностью среди либерально настроенной интеллигенции вследствие критического изображения самодержавия в прошлом, был и Н. И. Костомаров (1817—1885). Уже в молодости он проявил большой интерес к истории народного творчества и быта, прежде всего украинского. Он вошел в Кирилло-Мефодиевское общество, был арестован, но, в отличие от жестоко репрессированного за участие в этом обществе революционера Тараса Шевченко, умеренный либерал Костомаров был лишь сослан в Саратов. Там он познакомился с Н. Г. Чернышевским; знакомство продолжалось после окончания ссылки уже в Петербурге. В начале 60-х годов Костомаров создал журнал «Основа», посвященный литературно-фольклорным изысканиям. Костомаров создал труды, составившие 21 том его «Исторических монографий», а также издал 12 томов документов, участвовал также в работах этнографов и археологов.

Костомаров резко отрицательно относился к современной ему дворянско-буржуазной историографии (хотя заимствовал многое у нее и в принципе не вышел из ее методологических и идейно-политических рамок, основывая лишь новое направление в этой историографии). Один из организаторов Кирилло-Мефодиевского общества, он уже в составленном им вместе с Н. И. Гулаком и В. М. Белозерским¹ «Законе божьем» — программном документе общества — сформулировал основы своего понимания общественной жизни и значения Московского государства в исторических судьбах славянских народов. По мнению Костомарова, основой идеального общественного порядка является христианский демократизм, достичь которого в силах только славянские народы, сохранившие в чистоте христианскую идею, в отличие от католиков, признавших папу пameстником Христа на земле.

Характеризуя философские и политические взгляды созданного Костомаровым и другими членами общества, П. А. Зайончковский отметил, что «в области философии истории Общество стояло на позициях идеализма: бог—

¹ См.: Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество. М., 1959.

демиург истории, христианская религия — *«Ливия»* — сила ее... Социально-политические идеалы Оби включались в стремлении к уничтожению крепостного права, отмене сословных привилегий и созданию единой федеративной демократической республики, роль в которой должна была принадлежать Украине». В «Законе божьем» эти идеи выражены вполне отчетливо: «Московщина состояла из великороссии и была у них великая речь посполитая новгородская, вольная и равная, хотя не без господ, и погиб Новгород за то, что и там завелась господа, и возвысился над всеми Великороссиянами царь московский, а возвысился он, кланяясь татарам, и погиб целовал хану татарскому, бусурману, чтоб помогал ему держать в неключимой неволе христианский народ великоросейский... И обезумел народ великоросейский и впал в идолопоклонство, ибо царя своего называл земным богом, и все, что царь скажет, считал хорошим, так что, когда царь Иван в Новгороде душил и топил по десятку тысяч в день народу, то летописец, рассказывая об этом, называет его Христолюбивым... Украина пристала к Московщине и соединилась с нею как один народ славянский с другим народом славянским нераздельно и несмешно, как некогда соединятся между собою все народы славянские... Но скоро увидела Украина, что она попала в неволю... И Славянщина хотя терпела и терпит неволю, но не сама сотворила неволю, ибо царь и дворянство не славянского духа изобретение, а немецкого и татарского...»¹

В этом — суть исторической концепции Костомарова в ее максимально популярном изложении. Критика Московского государства и крепостничества ведется с религиозно-националистических позиций, здесь нет и тени историзма в оценке сложных исторических явлений, попытки найти определенные исторические закономерности, зато есть открытый возврат к давним концепциям Карамзина о роли монголо-татарского ига в образовании единого Русского государства.

Споря с М. П. Погодиным по поводу начала русской истории, Костомаров доказывал, что история России есть прежде всего борьба вечесового и единодержавного

¹ Зайончковский Н. А. Кирилло-Мефодиевское общество, с. 156, 158 — 159.

начал, причем до образования Московского государства государства вообще не было — князья лишь собирали время от времени дань, «могли быть только воеводы, атаманов разбойничьей шайки, называемой дружиною, и более ничем»¹. По мнению Костомарова, государство явилось искусственно, без всяких внутренних предпосылок, в прямом противоречии с исконными началами народного характера. Татарский разгром погубил вольные порядки, свободные земли стали собственностью князей, ханы возвеличили своего приказчика — московского великого князя, следствием чего стало рабство народа — «в этом-то рабстве Русь нашла свое единство, до которого не додумались в период свободы». Костомаров считал, что московское единодержавие возникло из татарской власти, так как общие главные начала были переданы русским князьям, которые их унаследовали. «Единодержавие зародилось во времена татарского завоевания как неизбежное последствие покорения страны и обращения в собственность завоевателя». Естественно, Костомаров отрицательно оценил присоединение Новгорода к Москве, как и всю деятельность Ивана III, не говоря уже об Иване IV Грозном.

Как ни привлекательна была для прогрессивных людей — современников Костомарова — его резкая критика московских самодержавно-крепостнических порядков, нельзя не отметить явную отсталость методологии Костомарова по сравнению с исторической наукой того времени. Хотя Костомаров в лекции «Об отношении русской истории к географии и этнографии» обрушился и на историков XVIII в., и на Соловьева, и на славянофилов, критика его велась с весьма отсталых философских позиций, воскрешавших шеллингянские идеи.

В основе исторических судеб народов лежит, по Костомарову, их «народный дух». У великоруса он проявляется в созидательном начале, дисциплине, государственности, он крепостной и любит своего барина. А украинец вольнолюбив, привык к самоуправлению, пример тому — казачество, зато государство крепкое создать не может. В этих суждениях проявились зачатки буржуазно-националистической тенденции, неразрывно связанной с тезисами о якобы «бесклассовом» развитии украинской нации. Социальные противоречия у Костомарова

¹ Костомаров Н. Н. Собр. соч., т. I, СПб., 1903, с. 199.

подменялись этническими, национальными противоречиями, а история народа определялась внесисторическими категориями, будто бы предрасположенными в судьбе каждого народа с самой отдаленной древности, еще в период его формирования.

Костомаров был одним из первых, кто уделил специальное внимание народным движениям, а также проявлениям «народоправства» в истории. В монографии «Севернорусские народоправства» Костомаров доказывал, что новгородцы, унаследовав черты южнорусского языка, переняли черты украинской народности и отсюда явился вечевой строй Новгорода, а его уничтожение связано с распадом «новгородской народности». В работах «Смутное время» и «Бунт Стеньки Разина» содержался впервые использованный в исторической литературе богатый фактический материал. Однако общая оценка народных движений у Костомарова выглядит отрицательно. Он считал эти движения проявлением анархического начала, безрезультатными, «блестящими и бесплодными, как метеор», «кровавым знаменем переворота русской земли вверх дном»¹. Отношение Костомарова к народным движениям характеризуется также его стремлением развенчать и дискредитировать руководителей и героев борьбы народа против внутренних и внешних поработителей — Болотникова, Минина, Пожарского, Сушнина. Такая постановка проблемы привела Костомарова теперь уже к положительной оценке московского самодержавия, хотя он и продолжал в своих работах, особенно в написанных им биографиях московских правителей, рисовать картины жестокого произвола и деспотизма, царивших при Иване Грозном и других царях. Костомаров занимался также вопросами истории торговли, выступая в этой области собирателем материала.

Сочинения Костомарова по истории Украины, в частности посвященные казачеству и освободительной борьбе украинского народа в XVII в., носят черты внутренней противоречивости в оценке роли казачества, которое одновременно выступает и как выразитель народных чаяний, и как анархическая, разрушительная сила, неспособная организовать собственную государственность.

¹ Костомаров Н. Н. Собр. соч., т. I, с. 412; т. V. СПб., 1868, с. 67.

Трудам Костомарова свойственна художественно-литературная форма, отказ от строгого изложения фактам, публицистичность. Непоследовательные и внутренние противоречивые, они сыграли двойную роль в развитии историографии: с одной стороны, они познакомили широкий круг читателей с массой исторических материалов, с другой — придали им совершенно произвольную интерпретацию. Еще существеннее то, что Костомаров стоит у истоков националистических взглядов на историю Украины — при всей его либеральной оппозиции царизму. К демократическому направлению в историографии Костомарова отнести нельзя, несмотря на его труды, посвященные народным движениям, истории народного быта и народного творчества.

Одним из наиболее ярких проявлений демократического направления в русской историографии второй половины XIX в. была деятельность А. П. Шапова (1831—1876). Выходец из семьи сельского дьячка в Иркутской губернии (мать Шапова была бурятка), он прошел нелегкую жизненную дорогу. После обычных для егословия бursы и семинарии Шапов попал в Казанскую духовную академию, которую он окончил в 1856 г. — как раз в то время, когда после невероятно тяжелых николаевских лет в стране быстро назревали громадные перемены, росло общественное возбуждение, складывались предпосылки революционной ситуации. Теснее, чем кто-либо другой из ученых-историков, связанный всей своей жизнью с судьбами народа, Шапов искал такой предмет для изучения, который позволил бы ему показать народ в истории. В условиях духовной академии это нелегко было сделать, и все-таки предмет изучения был найден — раскол в русской церкви в XVII в., ставший массовым народным движением. Диссертация Шапова называлась «Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и первой половине XVIII в.». Хотя молодой ученый трактовал раскол в духе обязательной для духовной академии клерикальной концепции — как отклонение от единственно правильного пути православной церкви, он все же первым связал его происхождение с положением народных масс, указав на народные бедствия как причину раскола. Это

было новое и принципиально важное слово в изучении проблемы, и слово это звучало потому, что у Шапова уже сформировалась центральная идея его научного мышления, состоявшая в том, что историю можно понять только как историю народа, и именно последняя должна быть предметом изучения.

Воззрения молодого историка сразу привлекли внимание революционной демократии, обратившей внимание не только на сильные, но и на слабые стороны работы Шапова, опубликованной в 1858 г. Н. А. Добролюбов, разобрав ее, осудил автора за идеализацию роли православной церкви. В том же году Шапов написал брошюру, где доказывал, что церковь всегда боролась против рабства и крепостничества. Эту брошюру критиковал М. А. Антонович, писавший разбор ее по совету и с помощью Добролюбова¹.

Шапов быстро воспринимал идеи революционных демократов, хотя и не обладал глубиной их теоретического мышления. В 1860 г. он опубликовал новый вариант своей работы под названием «Земство и раскол». И здесь уже дал более острую характеристику раскола, как следствия того, что народ почувствовал «скорбь и тяготу от тягла государевой казны, от злоупотребления государевых чиновников, писцов и дозорщиков, от насилия бояр» и появилась эта «могучая страшная общинная оппозиция податного земства, массы народной против всего государственного строя — податного и земского»². Реакционеры уловили революционный дух рассуждений Шапова. Небезызвестный Муравьев-«вешатель», противник освобождения крестьян, бывший тогда министром государственных имуществ, писал по поводу книги Шапова: «Это настоящий коммунизм с беспрестанными выходками против бояр и чиновников, требующий уравнивания во всем. Раскол выбран орудием, или, лучше сказать, рычагом, чтобы все поднять для какой-либо новой Пугачевщины»³. Но в отличие от руководителей пугачевского движения, Шапов выступал с гораздо более осознанной программой, основанной на новом осмыслении исторического прошлого России, новом про-

¹ См.: *Кружков В.* Предисловие. — В кн.: *Антонович М. А.* Избранные философские сочинения. М., 1945, с. 5.

² *Шапов А. П.* Соч., т. I. СПб., 1906, с. 452, 456, 460.

³ *Шапов А. П.* Соч., т. III, с. LVIII.

чтении ее истории глазами крестьянского мыслителя и историка.

В ноябре 1860 г. Шапов, преподававший до 1859 в Казанской духовной академии, начал преподавание в Казанском университете. Во вводной лекции он заявил: «Главный фактор в истории есть сам народ... сущность и содержание истории есть жизнь народная», «не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и общности я вступаю на университетскую кафедру русской истории»¹. Основная идея Шапова заключалась в том, что «русская история в самой основе своей есть по преимуществу история областных масс народа... Только в русской истории вы встретите своеобразное, территориальное и этнографическое самобразование областей»². Затем эти «области» объединились для борьбы с интервентами в начале XVII в. а впоследствии — для борьбы с враждебной народу правительственной централизацией.

Так стала формироваться концепция «областничества», резко направленная против абсолютистского государства и сыгравшая определенную роль в борьбе с крепостничеством и самодержавием. Идея «областничества» у Шапова и его последователей разрабатывалась более всего на сибирском материале и имела политической целью автономию Сибири. Однако в дальнейшем, в условиях развития рабочего и крестьянского революционного движения, идея «областничества» приобрела отчетливое контрреволюционное содержание и стала служить классово-политическим интересам сибирской буржуазии. Но объективное содержание раннего «областничества» было иным.

Историческое мировоззрение Шапова самым непосредственным образом сливалось с его политическим мышлением. 16 апреля 1861 г. он принял активное участие в одном из крупных политических событий периода революционной ситуации, выступив с речью на панихиде по жертвам расстрела в с. Бездне³. Шапов с вводу-

¹ Шапов А. П. Соч., т. III, с. XXXI—XXXII.

² Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXXIII, вып. 2, 3. Казань, 1926, с. 13.

³ Речь идет о расстреле крестьян в Казанской губернии, отказавшихся признать грабительскую «крестьянскую реформу», что вызвало волну возмущения в стране.

шевлением оценил народную «инициативу политических движений» и провозгласил: «Да здравствует демократическая конституция!»¹. Вскоре он отправился в Петербург, чтобы быть в центре нарастающего освободительного движения, но по дороге был арестован. Из тюрьмы Шапов послал письмо Александру II с программой преобразований, разделяя типичные крестьянские надежды на «справедливого» царя. Шапова выпустили из тюрьмы и направили на службу в министерство внутренних дел, чтобы иметь возможность постоянно держать под контролем деятельность опасного революционера. В начале 60-х годов, в период подъема революционно-освободительного движения, Шапов находился в непосредственном общении с Чернышевским и испытал сильное влияние со стороны Д. И. Писарева. К этому времени относится наивысший подъем революционно-демократических устремлений Шапова, хотя и тогда ему все же не удалось подняться до высоты теоретического мышления Чернышевского и Добролюбова.

Политическая программа Шапова в этот период отчетливо видна в его письме П. П. Вяземскому: «Масса народа, самая жизненная, отрицает царя со всеми его централизационно-бюрократическими учреждениями, отрицает вельможество, княжество со всем его помещичьеством», поэтому царь, если он «не хочет страшного суда народного — ужаснейшей в свете предстоящей русской революции», должен, «предоставив областным советам и союзному федеративному земскому собору, создать русское земское общинно-демократическое народосвятие» сам «отречься от самодержавия». В свою очередь, народ на Земском соборе должен отречься от императора, предоставить автономию Польше, Украине, Великодержавии, Сибири и другим окраинам, разработать конституцию². В том же году Шапов обратился к теме Земских соборов, напечатав работу «Земские соборы в XVII столетии». В Земских соборах Шапов увидел свойственный русскому народу «мировой дух», «народосоветие», корнем которых является «могучий крестьянский мир», «сельская община», созданные самим вольным народом и противостоящие византийско-московской и пет-

¹ «Красный архив», 1923, т. IV, с. 409.

² См.: Нечкина М. В. А. П. Шапов в годы революционной ситуации. — «Литературное наследство», т. 67. М., 1959, с. 661—662.

ровской централизации. Идеал Шапова — **внеклассовая**, основанная на принципах крестьянского мира, **федеративная** Россия, составленная из самоуправляющихся и «земсковечевых» областей.

Понятно, что это была социальная утопия, оказавшая огромное влияние на понимание Шаповым русской истории. Здесь оказались эклектически, но по-своему закономерно смешаны идеализация крестьянского «мира» и отсутствие исторического реализма в понимании действительной роли Земских соборов, служивших на определенном этапе орудием укрепления власти господствующих классов, ненависть к самодержавию и непонимание исторического значения государственного объединения страны, попытка выдвинуть на первый план роль народа в истории и наряду с этим откровенно идеалистический подход к оценке факторов, определявших судьбу народных масс в истории.

Выступления Шапова серьезно пугали правительство, с трудом справлявшееся с революционной ситуацией. Когда были раскрыты связи Шапова с герценовским «Колоколом», он был выслан на родину, а позднее переведен в Иркутск, где в тяжелой нужде и болезнях прошел последние годы его жизни.

Неуспешность революционного натиска начала 60-х годов оказала свое влияние на мировоззрение Шапова. К этому времени он глубоко проникся идеями Д. И. Писарева о решающей роли естественнонаучного знания в социальных преобразованиях и в порыве критического отношения ко всему сделанному им в 1864 г. заявил о том, что земско-областническая теория — это «идея-фикс», разновидность все той же историко-юридической школы. Единственная прочная основа социального знания, по мнению Шапова, — это «естественнонаучная, антропологическая»¹. Шапов написал в Сибири несколько работ — «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа», «Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа», «Физическое и антропологическое мировоззрения и социальное развитие русского народа». Общая схема русской истории у Шапова выглядела примерно так: с самого начала ее определяли природные условия, порождая соответствующую психофизическую

¹ Шапов А. П. Соч., т. II, с. 158.

организацию людей. «Первый толчок к географическому распространению и устройству земледельческих поселений дали не столько умственные понятия и расчеты, сколько естественные, желудочные потребности и побуждения»¹, а «сама природа русской земли, дикая, невозделанная, суровая по климату, скупая на произведения, естественно, научала русский народ организовывать естественно-рабочие общины и артели, чтобы сообща, совокупными коллективными силами побороть и покорять дикую и суровую природу»². Щапов приходил к мысли, что «преобладание пространства над числом народонаселения» обусловило легкость передвижений, в то же время перевес лесов над полями привел к появлению частной земледельческой колонизации, вотчин и крепостного права, потому что малочисленные общины не могли справиться с лесом и вынуждены были идти работать на чужие поля в этих лесных землях. С завершением «починочной вырубki лесов и основоположительной архитектурной постройки земледельческих сел и деревень» «богатырскому землестроительному крестьянству за его вековую страдательную работу воздано было крепостным правом, и грустно увековечилась пословица: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»³. Это была новая грань в анализе громадной исторической проблемы — происхождения крепостного права на Руси. Щапов верно уловил насильственный характер установления крепостничества со стороны господствующих классов, с одной стороны, связав в то же время происхождение крепостного права со специфическими природно-географическими условиями и неизбежностью обращения «новоприходцев» за помощью — с другой. Само же крепостное право Щапов оценивал крайне отрицательно, как «черную, градобойную тучу», подавившую множество умственных сил народа и деморализовавшую его, искажившую его нравственную природу. В резуль-

¹ Щапов А. П. Соч., т. II, с. 190.

² Щапов А. П. Соч., т. III, с. 382.

³ Щапов А. П. Соч., т. II, с. 241. «Не имея решительно никакой возможности справиться с лесом для того, чтобы, распахавши пашню, добывать свой хлеб насущный и обстроиться своим двором, бедняки волей-неволей должны были садиться на чужой земле, подражаться во крестьяне к богатым собственникам землевладельцам для того, чтобы иметь готовый двор, рабочий скот или даже денежную подмогу или ссуду».

тате в допетровскую эпоху «у нас не было мыслящего класса»¹, «развивалась под воздействием природных условий мускульная, физическая, а не духовная сила народа». Во главе просвещения стояла церковь... Петр был, как писал еще раньше Щапов, «великий строитель государственного порядка России»², при нем инициатива перешла от церкви к государству, но первая половина XVIII в. была тяжелой годиною для народа, замученного податями, взяточничеством, иностранцами-тиранами, а в целом XVIII век стал временем утверждения крепостничества. Скоро, однако, придет третий период в умственном развитии русского народа, когда во главе его встанет он сам, а не церковь и государство.

Щапов был одним из первых русских историков второй половины XIX в., кто с таким сочувствием писал о движениях Разина и Пугачева, он даже мечтал о том, чтобы слились два потока в антиправительственном движении и Пугачев подал бы руку Муравьеву или Пестелю³. Но вместе с тем особенно в последние годы своей деятельности он все больше надежд связывал с распространением просвещения среди «крестьянских парней». Он глубоко верил в будущее русского народа: «В тот день, когда мы скажем восточным народам: будьте братья наши, пойдемте с вами в общечеловеческое просвещенное братство, в тот день Восток заключит ожидаемый Европой завет с Западом, и Европа признает Россию за великий народ, благодарно выполнивший свою великую историческую задачу на перекрестном пути, где соединяется Восток с Западом»⁴.

Характерно, что, когда Щапов был вновь арестован в начале 70-х годов по делу сибирских «областников» — Потанина и Ядринцева, замышлявших отделение Сибири от России, он уже настолько далеко ушел от собственных ооластнических воззрений, что категорически отверг предъявленное ему обвинение: «...не писал таких глупых прокламаций и не способен писать их», план «сибирского государства» «совершенно несообразен с современным состоянием Сибири и нелеп». Дело тут не в желании выбраться из заключения — статья Щапова

¹ Щапов А. П. Соч., т. III, с. 125.

² Щапов А. П. Соч., т. I, с. 415.

³ Щапов А. П. Незданные сочинения. Иркутск, 1937, с. 84.

⁴ Щапов А. П. Соч., доп. том, с. 19.

«О развитии высших человеческих чувств» (1872) содержала резкое осуждение «эгоистически-приобретательских буржуазных наклонностей» сибирского общества. С буржуазными идеологами крестьянскому историку Шапову было, конечно, не по пути. Но и знакомство с «Капиталом» Маркса, который Шапов основательно изучал в Сибири, не привело его к усвоению историко-материалистической теории.

Конечно, элементы материалистического миропонимания у Шапова есть, но это материализм вульгарного толка. В конечном счете и Шапов понимал содержание истории как процесс умственного развития общества. Главное же, однако, заключается в том, что в лице Шапова в историческую науку вступил крестьянин-демократ, преисполненный горячей любви к народу и ненавистью к крепостничеству и деспотизму, историк, который впервые с такой силой обратил внимание на судьбы народа в истории России. Шапов занимался по существу одной темой — историей крестьянства XVII—XVIII столетий, всю широту и сложность исторических взаимосвязей процессов он не охватывал, потому что его теоретические основы были довольно эклектичны и противоречивы. Восприняв революционную страсть у вождей революционной демократии, Шапов, однако, не смог приблизиться к тем теоретическим позициям, которые они разрабатывали. Историческая ограниченность его мировоззрения вполне объяснима временем, когда он жил и работал.

Демократическое направление в русской историографии 60—70-х годов XIX в. было представлено также в ряде трудов публицистов и историков — Г. З. Елисеева, Н. В. Шелгунова, И. А. Худякова, И. Г. Прыжова, С. С. Шашкова, Н. Я. Арстова и др¹. Для них, как и для Шапова, характерно глубокое внимание к историческим судьбам народных масс, горячее сочувствие к их положению, серьезные раздумья над общим ходом исторического развития России. Характерной особенностью представителей этого направления было их стремление изложить историю в популярной форме, поставив историю на службу просвещения народных масс. В этом отношении показательна, например, серия работ

¹ См.: Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. Л., 1971.

Худякова — «Краткая русская история», «Русь» и др. Прыжов, как и Шапов, также разрабатывал тезис о необходимости сближения исторической науки с естественными науками. Он наметил план создания истории народной жизни. Но постоянные преследования Прыжова — видного революционера — помешали осуществить этот план. Удалось опубликовать лишь книгу «Нищие на святой Руси» и «Историю кабаков в России в связи с историей русского народа». В этих работах ярко показывалась антинародная деятельность самодержавного государства, его антинациональный характер.

Ярко выраженную антикрепостническую и антисамодержавную направленность имели работы Шашкова. Особое место в его трудах заняла история Сибири, народной ее колонизации. Тем самым в историческую литературу входила новая проблематика, выраставшая из пристального внимания к истории народных масс. Таким же интересом к истории народа отмечены работы Аристова. Примечательной особенностью его трудов явилось большое внимание к экономической истории России. Ему принадлежит специальное исследование «Промышленность древней Руси» — одно из первых, посвященных этой теме. Для историков демократического направления характерна постоянная критическая направленность против дворянско-буржуазной историографии своего времени.

Особое место в развитии исторической науки занимают работы историков народнического направления. Теоретические основы этого направления были разработаны в «Исторических письмах П. Л. Лаврова (1823—1870)» и в «Что такое прогресс» Н. К. Михайловского (1842—1904), появившихся в 1870 г. Взгляды, изложенные в них, имели субъективистски-идеалистический характер. Противопоставляя природу и общество, народнические теоретики полагали, что история представляет собой совокупность индивидуально-своеобразных явлений и не имеет поэтому объективного критерия. Нравственный принцип оценки исторических явлений приобретал в концепции народников ведущее значение. В труде «Задачи понимания истории» Лавров оценивал историю как процесс, «совершающийся в коллективностях личностей», принимая личность как выразителя интере-

сов всего общества, осознающего эти интересы и могущего научно определить цель и пути движения грессу¹.

Михайловский также настаивал на несомненности сугубо нравственного критерия в социологии, разработал тезис о «героях и толпе» в истории. От того, в какую сторону ведут «толпу» «герои», зависит общий ход истории. Прогресс, по Михайловскому, заключался в развитии личности, индивидуальности; с этой точки зрения успехи науки и производства оценивались как сужающие первоначальную полноту и целостность личности.

Революционные народники 70-х годов находились под большим впечатлением этих работ, когда в своих публицистических произведениях оценивали события и этапы русской истории. Их очень интересовали крупные народные движения в Западной Европе и России, история буржуазных революций. В их представлении крестьянство было основной революционной силой XVI—VIII вв., столь же решительно они отрицали какую-либо революционную роль буржуазии. Разин и Пугачев были любимыми героями народников в русской истории. Роль государственной власти на всех этапах народниками отвергалась, само это государство казалось им искусственно созданным. Лавров отрицательно оценивал создание Московского государства и присоединение Новгорода, равно как и преобразования Петра I. М. А. Бакунин считал не менее отрицательным воссоединение Украины с Россией, Михайловский («Иван Грозный в русской исторической литературе») развенчал правление Грозного и отвергал какую-либо прогрессивную роль государственного объединения страны. П. Н. Ткачев считал Российское государство вообще лишённым внутренней основы, что вызвало резкую отповедь Ф. Энгельса: «И когда... г-н Ткачев уверяет нас, что русское государство «не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов какого-либо сословия», что оно «висит в воздухе», то нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г-н Ткачев висит в воздухе»². Так как на-

¹ См.: Богатов В. В. Философия П. Л. Лаврова. М., 1972, с. 111.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 540.

родники не признавали ни классового характера общества, ни социально-экономической обусловленности его развития, они приходили к глубоко антиисторическим, ошибочным оценкам многих явлений, несмотря на субъективно искреннее стремление способствовать развенчанию самодержавного государства, деспотизма и всех проявлений крепостничества, утверждению гуманных, нравственных идей, свободы личности.

Вместе с тем исторические работы народников 70-х годов имеют немалую ценность. Лавров написал специальное исследование, посвященное Парижской Коммуне 1871 г., а также ряд произведений, посвященных истории революционного движения в России — движению под предводительством Е. И. Пугачева, А. И. Герцену, истории революционной и социалистической идеологии; кроме того, ему принадлежат труды по вопросам истории первобытного общества и средних веков. М. Веников в четырехтомных «Исторических очерках России», изданных за границей, с резко антисамодержавных позиций рассмотрел историю России в XIX в., внутреннюю и внешнюю политику самодержавия, состояние военных сил, финансов, дал картину крепостнического характера «крестьянской реформы» 1861 г. В. В. Берви-Флеровский выступил с работой «Положение рабочего класса в России» (1869). Берви показал картину тяжелейшего положения рабочих, но подошел к ее оценке с позиций народнической теории, видевшей выход в развитии общинных отношений как основы социализма. В письме к членам комитета русской секции I Интернационала в Женеве 24 марта 1870 г. К. Маркс писал о труде Берви-Флеровского: «Достоинство его не пострадает, если я скажу, что оно в некоторых местах не вполне удовлетворяет критике с точки зрения чисто теоретической.

Это — труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и прежде всего человека, возмущенного против гнета во всех его видах»¹. Берви-Флеровский был также автором «Азбуки социальных наук», в которой пытался дать теоретический взгляд на общий ход истории как на развитие «цивилизации», при этом опять-таки

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1947, с. 29.

решающую роль в прогрессе он отводит русской общине.

Среди либеральных народников было немало профессиональных историков. Естественно, их главные научные интересы были сосредоточены вокруг русской общины и ее истории. Разработка этих вопросов представляет серьезную научную заслугу народнических историков, хотя подход к решению их был предопределен ложными теоретическими предпосылками. П. А. Соколовский исследовал сельскую общину на Севере России и доказывал ее исконность, собрав огромный материал. По мнению Соколовского, волость — мир — погибла под натиском помещечно-вотчинного землевладения, проникшего туда в результате насилия со стороны государства. С иных позиций подошла к общине А. Я. Ефименко, полагавшая, что община не «исконна», а является продуктом длительного исторического развития. Изучая землевладение в Двинском крае, Ефименко пришла к выводу, что сначала существовала деревня, состоявшая из нескольких семей — «печищ». Впоследствии они дробились на доли (при сохранении общего землевладения). Изучив землевладение также в Южной Руси, Ефименко доказывала, что община образовалась лишь вследствие вмешательства государства с его налогами и подушной податью — для их выплаты и понадобилась община.

Отрицая феодально-крепостнический строй общественных отношений в древней Руси и крайне идеализируя общину, народнические историки стремились обосновать тезис о возможности минования Россией капитализма и прямого перехода к социализму на базе общины.

Эта же идея — о «несвойственности» капитализма России — красной нитью проходила через работы народников, посвященные пореформенной истории России, — В. Воронцова («Судьбы капитализма в России»), Н. Даниэльсона («Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства»), а также Н. А. Карышева, В. Е. Постникова, А. Н. Энгельгарда. Оценивая одну из таких работ, В. И. Ленин писал: «Сочинение г. Постникова носит двойственный характер: с одной стороны, автор искусно собрал и тщательно обработал чрезвычайно ценные земско-статистические данные... С другой стороны, автор, не руководимый теорией, совершенно не сумел

оценить обработанных им данных и взглянул на них с крайне узкой точки зрения»¹. Теоретическая несостоятельность народнических представлений о капитализме вообще и в России в особенности, их несоответствие действительной картине социально-экономического развития пореформенной России были глубоко раскрыты В. И. Лениным во многих работах 90- и 900-х годов, в том числе в таких крупных, как «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Развитие капитализма в России». В. И. Ленин показал глубокий утопизм взглядов народников, отмечая ценность собранного ими материала и их совершенную ошибочность в вопросах теории. Объективно народники выражали мелкобуржуазную романтическую трактовку истории, что привело к искажению исторического процесса в их трудах.

Самым значительным из историков народнического направления был В. И. Семевский (1848—1916), являвшийся автором крупных, основанных на огромном архивном материале трудов — «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX вв.», «Рабочие на сибирских золотых приисках», «Политические и общественные идеи декабристов», цикла работ по истории кружка петрашевцев и др. Отчетливо видна проблематика работ историка народнического направления — история крестьянства (история рабочих на золотых приисках есть в сущности у Семевского история крепостной рабочей силы), история освободительного движения, воплощаемая в истории идей. Работы Семевского поражают громадностью тщательно собранных источников, они рисуют тяжелую картину положения крестьян в XVIII в. Правительство не случайно преследовало Семевского, не давая ему профессорской кафедры в университетах: слишком убедительно развенчивали труды ученого «золотой век» Екатерины II, показывали ужасающие виды крепостного произвола.

Но проникнутые горячим сочувствием к положению крестьян, объективно рисуящие их жизнь и быт, работы Семевского отличаются поверхностным объяснением изображаемого им. Разница в положении крестьян объ-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 75.

ясняется их принадлежностью к разным разрядам, а главное, степени крепости общинных порядков. Вопрос о положении народных масс оказывается связанным не с общественно-экономическим строем, а со степенью просвещенности помещиков и государственных деятелей, зависит от развития освободительной идеи. И вот в «крестьянском вопросе» оказываются выстроенными в один ряд все, кто с какой-либо стороны и безотносительно к характеру и целям своих действий занимался вопросом об освобождении крестьян: цари Александр и Николай, Сперанский и Киселев, декабристы и петрашевцы. Конечно, картина деятельности «секретных комитетов» дает превосходный материал для анализа кризиса внутренней политики самодержавия в первой половине XIX в., но этого анализа Семевский не производит, следя лишь за развитием самой идеи освобождения и ее нюансами.

Понятно, почему Семевский-народник, противник самодержавия, оказывается согласным с теорией «закрепощения и раскрепощения сословий» и вообще во многом следует за государственно-юридической школой буржуазно-либеральной историографии. Связь освободительных идей с крестьянским движением, как и вообще социально-экономическая основа политических и идеологических явлений, осталась для Семевского непознанной вследствие его народнических убеждений.

Говоря о марксистской теории познания общественных явлений, В. И. Ленин писал: «Попробуйте сравнить с требованиями этой теории нашу народническую литературу, исходящую тоже ведь из желания быть идеологом трудящегося, литературу, посвященную истории и современному состоянию наших экономических порядков вообще и крестьянства в частности, — и вы поражены будете, как могли социалисты удовлетворяться подобной теорией, которая ограничивалась изучением и описанием бедствий и моралью по поводу этих бедствий. Крепостное право изображается не как определенная форма хозяйственной организации, порождавшей такую-то эксплуатацию, такие-то антагонистические классы, такие-то политические, юридические и др. порядки, — а просто как злоупотребления помещиков и несправедливость по отношению к крестьянам. Крестьянская реформа изображается не как столкновение определенных хозяйственных форм и определенных эко-

номических классов, а как мероприятие начальства, «выбравшего» по ошибке «неверный путь», несмотря на самые благие намерения. Пореформенная Россия изображается как отклонение от истинного пути, сопровождающееся бедствиями трудящегося, а не как известная система антагонистических производственных отношений, имеющая такое-то развитие»¹.

В этих словах — глубокая, проникательная оценка теоретических и концептуальных позиций всей народнической историографии, внесшей свой вклад в науку извлечением громадных масс новых исторических материалов и утверждением в ней темы истории крестьянства как предмета специального научного исследования.

ЛЕКЦИЯ 13

Идейно-политический кризис дворянской буржуазно-либеральной историографии в период империализма

Вступление России в эпоху империализма ознаменовалось, как известно, резким обострением классовых противоречий. На арену общественной борьбы выступил пролетариат, ведомый созданной В. И. Лениным революционной социал-демократией — партией коммунистов, партией нового типа. Либеральная буржуазия, домогавшаяся уступок от самодержавия, резко повернула вправо, превращаясь в контрреволюционную силу, глубоко враждебную революционной борьбе трудящихся масс пролетариата и крестьянства. Крепостники-помещики — главная опора самодержавия — всеми силами старались предотвратить падение монархического строя в стране. Ход борьбы обуславливал разные политические комбинации между господствующими классами буржуазно-помещичьей России и разными слоями этих классов, но сущность их была одна — антиреволюционная.

Эти острые, многоплановые, сложные политические коллизии в развитии страны в первые десятилетия XX в. находили отражение в идеологической борьбе; в хоре ее представители борющихся классов и партий обраща-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 342.

лись к материалам истории. В. И. Ленин, разрабатывая программу революционной социал-демократии, обратился к материалам русской истории¹. В трудах В. И. Ленина уже в 90-х годах XIX в. сложились основы марксистской концепции русской истории.

С конца XIX столетия резче стали обозначаться черты идейно-методологического кризиса буржуазно-дворянской историографии. Причины и характер этого кризиса обстоятельно разработаны в исторической литературе². В предисловии к III тому «Очерков истории исторической науки в СССР» говорится: «Существо кризиса господствовавшей буржуазно-дворянской исторической науки состояло в том, что наука эта оказалась оторванной от реальной исторической жизни своего времени, генезис которой она была призвана объяснить, бессильной в познании действительности, в понимании ведущих исторических явлений как всемирно-исторического процесса, так и непосредственно исторического развития».

Кризис буржуазно-дворянской историографии «обнаруживался в разнообразных формах, являясь сложным и многообразным процессом. Его никак нельзя понимать как прямолинейное движение всех буржуазных историков «назад» и рисовать одной краской. Кризис — сложный процесс научного развития (именно развития, а не прекращения движения), идейный перелом, отмеченный усиленной работой буржуазных историков, активными поисками выхода из идеалистического тупика, идейной дифференциацией историков, из которых часть скатывается на реакционные позиции и идет назад, часть мечется в поисках других решений. Наиболее же передовая часть ученых под влиянием идейных побед марксизма тянется к историко-материалистическим решениям, движется — иногда впотьмах и ощупью — к материалистическому пониманию истории, к марксизму, к историко-материалистической методологии. В этом напряженном научном движении, насыщенном острой

¹ Подробнее см. лекции 14—15.

² См.: Шапиро А. Л. Русская историография периода империализма. Л., 1962; статьи М. В. Нечкиной и Л. В. Черепнина в III томе «Очерков истории исторической науки в СССР».

идейной борьбой, встречается немало конкретных исторической науки, правильных частных решений отдельных вопросов или приближений к ним¹. Эта насыщенная характеристика верно, на наш взгляд, раскрывает непростую, неоднолинейную картину буржуазной историографии начала XX в.

Одним из проявлений материалистических тенденций было расширение социально-экономической проблематики, которая заняла видное место в работах историков во второй половине XIX в. Теперь занятия экономической и социальной историей еще более развились, но при этом можно отметить преимущественную концентрацию научного анализа на выявлении отдельных, частных вопросов социально-экономической истории.

В этой связи необходимо отметить усиленную разработку писцовых книг и актового материала, их публикации и приемов обработки. Большинство этих источников относилось ко времени XVI—XVII вв.

Наряду с углубленным изучением проблем социально-экономического развития значительное развитие получила разработка вопросов истории государства и особенно истории права, представленная трудами последователей «юридической школы».

Активизация исследований в области источниковедения в начале XX в. в разных аспектах отражала определенное поступательное движение научного познания, внося позитивный вклад в методику работы над источниками. Принципиально важно, однако, что уход многих ученых исключительно в специальные источниковедческие проблемы, углубленная источниковедческая работа значительно опережали разработку общих концептуальных проблем, что было естественным проявлением развивавшегося кризиса идейно-теоретических основ буржуазной историографии. Появление многочисленных работ по методологии истории в начале XX в. (А. С. Лаппо-Данилевский, Вен. М. Хвостов, Н. Н. Кареев, и др.) отразило напряженные поиски выхода из обозначившегося теоретического «тупика», стремление что-либо противопоставить марксизму с его учением о формациях. Отчетливым рубежом в развитии кризиса буржуазной методологии исторического познания явилось пораже-

¹ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III. М., 1963. с. 6—7.

ние революции 1905—1907 гг. Все чаще звучал мотив якобы принципиальной невозможности познания прошлого, неполноты и недостоверности колоссальных источников. «Отчаяние в возможности научно рещее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить лес — деревьями, вот классовый смысл... модного буржуазного скептицизма, ...мертвой и мертвящей схоластики»¹, — писал В. И. Ленин о буржуазной общественной науке начала XX в.

Дворянско-монархическое направление в русской исторической науке давно уже переживало кризис своей методологии, стремление к выходу из которого воплощалось в усвоении некоторых методологических элементов буржуазно-либеральной историографии. Об Иловайском в этой связи мы уже говорили.

Более сложна концепция крупного ученого, принадлежавшего в целом к монархическому направлению, — С. Ф. Платонова (1860—1933). В его «Лекциях по русской истории» история России предстает как процесс постепенного развития самодержавной государственности, имеющей внутреннюю основу. Опора власти московских правителей — их авторитет в глазах народа, перед которым эти правители представляли как воплощение силы, единства и независимости государства. Платонов писал, что московская власть «была независима от каких бы то ни было частных авторитетов и сил в стране»².

Так идея либералов-«государственников» о независимой государственной власти, организующей общественный строй в интересах общества в целом, приобрела в данной интерпретации откровенный монархический характер. У «государственников» народ находил свое «высшее воплощение» в государстве, у Платонова государство уже не тождественно народу, оно лишь опирается на народное сознание и более того — опять-таки сводится практически к власти самодержца.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 44.

² Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1915, с. 156.

В самом крупном своем исследовании, посвященном событиям начала XVII в.¹, Платонов разворачивает эту мысль в тщательно отделанную концепцию, согласно которой первопричиной социальных потрясений, поставивших, в свою очередь, страну на грань гибели, под угрозу потери национальной независимости, явилось пресечение царской династии в конце XVI в. В основе этого взгляда лежит, в сущности, та же идея, которая была высказана еще русскими книжниками XVII в. — авторами «Повестей» о событиях начала века, которые Платонов тщательно изучил и издал. Не случайно эти идеи оказались так глубоко восприняты Платоновым — весь склад его монархических убеждений соответствовал именно таким представлениям.

Но Платонов не просто эпигон монархической историографии прошлых времен. Он значительно расширил методологическую основу изучения истории самодержавного государства за счет использования достижений либерально-буржуазного направления. В работе Платонова тщательно исследованы географические, демографические, экономические, социальные факторы и условия, в которых разворачивались события «смуты». Платонову удалось увидеть многие внутренние причинно-следственные связи между событиями и явлениями сложно переплетавшихся династических, социальных и международных конфликтов. Богатство фактического материала и ценность многих конкретных наблюдений сохранили свое значение (недаром книга была переиздана в советское время), однако общая концептуальная направленность его исследования позволяет говорить о слиянии в труде Платонова правого крыла либеральной (по методам) историографии с дворянско-монархической историографией — явление очень характерное для конца XIX и особенно начала XX в.

В буржуазной историографии начала XX в. своеобразное место занимают труды А. Е. Преснякова (1870 — 1929).

Характерно предисловие к его монографии «Образование Великорусского государства». «Ее задача, — писал автор, — восстановить по возможности права источника и факта в предисловии об одном из важнейших яв-

¹ См.: Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937 (переиздание).

лений русской истории — образования Великорусского государства». И далее, что «ранняя история северо-восточной Руси стала в нашей историографии жертвой теоретического подхода к материалу, который обратил данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, не из них выведенной схемы»¹.

В резко отрицательном отношении к «теоретическому подходу» к материалу и в этой связи по сути отрицательной оценке всей предшествующей историографии сказалось и проявилось кризисное состояние методологии буржуазной исторической науки.

Декларация Преснякова о «восстановлении в правах источника и факта» есть не что иное, как провозглашение чисто позитивистского подхода к материалу.

Анализируя ход политической борьбы в первой половине XIV в. Пресняков формулирует главную мысль своего исследования, свою «схему»: «Не землю собирали московские князья, а власть; не территорию своей московской вотчины расширяли, а строили великое княжение, постепенно и упорно превращая его в свое «государство».

Опорой объединительной политики, политики восстановления великого княжения Владимирского в его прежней силе стали боярство и церковь.

Решительно возразив «домыслу» о колонизации Северо-Восточной Руси, Пресняков подчеркнул давнее заселение этого края и высокое его экономическое, политическое и культурное развитие в XII в. Вслед за Сергеевичем Пресняков обратил особое внимание на подъем боярства в XII в. повсеместно на Руси, и именно с этим социальным слоем он связывал начало объединительных тенденций. В отличие от «государственников» и юридической школы, которые в ряде случаев не обращали большого внимания на монголо-татарское вторжение и его, Пресняков подчеркнул, что «общие условия так глубоко изменились для всего русского севера после татарского разгрома и утверждения владычества Золотой Орды, что не могло это изменение не повлиять весьма сильно на уклад внутренних и внешних отношений Великороссии, а, стало быть, на деятельность

¹ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918, с. V.

ее правящих сил и положение в великорусской среде»¹.

Общая концепция Преснякова выражена так: «Слияние великого княжества с московской вотчиной в единое Московское государство — вотчину государя великого князя и превращение московской княжеской семьи в «царствующий дом», династию московских государей — с соответствующей перестройкой ее внутренних отношений, — таковы результаты кризиса, пережитого между княжескими отношениями при Василии Темном и Иване III». Таким образом, в итоге после всего отрицания прежних «схем» Пресняков приходит лишь к несколько модернизированной схеме «государственной школы» насчет вотчинного происхождения власти московских государей.

При несомненных достижениях Преснякова в изучении проблемы нельзя не заметить, что его исходная позитивистская позиция привела к тому, что образование Великорусского государства предстает как бы происходящим из самого себя, за счет внутреннего саморазвития государственной идеи и практически в полном отрыве от экономического и социального развития. Не только классов и классовой борьбы, но даже того учета экономических явлений, какой был свойствен Ключевскому, у Преснякова нет, а его суждения относительно роли социальных сил — духовенства и боярства — отчасти повторяют то, что было уже сделано историками-юристами, и являются совершенно лишенными классового содержания.

Видное место в исторической науке конца XIX — начала XX в. заняли труды известного лидера русской империалистической буржуазии П. Н. Милюкова (1859—1943). В. И. Ленин писал о Милюкове как об одном «из наиболее сведущих историков, кой-чему научившимся у исторического материализма, под явным влиянием которого был этот историк... в бытность свою историком»², называл его «признанным вождем либерализма и выдающимся историком»³ с которым произошло «превращение сведущего историка в дюжинного либераль-

¹ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918, с. 48.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 176—177.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 167.

ного сикофанта»¹. Уход многих буржуазных профессо-
нальных историков в активную политическую жизнь, —
явление столь же характерное для кризиса буржуазной
историографии, как и углубление в специальные истори-
коведческие штудии с отказом не только от участия
в политике, но и от историко-концептуальных обобще-
ний вообще.

Для исторической концепции Милюкова было ха-
рактерно стремление обосновать политическую прог-
рессивность русского буржуазного либерализма.

Милюков выступил как приверженец «новой» нау-
ки, пришедшей на смену «государственной школе». Сам
он так рассказывал о настроениях его молодых ученых
сверстников в конце 70 — начале 80-х годов: «Мы иска-
ли «законов» в истории... одна голая история механизма
государственных учреждений уже не удовлетворяла...
Уже поставлен был вопрос об отношении политических
форм к наполнявшему их социальному материалу. А изу-
чение социальной структуры общества уже считалось
невозможным без изучения экономических отношений.
«Экономический материализм» еще представлялся ско-
рее как общая тенденция изучения, чем как готовая,
философско-политическая доктрина,— скорее по То-
ролду Роджерсу, чем по Марксу. Но вопрос взаимоот-
ношений политического и экономического фактора в
истории был поднят. Роль «идей» была заподозрена
вместе с идеалистическим толкованием истории, и за-
нятие ими предоставлено старомодным всемирным...
историкам»².

Неудовлетворенность основанной на гегельянстве ста-
рой схемой исторического процесса, желание ввести эконо-
мический фактор в круг исторических закономерно-
стей и познать эти закономерности в плане социологи-
ческого изучения истории — все это характерно для моло-
дого буржуазного либерала Милюкова. Милюков не слу-
чайно предпочитал Марксу либерального английского
экономиста Роджерса, которого, кстати, сам Маркс,
использовавший богатый фактический материал его тру-
дов, называл «филантропическим экономистом»³. Стрем-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 177.

² Милюков П. Н. В. О. Ключевский. — В кн.: В. О. Ключев-
ский. Характеристики и воспоминания. М., 1912, с. 185, 188—190.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 759.

ление отойти от идеализма у Милюкова было, но в то же время и состоял идейно-теоретический кризис буржуазной исторической науки, что критика идеализма с либеральных позиций не могла привести к замене идеализма материализмом в понимании истории, дело доходило лишь до большего или меньшего учета роли экономического фактора в историческом процессе.

Провозгласив отказ от «нанизывания фактов» «в угоду философскому идеалу», выступив адептом «чистой науки», Милюков оказался одним из самых тенденциозных историков начала XX в., умело подчинившего исторический материал аргументации политических позиций российской буржуазии. А стремление к познанию социологической закономерности обернулось отрицанием самой возможности познать закономерности общественного развития и претензией стать «выше» и материализма и идеализма, претензией, которую В. И. Ленин характеризовал как «смешную и реакционнейшую», как «прислужничество господствующей буржуазии»¹.

В «Очерках по истории русской культуры» Милюков пытался дать «научное или социологическое объяснение истории», в основе которого «должна лежать... идея закономерности исторического процесса», но оговаривался, что «признать историческую закономерность несравненно легче, чем открыть законы истории». Еще не так давно в основу исторического процесса историки полагали развитие духовного начала; в последнее время господствовало противоположное мнение, по которому материальные условия производства определяют все содержание истории. Оба эти взгляда представляются нам одинаково односторонними, и спор о первенстве того или другого элемента... кажется нам тоже не особенно плодотворным². Перед нами — ярко выраженная позитивистская позиция.

«Если бы,— писал Милюков,— все человеческие общества проходили одни и те же ступени развития в одном и том же порядке», то «тогда было бы нетрудно по известным признакам определить, на какой ступени стоит Россия и какие предстоит ей пройти в будущем». Нетрудно заметить, что эта посылка направлена против

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 27.

² Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры, ч. I. Изд. 7-е. Пг., 1918, с. 3, 8.

учения марксизма о закономерности смены общественно-экономических формаций, причем для удобства «опровержения» этого учения Миллюков вульгаризировал его в своем изображении. Миллюков не считал, что России просто свойственна крайняя отсталость по сравнению со странами Западной Европы (хотя он об этом много писал). Если так, то тогда рано или поздно Россия должна пройти те стадии, которые уже пройдены Западной Европой, и тогда настанет очередь буржуазных революций и утверждения нового общественного порядка. Миллюков хотел этого нового, буржуазного порядка, но крайне отрицательно относился к революции. И в подкрепление надежд на безреволюционный переход России к западноевропейскому общественному строю Миллюков разрабатывал концепцию, согласно которой «Россия... пережила моменты развития, пережитые и Европой, но по-своему. Так образование государства есть ступень, одинаково пережитая и Россией и Европой»¹, но происходило при совершенно «различных условиях» и с «разнообразными результатами».

Миллюков, хотя и критиковал тезис «государственной школы» о внутренних закономерностях, «органическом развитии» исторического процесса, был, однако, сторонником и продолжателем идей Кавелина — Чичерина о том, что в истории Западной Европы общественное развитие идет снизу вверх, а в истории России, наоборот — сверху вниз. Пытаясь согласовать эти идеи с «той очень распространенной теорией, что политический строй всякого государства должен быть «надстройкой» над экономическим «фундаментом», Миллюков утверждал, что «именно элементарное состояние экономического «фундамента» вызвало у нас в России гипертрофию государственной «надстройки» и обусловило сильное обратное воздействие этой надстройки на самый «фундамент»².

Отсюда следует вывод о том, что «на Востоке Европы государственная организация сложилась раньше, чем мог ее создать процесс внутреннего экономического развития. Напротив, в Западной Европе государственный строй явился результатом внутреннего процесса. Европейское общество и государство строилось, так сказать,

¹ Миллюков П. П. Очерки по истории русской культуры, с. 139, 33.

² Там же, с. 139.

спизу вверх... У нас же, особенно в северо-восточной Руси, общество строилось сверху вниз... Именно эта неподготовленность и непрочность низших этажей общественной постройки вызвала усиленную деятельность верхней государственной «надстройки» с целью скрепить хотя внешним образом те общественные связи, без которых она сама не могла бы держаться.

Необъяснимое процессом внутреннего развития появление этой верхней государственной надстройки — военно-национального государства — объясняется причинами внешними. Эти причины суть — частью стихийная потребность самозащиты и самосохранения, частью сознательная политика территориальных захватов, руководимых идеей национального объединения¹.

В этом «военно-национальном» государстве произошло, с одной стороны, осознание русского народа как нации, с другой — развилось «самовластие», соответствовавшее потребностям организации военной защиты страны и национальной консолидации. Это второй этап развития всякого народа, после первого, «племенного». Теперь же (т. е. к концу XIX в.) наступил новый этап, когда национальное самосознание должно обратиться внутрь, оно должно заняться организацией своего внутреннего общественного устройства, и поэтому «самовластие», необходимое в период «военно-национального государства», теперь должно уступить место «обществу».

Такова общая схема Милюкова. С одной стороны, он следовал Соловьеву и «государственникам» в вопросе о колонизации, закреплении сословий, «вотчинном периоде» складывания государства и его развитии «сверху вниз», с другой — до предела доводил идею Ключевского о Московском государстве как «военном лагере»; с одной стороны, он воевал с «националистами», отстаивающими версию об исключительном самобытном характере русской истории, с другой — до предела доводил мысль о различии между историей Запада и Востока, говоря уже не о своеобразии русской истории, а, об организации русского общества по восточному образцу.

Либеральный характер его оппозиции по отношению к самодержавию помешал ему увидеть классовый характер последнего, а страх перед растущей револю-

¹ (Речь идет о Московском государстве). Милюков П. П. Очерки по истории русской культуры, с. 148—149.

цией — признать тезис о единстве общих закономерностей исторического развития. В то же время Миллюков отрицательно относился к идее прямой преемственности между Россией XIX в. и Московской Русью: из таких воззрений «даже хотят, по-прежнему, сделать теоретическое оправдание для надвигающейся для нас политической реакции. Тем более необходимо бороться с ними, так как подобные идеи не только совершенно ошибочны, но и в высшей степени вредны». Идеолог империалистической буржуазии, глубоко убежденный в превосходстве Запада над Русью, заявлял, что прошлое связано с настоящим «только как балласт, мешающий идее осуществиться и тянущий нас книзу, хотя с каждым днем все слабее и слабее»¹. В своих работах по истории исторической мысли Миллюков доказывал, что все прогрессивное и передовое в русскую науку и культуру пришло только с Запада.

Крупной исследовательской работой была книга Миллюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого» (1892). В центре внимания — финансовая история начала XVIII в., практически вырванная из общего «контекста» времени. В результате — пессимистический вывод о бесплановости и искусственности преобразований, движущей силой которых были лишь военные потребности. «Ценой разорения Россия была возведена в ранг европейской державы»². Характерно это изменение отношения буржуазно-либеральных историков к Петру к началу XX в.: теперь петровские преобразования казались уже не идеалом, не образцом, а вызывали опасения своей крутостью, теперь даже «революция сверху» казалась неприемлемой — страна вступала в пугавший буржуазных идеологов новый, небывалый еще подъем народного революционного движения.

Эклектическая концепция Миллюкова оказалась безуспешной попыткой синтезировать все то, что было сделано предшествующими, нередко покоившимися на весьма различной методологической основе, школами и направлениями в исторической науке. Это было еще одним

¹ Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры, с. 296—297.

² Миллюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1892, с. 601.

проявлением кризиса буржуазной исторической науки в России эпохи империализма.

Н. П. Павлов-Сильванский (1869—1907) — кадет, политический единомышленник Милюкова уже в 90-х годах XIX в., выдвинул совершенно иную по сравнению с Милюковым концепцию исторического развития России, развернутую затем в вышедших уже после революции 1905—1907 гг. книгах «Феодализм в древней Руси» (1907) и «Феодализм в удельной Руси» (1910) (эта работа была опубликована посмертно).

В противовес мнению Милюкова Павлов-Сильванский утверждал «тождество основных начал строя удельной Руси и феодальной Европы»¹. Он пришел к выводу о том, что раздробление верховной власти, вассальная иерархия, иммунитет, сеньории, малые и большие службы с земли, сословная монархия — все эти явления, хорошо известные в странах феодальной Европы, знала и русская история, а версия «государственников» насчет постоянной колонизации оказывается весьма преувеличенной и разница с Западной Европой в этом отношении не так уже велика. Сам же феодализм Павлов-Сильванский понимал так: «В феодальном порядке, характеризуемом в общих чертах, как режим частного права, при ближайшем рассмотрении выясняются историками две основные черты: 1) разделение страны на множество независимых и полунезависимых владений и 2) объединение этих владений договорными вассальными связями»².

Как видно, под феодализмом Павлов-Сильванский имел в виду не такое понятие, какое было свойственно исторической науке XVIII в., — он особо оговорил, что «взгляд на феодализм как на раздел завоеваний страны между дружинниками-завоевателями, давно оставлен»³. Не был согласен Павлов-Сильванский с западными историками в том, что основной чертой феодализма является условность землевладения — «такое определение феодализма, как прежде всего условного землевладения, дает стройную, но внешнюю поверхностную его харак-

¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, с. 420.

² Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907, с. 77.

³ Там же, с. 414.

теристику, далекую от реальных оснований строя»¹. Вслед за М. М. Ковалевским и Н. И. Кареевым Павлов-Сильванский считал, что «основу феодального порядка» составляет крупное землевладение, «где нет крупного землевладения, там не может быть и феодализма»².

В. А. Муравьев пришел к выводу, что «постановка Павловым-Сильванским проблемы феодализма объективно имела целью своей доказательство не только общих закономерностей исторического прошлого России и Запада, но и обоснование мысли о неизбежности буржуазных реформ в России», а что касается «воздействия марксизма», то Муравьев считает, что «Павлов-Сильванский сам не смог понять содержания этого определения»³, (о значении способа производства).

Павлова-Сильванского при всех его спорах с Милюковым объединяло то, что объединяло всех буржуазных, мелкобуржуазных, официально-монархических историков начала XX в., а именно антиреволюционность; различия в исторических и политических концепциях тем более нарастали, чем более поднималась революция в стране, потому что усиливались поиски выхода из революционной ситуации, следовательно, выработка разных идеологических программ с их историческим обоснованием. В этом тоже проявление кризиса буржуазной историографии.

Хотя позиция Павлова-Сильванского была шагом вперед в буржуазно-либеральной историографии, следует подчеркнуть, что в 90-х годах XIX в. В. И. Ленин, применив к русской истории марксистское учение об общественно-экономических формациях, уже пришел к выводу о том, что в России существовал феодализм. При этом В. И. Ленин дал принципиально, коренным образом отличное от Павлова-Сильванского (и его оппонентов) понимание феодализма как общественно-экономической формации.

Общая концепция русской истории Павлова-Сильванского сформулирована им самим так: «В общем ходе нашего общественного и государственного развития

¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси., с. 79.

² Там же, с. 52—53.

³ Муравьев В. А. Теория феодализма в русской историографии конца XIX — начала XX в. Автореферат канд. дисс. М., 1969, с. 19.

выделяются, как основные переходные эпохи, не время петровской эпохи, а XVI век, век образования московского государства и еще раньше эпоха перехода к удельному порядку, в XII—XIII вв. В этих переходных эпохах, продолжавшихся по несколько десятилетий, так как в социальном развитии центр тяжести очень медленно перемещается с одного учреждения на другое, выделяются два исторических события, знаменательных социологически, в XVI веке — опричнина Ивана Грозного 1565 года, и в XII веке взятие Киева Андреем Боголюбским в 1169 году... Столько же знаменательным с общесоциологической точки зрения событием является... опричнина 1565 года, грандиозная конфискация наследственных княжеских земель, завершившаяся вместе с террором Ивана Грозного постепенный упадок политического значения княжеств и знаменующая торжество нового государственного порядка.

В первом периоде, от доисторической древности до XII в., основным учреждением является община или мир, мирское самоуправление, начиная с низших самоуправляющихся ветвей до высшего самоуправляющегося союза: земли, племен, с полновластным народным собранием, вечем.

Во втором периоде, с XIII до половины XVI века, основное значение имеет крупное землевладение, княжеская и боярская вотчина, или боярщина-сеньория. Мирское самоуправление сохраняется в ослабленном значении; оно живет и под рукою боярина на его земле.

Наконец, в третьем периоде XVI—XVIII и частью XIX вв. основным учреждением является сословное государство. Этот период распадается на две, тесно связанные между собою половины: эпоху московской сословной монархии и петербургского абсолютизма, на основе того же сословного строя.

В течение этих трех периодов последовательно сменяют одно другое в качестве основных, преобладающих над другими элементами, три учреждения: 1) мир, 2) боярщина, 3) государство.

Последний государственный период замыкается переходной эпохой разрушения старого сословного строя и образования нового свободного гражданского порядка. Эта переходная эпоха еще не пережита нами, но в ней ясно выделяется знаменательнейшее событие в нашей новой истории: освобождение крестьян 1861 года,

разрушившее главный устой старого сословного строя и тесно связанного с ним абсолютизма»¹.

Таким образом, Павлов-Сильванский попытался связать экономические, социальные и политические процессы в иной взаимозависимости, нежели Ключевский. Мы имеем дело, несомненно, с материалистической тенденцией, со стремлением увидеть экономику в основании политических процессов. Однако понимание связи между экономикой и социальным строем носит вульгарный характер. На первый план выходит абстрактно-социологическая схема, казавшаяся высшим уровнем научного исторического исследования.

Слабость позиции Павлова-Сильванского — в объясняемой полемичностью недооценке специфики средневековой России, а еще больше — в сведении сложного исторического процесса к очень жесткой социологической схеме. В условиях идейного кризиса буржуазной историографии Павлов-Сильванский искал теоретическую схему, которая могла бы объяснить исторический процесс в плоскости социально-экономических отношений. Но без теории исторического материализма, без учения о формациях получалась лишь абстрактная конструкция, лишенная живой исторической жизни.

Экономическими процессами, протекавшими в средневековой Руси, занимался Н. А. Рожков (1868—1927). Его близость одно время к большевистской партии (в 1905—1911 гг. он был ее членом, а на V съезде РСДРП был даже избран членом ЦК) и субъективное убеждение в приверженности к марксизму не дают, однако, оснований считать его марксистом по методологии исторического исследования. В действительности Рожков придерживался позиций «экономического материализма» и был весьма далек от марксистского учения об общественно-экономических формациях, о чем можно судить по его статье 1906 г., в которой говорилось об основных группах факторов, определяющих ход истории: «Мы не погрешим против истины, если скажем, что таких групп теперь считается пять: естественные факты или явления внешней природы составляют одну группу, экономические явления — другую, третья включает в себе факты социальные, четвертая — политические, на-

¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси, с. 156—158.

конец, к пятой принадлежат психологические явления. Историческая наука должна стремиться к установлению взаимодействия разных групп, а не выдвигать ни одну группу как основную»¹. Как видно, Рожков в своем марксистского монизма провозглашал позитивистский плюрализм.

Позитивистским характером отличался «Обзор русской истории с социологической точки зрения», доведенный до XVI в. и изданный тремя выпусками в 1903—1905 гг. В этой работе Рожков обращал внимание на психологические явления, как определяющие, по его мнению, социологические процессы. Вместе с тем Рожков придавал большое значение экономическим явлениям и процессам в истории, полагая, что все эти факторы в совокупности и создают материалистическое и даже марксистское понимание истории. Однако экономика понималась Рожковым довольно узко — лишь как тип хозяйства, к тому же весьма схематизированный, при абстрагировании от характера экономических, производственных отношений в обществе.

В исследовании «Сельское хозяйство в Московской Руси XVI в.» (1899), основанном на изучении писцовых книг, Рожков сделал основной вывод своей концепции о том, что до середины XVI в. в экономике России господствовало натуральное хозяйство, а со второй половины XVI в. зародилось и к 40-м годам XVII в. утвердилось денежное, меновое хозяйство². Господство натурального хозяйства основывалось на распространении поместной системы землевладения и монастырского землевладения, причем эти явления Рожков уподоблял аналогичным в истории Западной Европы, и в Византии, и в Индии, и в мусульманских государствах и даже в древних цивилизациях Америки.

Отмечая, что «в Московской Руси XV—XVI веков и даже позднее были налицо все элементы, из которых сложился западноевропейский феодализм» (такowymi

¹ Рожков Н. А. Исторические и социологические очерки. Сборник статей, ч. I. М., 1906, с. 175.

² См.: Рожков Н. А. Сельское хозяйство в Московской Руси XVI в. М., 1899, с. 271—290; Рожков Н. А. Происхождение самодержавия в России. М., 1906, с. 40—60; он же. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. и его влияние на социально-политический строй того времени. — В кн.: Из русской истории. Очерки и статьи, т. I. II., 1923, с. 160—182.

Рожков считает **бенефиций, коммendaцию и иммунитет**), Рожков полагал, что в XVI в. произошел «резкий перелом социально-политической жизни», который поставил русские общественные порядки западнейшим, причем «ответы на этот вопрос, **отмечавший** действительную особенность нашего отечества, надо искать в основном историческом условии, непрерывно действовавшем в нашем прошлом и действующем еще теперь — своеобразном отношении населения страны к ее территории: громадные размеры последней при относительно небольшом количестве населения сделали возможным быстрый отлив населения, уход его от хозяйственных неурядиц и разорения»¹.

Так как Рожкову было свойственно представление о непосредственной зависимости политической настройки от состояния производительных сил (оно очень характерно для догматической теории и политической практики меньшевизма, убежденным деятелем которого Рожков стал), то его узкая схема оказалась не в состоянии уловить всю сложность того явления, которое он называл «происхождением московского самодержавия».

Рожков стремился объяснить политические перемены социально-экономическими процессами, но и связь политики с экономикой, и сама характеристика социально-экономических процессов отличались упрощенностью. «Зарождение денежного хозяйства с обширным рынком во второй половине XVI в. и сопровождавший его экономический кризис, — писал Рожков, — выразившийся особенно в центре страны, вызвали крепостной социальный строй, перевес средних классов общества, особенно дворянства, и ослабление боярства, ...и в результате всего этого сложилась самодержавная власть московских царей. Основной причиной установления самодержавия является, таким образом, в конечном счете зарождение и первоначальное развитие денежного хозяйства с обширным рынком»².

Итак, основная экономическая причина утверждения самодержавия кроется в зарождении денежного хозяйства, хотя в действительности товарно-денежные отно-

¹ Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке и его влияние..., с. 176.

² Рожков Н. А. Происхождение самодержавия, с. 208.

шения существовали и много раньше, а натуральное хозяйство вовсе не исчезло после XVI в. И в новейшей истории России денежное хозяйство оказывалось у Рожкова истинной «универсальной отмычкой» для решения всей совокупности проблем социально-экономического и политического развития в средние века.

Со времени появления работ Павлова-Сильванского и Рожкова стала утверждаться концепция о том, что в основе перемен в политическом строе, нашедших выражение в государственной централизации, лежал переход от натурального к денежному хозяйству.

Попытки применить экономический фактор для объяснения политических процессов получили в начале XX в. довольно значительное распространение в исторической литературе, однако даже в тех случаях, когда авторы трудов ссылались на учение Маркса, они далеко не всегда имели действительно марксистское содержание. Речь идет, в частности, о направлении так называемого «экономического материализма», представленного «легальными марксистами», которые, как известно, объективно выражали стремление «приспособить» марксизм к социально-политическим потребностям либеральной буржуазии.

Одним из видных представителей «легального марксизма» был П. Б. Струве, который начал с критики народничества, а затем, используя марксистскую терминологию, создал далеко отстоящую от марксизма концепцию социально-экономического развития пореформенной России. Его работы составили опубликованную в 1913 г. книгу «Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв.». В основу характеристики экономического развития Струве брал не способ производства и не само производство, а систему обмена товарами. В результате получалось, что так как помещики, переводя крестьян на барщину, обеспечивали более широкий выход продукции на рынок, барщинное крепостническое хозяйство оказывалось прогрессивным в экономическом отношении. Таким образом у Струве получилось, что отмена крепостного права подрывала наиболее развитое помещичье хозяйство. Причина же отмены крепостного права состояла, по Струве, не в кризисе крепостнической системы, не в росте крестьянского движения, а в строительстве железных дорог, приведшем к форсированному обмену и утверж-

денно денежного хозяйства. Абсолютное игнорирование системы производства и производственных отношений давало Струве «возможность» отрицать значение классовой борьбы в истории.

Другой «легальный марксист» — профессор политической экономии Петербургского университета М. И. Туган-Барановский — занимался историей промышленности. Он так же начинал с борьбы против народничества и так же, как и Струве, в последующем принялся критиковать ряд положений учения Маркса. В 1898 г. вышла в свет его «Русская фабрика в прошлом и настоящем», основанная на широком материале источников и содержащая ценный фактический материал. Туган-Барановский отверг версию об искусственности русской промышленности и развития капитализма в России. Вместе с тем он считал, что марксистское учение о генезисе капитализма неприменимо к России, где этот процесс шел особыми путями. По его мнению, развитие капитализма шло как бы сверху вниз, так как развитие фабричной промышленности порождало мелкое кустарное производство. В свою очередь, фабричное производство вызывалось к жизни прежде всего политической политикой правительства, заботившегося об усилении экономической мощи страны. Признавая неизбежность кризисов капиталистического хозяйства, Туган-Барановский считал, что они являются стимуляторами его развития. Основное противоречие социально-экономического развития пореформенной России Туган-Барановский видел в конфликте между капитализмом и остатками крепостничества, игнорируя глубокий антагонизм, заложенный в самом капиталистическом способе производства, классовую борьбу пролетариата и буржуазии.

Концепции Струве и Туган-Барановского были направлены против марксистского учения о развитии и смене общественно-экономических формаций, против развития классовой борьбы, против социалистической революции. Не случайно оба они оказались в числе активнейших врагов Советской власти после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Весьма характерной для оценки состояния буржуазной и мелкобуржуазной историографии начала XX в. и ее соотношения с общественной практикой являются те работы, которые были посвящены революционному дви-

женно в России. Так, в работах принадлежащего к кадетской партии А. А. Корнилова, посвященных «крестьянской реформе» и общественному движению середины XIX в., затушевывалось революционное содержание деятельности революционных демократов, которые вместе с либералами зачислялись в «единый поток» общественного движения. Идеализируя русский либерализм, Корнилов хотел представить его главной силой этого движения, осуждая «радикализм» Чернышевского. Выхолащивание классовых основ и различий в освободительном движении было характерной чертой либерального его истолкования. Либеральная трактовка истории освободительного движения была присуща другому кадетскому историку — А. А. Кизеветтеру, занимавшемуся также историей русского города XVIII в. В. Я. Богучарский занимался историей народничества и опубликовал много ценного фактического материала. Высоко оценивая героизм народников, Богучарский вместе с тем считал «естественной» эволюцию от революционных методов борьбы к либеральным, которые только и могли, по его мнению, привести страну к освобождению от деспотизма.

Особенно резкие нападки на революционное движение проявились в буржуазной и мелкобуржуазной историографии после поражения революции 1905—1907 гг. Изданный меньшевиками пятитомник «Общественное движение в России в начале XX в.» под редакцией П. П. Маслова, Л. Мартова и А. Н. Потресова содержал попытки обосновать тезисы о том, что крестьянство является реакционной силой¹, что пролетариат не способен к политической борьбе, что будто бы главной силой освободительной борьбы была буржуазная интеллигенция, клеветнически оценивал тактику и деятельность большевиков в первой русской революции. В. И. Ленин назвал эту работу «опportunистической историей русской революции» и указал, что главный смысл ее заключался «в отрицании революционной классовой борьбы социалистического пролетариата вообще и, в част-

¹ В. И. Ленин писал о меньшевиках: «Их чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитанная и «Общественное движение»), что крестьянское движение реакционно». (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 229.)

пости, в отрицании гегемонии пролетариата в «буржуазно-демократической революции»¹.

«Энциклопедией либерального ренегатства» назвал В. И. Ленин² сборник «Вехи», изданный буржуазными либералами в 1909 г. Здесь, как и у меньшевиков, содержалась резко отрицательная оценка крестьянских движений начиная с XVII в. (Струве). В отличие от Корнилова и других они отреклись от следования традициям декабристов и революционеров-демократов. Особенно яростные нападki на революционеров содержались в статье Н. Бердяева, проповедывавшего «христианское смирение» как средство для достижения освободительных целей. На щит поднимались Чаадаев, Достоевский, философ Владимир Соловьев за их поиски истины в религии. Отрицанием исторического значения революционного движения были проникнуты статьи М. Гершензона.

Эти сочинения мелкобуржуазных и буржуазных историков еще ярче показывают кризис буржуазной исторической науки в эпоху империализма, не только ее отрыв, но и противопоставление реальной действительности, объективной общественной практике.

ЛЕКЦИИ 14—15

Возникновение марксистской концепции истории России. Начало ленинского этапа в развитии марксистской историографии

Создание теории исторического материализма К. Марксом и Ф. Энгельсом было самым крупным событием в истории развития познания общества и, следовательно, в истории исторической науки. Распространение материализма на область общественных явлений явилось подлинно революционным переворотом в науке. «Материализм, — писал В. И. Ленин, — дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социоло-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 360 и 45.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 168.

гии отрицали субъективисты... Анализ материальных общественных отношений (т. е. таких, которые складываются, не проходя через сознание людей: обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение) — анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что обще всем им»¹.

Маркс «впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс», материализм сумел «дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее», материализм есть единственное «научное понимание истории»².

Как указывал далее В. И. Ленин, характеризуя сущность сделанного Марксом и Энгельсом теоретического открытия, «идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, .. нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех?»³.

Исключительное значение и в процессе познания общественного развития имеет органически присущий

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

² Там же, с. 139—140.

³ Там же, с. 159.

историческому материализму принцип **марксистско-ленинской партийности**, не имеющий ничего **общего с субъективистской тенденциозностью**, а, **наоборот**, принципиально расширяющий пределы познания объек- реальности в настоящем и прошедшем. Сопоставляя методологические позиции буржуазного объективиста и материалиста, В. И. Ленин писал: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, *какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость...* С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹.

Учение об общественно-экономических формациях неразрывно, органически соединенное с классовым анализом исторического процесса и партийностью в его оценке, является основой материалистического, марксистского понимания истории, открывающего возможность максимально объективного раскрытия ее содержания. Это не значит, конечно, что вся домарксовская социология и историография после открытия исторического материализма могут быть просто отброшены — это неверно, потому что на всем протяжении развития человеческого знания шел процесс раскрытия объективной истины, отдельные стороны исторического процесса и отдельные его внутренние связи находили отражение в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 418—419.

трудах домарксистских историков, как они находят его и у некоторых современных представителей немарксистских направлений в историографии. Но революционизирующее науку значение открытия Маркса и Энгельса, развитого и продолженного Лениным, состоит прежде всего в выработке принципиально нового метода познания общественного развития, и именно такого метода, который открывает «путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»¹.

Противники марксизма и в давние времена и ныне клеветнически утверждают, будто бы марксизм создал систему готовых формул и оценок, к которым требуется лишь «подогнать» или «подобрать» факты. Нет ничего более противоположного научному марксистскому методу исследования, нежели «иллюстративный» метод, против которого многократно выступал В. И. Ленин. «Пример — не доказательство»², — говорил он и резко отвергал прием «выхватывания отдельных фактиков», «игру в примеры», подчеркивая, что «подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев»³. Конечно, марксистская наука выработала ряд принципиальных положений и оценок исторических явлений и процессов, которыми историки-марксисты, естественно, руководствуются в своей деятельности. Но даже в тех случаях, когда подобные оценки уже имеются, они не закрывают, а, наоборот, открывают путь к дальнейшему, еще более углубленному изучению данных явлений и процессов. Процесс познания по природе своей безграничен, исследование исторических явлений и процессов служит также формой утверждения научных истин, ибо критерий общественной практики является ведущим в оценке методологических систем.

В этом отношении весьма характерным является процесс формирования основ марксистской концепции истории России, который начался с трудов К. Маркса и Ф. Энгельса и был блестяще развит В. И. Лениным. Необходимо было применить к русской истории и дей-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 58.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 417.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

ствительности метод, выработанный основоположниками исторического материализма. Именно в письме в Россию, в редакцию журнала «Отечественные записки» Маркс протестовал против попыток его критиков «превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы», и отмечал, что «события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления, но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности»¹. В. И. Ленин писал, что «приложение» теории Маркса «к России может состоять только в том, чтобы, **ПОЛЬЗУЯСЬ** выработанными приемами **МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО** метода и **ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ** политической экономии, **ИССЛЕДОВАТЬ** русские производственные отношения и их эволюцию»².

Первыми эти приемы применили к изучению ряда проблем русской истории К. Маркс и Ф. Энгельс. Исследовательница взглядов Маркса и Энгельса на историю России Р. П. Конюшая³ делит работу основоположников научного социализма над русской историей на два этапа — первый от 40-х до начала 60-х годов XIX в., второй — от этого времени до кончины Энгельса в 1895 г. В течение первого этапа большое внимание истории России уделял Энгельс, которого особенно интересовала военная история России. Маркс занимался преимущественно анализом внешней политики царизма. Круг источников в этот период весьма специфичен — сообщения иностранных авторов о России. Маркс и Энгельс считали тогда Россию крайне отсталой в социально-экономическом отношении страной, оплотом реакции и деспотизма.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 120—121.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 274—275.

³ См.: Конюшая Р. П. К. Маркс и Ф. Энгельс об историческом развитии России. — В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. II. М., 1960, с. 219—258.

потизма, главной опасностью для развития революции в Европе.

Эти идеи развивались в период подъема буржуазных революций в 1848—1849 гг. и особенно в связи с открытыми контрреволюционными акциями царизма в Венгрии, вызвавшими гневное осуждение Маркса и Энгельса.

Анализируя внешнюю политику царской России в 50-х годах, Маркс и Энгельс вскрывали не только ее захватнический и колониальный характер, но и объективно прогрессивную роль России. В письме К. Марксу от 23 мая 1851 г. Ф. Энгельс писал о том, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку..., господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹. В тот период Энгельс и Маркс крайне отрицательно относились к идее славянского единства, поскольку эта идея использовалась в первую очередь реакционными силами «панславизма», среди которых особенно большую роль играл русский царизм.

Энгельс видел, что решение славянской проблемы на территориях, тогда подвластных Турции, может быть достигнуто лишь на путях освобождения славян из-под турецкого владычества, в результате чего образуется независимое славянское правительство, противостоящее царской России.

Большой цикл работ Маркса и Энгельса был связан с Крымской войной. С точки зрения судеб общеевропейской революции они считали наиболее желательным исходом войны поражение царской России. Вместе с тем они глубоко изучали внутреннее положение России. Ход военных действий привел Энгельса к новым суждениям о военной истории России: «Нарва была первым серьезным поражением поднимающейся нации, решительный дух которой учился побеждать даже на поражениях. Инкерман представляется некоторым симптомом упадка в тепличном развитии, пережитом Россией со времен Петра Великого. Искусственный рост и постоянные усилия, которые делались, чтобы поддерживать внешний блеск цивилизации при варварском уровне страны, по-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 241.

видимому, уже истощили ее и заразили ее своего рода чахоткой. Во всех битвах нынешнего столетия, от Аустерлица и Эйлау до Силистрии, русские показали себя отличными солдатами. Их поражения, когда и где бы они ни имели место, вполне объяснимы; эти поражения, может быть, накладывали пятно на репутацию полководцев, но отнюдь не на честь армии. Теперь же положение совершенно изменилось... Как ни странно, русская пехота утратила свою репутацию в битве, в которой каждый русский пехотинец в отдельности дрался, может быть, храбрее, чем когда-либо. Безграничная посредственность, которая была основной отличительной чертой всех операций этой войны как со стороны русских, так и со стороны союзников, нигде еще не проявлялась столь ярко. Каждый маневр и каждый предпринимавшийся шаг приводил к результату, прямо противоположному тому, на который он был рассчитан»¹.

Здесь мы встречаемся со стремлением осмыслить общий характер развития России от начала XVIII до середины XIX в., причем важна оценка Нарвы, как поражения «подымающей нации». Определяется таким образом целый период русской истории, ее новая история. Здесь же содержится очень важная характеристика боевых свойств русских солдат и критическая оценка военного искусства обеих воюющих сторон. Еще в 1853 г., размышляя над возможностью революционной войны против России, Энгельс высказал мнение о трудности завоевания «необозримой, редконаселенной России», вторжение возможно «только на море: у Зунда и Дарданелл, в Петербурге, Риге и Одессе. Это при том условии, конечно, если оставить в стороне также и внутренние движения в России, а, между тем, дворянско-буржуазная революция в Петербурге с последующей гражданской войной внутри страны вполне возможна»².

В последующие годы анализ внутреннего положения России и ее исторического развития все более привлекал внимание Маркса и Энгельса. В 1856 г. Маркс написал памфлет, известный в литературе под разными названиями: «Секретная дипломатия XVIII века», «Тайная дипломатия XVIII века», «Разоблачения относитель-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 565—566.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 487.

но дипломатической истории XVIII века»¹. Цель памфлета — разоблачение, развенчание русского царизма, а также английского правительства. Россия была оплотом политической реакции в Европе. Англия казнила Европу экономически. Маркс не исследовал еще внутренние процессы исторического развития России, основывал свои выводы на знакомстве преимущественно с работами иностранных историков о России, хотя в том же 1856 г. он стал знакомиться и с оригинальными русскими произведениями, такими, как «Слово о полку Игореве». Маркс глубоко оценил смысл этого произведения как «призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов».

В конце 50-х годов Маркс обращается к глубокому изучению социально-экономического и политического положения в России. Нарастание крестьянского движения привлекло особенное внимание Маркса, писавшего о «предстоящем массовом восстании среди сельского населения», о возможности крупных революционных событий. Маркс указывал на значение экономического развития, приблизившего освобождение крестьян. Правда, в этот период еще не сложились связи с революционной русской эмиграцией в лице Герцена. Причиной этому в немалой степени являлась анархическая деятельность находившегося в связи с Герценом Бакунина, причинявшего большой вред международному рабочему движению, возглавленному Марксом и Энгельсом.

Изучив русский язык, Маркс познакомился с работами Чернышевского, которые произвели на него огромное впечатление, а затем и Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Некрасова. Ранее всего Маркс оценил книгу Бervi-Флеровского о положении рабочих в России, о чем речь шла выше. В 70-х годах установились тесные связи с русскими революционерами через русскую секцию I Интернационала. В эти годы Маркс изучил громадное количество экономико-статистических материалов, относящихся к отмене крепостного права и положению крестьянства. Результатом явились исключительно

¹ Работа публиковалась в лондонской газете «Фри пресс» в 1856—1857 гг. Единственная полная публикация была предпринята дочерью Маркса в 1899 г. на английском языке в Лондоне под названием «Secret diplomatic history of the XVIII century». Русский перевод не публиковался.

глубокие суждения о характере отмены крепостного права и социально-экономического развития пореформенной деревни.

Маркс познакомился с книгами многих русских историков, в том числе Карамзина и Костомарова. В 70—80-х годах XIX в. Маркс составил «Хронологические выписки», в которых даны оценки социально-экономического развития страны, отмечены крупнейшие события освободительной борьбы русского народа против иноземных захватчиков, такие, как Ледовое побоище, Куликовская битва и др. Книгу Костомарова «Бунт Стеньки Разина» Маркс законспектировал, проявляя большой интерес к истории народных движений в России.

Особенно большое место в деятельности Маркса и Энгельса в 60—90-х годах заняла оценка перспектив революционного движения в России, в том числе народничества. Не считая фатально predetermined путь к социализму через капитализм, Маркс и Энгельс тем не менее указывали на процесс разложения деревенской общины в России и начавшийся процесс капиталистического развития. Маркс и Энгельс, поддерживая революционные устремления народников, подвергали глубокой критике их общетеоретическую доктрину. Одной из таких работ явилась статья Энгельса «Об общественных отношениях в России» (1875), содержащая глубокий марксистский анализ пореформенного развития страны. Позднее Энгельс писал Даниэльсону: «Нам скоро придется рассматривать вашу общину как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией». Община могла бы стать, по мнению Маркса и Энгельса, исходным пунктом для формирования социализма в России лишь при одном условии — одновременной победе социалистической революции в странах Европы¹.

Труды Маркса и Энгельса положили начало формированию марксистских, историко-материалистических взглядов на историю России, впервые освещали историю России с позиций интересов пролетарской революции и были проникнуты уверенностью в великом революционном будущем России.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 395.

Большую роль в складывании основ историко-материалистического понимания истории России сыграли работы выдающегося марксиста Г. В. Плеханова (1856—1918). Плеханов, основавший группу «Освобождение труда», много сделал для распространения идей революционного марксизма в России. Ему принадлежит перевод «Манифеста Коммунистической партии» на русский язык. Большой заслугой Плеханова явились обоснование и пропаганда теории исторического материализма в таких работах, как «К вопросу о монистическом понимании истории», «К вопросу о роли личности в истории» и др. Плеханов вел энергичную борьбу с народничеством, сторонником которого он был в начальный период своей общественной деятельности. Его работы «Наши разногласия», «Социализм и политическая борьба» и другие развенчивали теоретические и конкретно-исторические положения народнической социологии и историографии, выдвигали тезис о начавшемся развитии капитализма в России, разворачивании классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом.

В области русской истории Плеханов выступил первым, кто начал изучение истории революционного движения рабочего класса, подобно тому как Герцен и Огарев в свое время выступили первыми историками движения декабристов. Работа Плеханова «Русский рабочий в рабочем движении», являющаяся одной из первых сводок фактического материала, кладет начало новой проблематике, которая могла появиться лишь с началом пролетарского этапа революционно-освободительного движения. Перед нами — еще одно проявление связи исторического познания с общественной практикой.

Что касается крестьянства, то его роли в освободительном движении Плеханов недооценивал и тогда, когда он стоял на позициях революционного марксизма (1883—1903). Зато очень большое внимание Плеханов уделял истории общественной мысли, истории освободительной мысли в особенности. Внимание Плеханова привлекали труды Чернышевского, ему удалось дать анализ сходств и отличий мировоззрения Чернышевского, с одной стороны, Маркса и Энгельса — с другой.

Тема истории общественной мысли превалировала у Плеханова над вопросом об истории общественного

движения; это особенно сильно сказалось в его «Истории общественной мысли», написанной уже в меньшевистский период его деятельности. Здесь Плеханов все более отходил от социального, классового анализа общественной мысли, хотя и стремился связать ее с общим ходом истории страны.

Плеханов писал, что «ход развития общественной мысли определяется ходом общественной жизни» и что в этом именно и состоит «основное положение исторического материализма»¹, хотя исторический материализм трактует не зависимость общественной мысли от общественной жизни вообще, а определяет соотношение базисных и надстроечных явлений в ходе становления, развития и смены общественно-экономических формаций. «Ход развития всякого данного общества, разделенного на классы, — продолжал Плеханов, — определяется ходом развития этих классов и их взаимными отношениями, т. е., во-первых, их взаимной борьбой, там где дело касается внутреннего общественного устройства, и, во-вторых, их более или менее дружным сотрудничеством там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений»². Сказанное показывает теоретическую подоплеку той социал-шовинистической позиции, которую занял Плеханов в годы первой мировой войны, порвав тем самым с революционным марксизмом.

Плеханов искал ответа на вопрос о характере исторического развития России и находил его в плоскости отношения русского исторического процесса к «западному» и «восточному». «Россия как бы колеблется между Западом и Востоком, — писал Плеханов. — В течение московского периода ее истории ее особенности по сравнению с Западом достигают гораздо больших размеров, нежели в течение киевского. А после Петра I они опять уменьшаются»³. В этих словах и суждениях Плеханов опирался на некоторые выводы Н. П. Павлова-Сильванского, Н. Д. Чечулина и других ученых.

Критикуя ряд положений Соловьева, Ключевского, Миллюкова как идеалистические, Плеханов конструиро-

¹ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли, т. I. М., 1919, с. 7.

² Там же, с. 11.

³ Там же, с. 10.

вал некоторое собственное представление о ходе русского исторического процесса. По его мнению, «кочевники в лице татар совсем остановили самостоятельное развитие юго-западной Руси и вызвали передвижение центра тяжести русской исторической жизни на северо-восток, где географическая среда оказалась еще менее благоприятной для быстрого роста производительных сил населения»¹, а «борьба с кочевниками, увеличивая власть князя, как военного сторожа, вместе с тем замедляла экономическое развитие Руси, чем мешала возникновению в ней, — за исключением Волыни и Галиции, — влиятельного боярства, способного выставить определенные политические требования, и, в случае надобности, поддержать их силой», в результате чего на северо-востоке произошло «постепенное сближение русского общественного быта и строя с бытом и строем великих восточных деспотий»². Возражая против мнения Соловьева о крайне слабом развитии городской жизни в «деревянной», «деревенской Руси» и опираясь на выводы Чечулина, Плеханов писал, что Московской Руси так же было известно общественное разделение труда, как и другим странам Европы. Но исторические условия их развития были неблагоприятны. «Усиление Москвы привело, наконец, к тому, что великие князья совершенно подчинили наши северо-западные торговые города и положили предел их торгово-промышленному развитию»³. Главное же заключалось в том, что господствовало натуральное хозяйство; в этих условиях служба могла быть обеспечена только землей, а отсюда родилось крепостное право. «Крепостная зависимость крестьян от помещиков, — говорил Плеханов, — явилась, между прочим, юридическим выражением этого, найденного историей, решения»⁴. Плеханов был одним из первых, кто обратил особое внимание на роль государства как крупнейшего «помещика», эксплуатирующего массы закрепощенного им крестьянства.

Отсюда он делал вывод о сближении России с восточными деспотиями, поскольку «подневольный быт

¹ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли, т. I, с. 47.

² Там же, с. 55.

³ Там же, с. 60.

⁴ Там же, с. 64.

русского крестьянства стал, как две капли воды, похож на быт земледельца великих восточных деспотий»¹. Более того, в поддержке крестьянством великокняжеской власти он увидел социальную основу сближения политического строя Московской Руси с восточными деспотиями. «Чтобы обезопасить себя от внешних нападений, — например, от тех же кочевников, которые на северо-востоке не оставляли в покое русского земледельца, — обитатели подобной деревни будут расположены поддерживать всеми зависящими от них средствами усиление центральной власти, сосредоточивающей в своих руках оборону и расширение подчиненной ей территории: чем больше такая территория, тем больше людей может быть привлечено к делу ее обороны. И мы на самом деле видим, что северо-восточные русские крестьяне охотно способствуют увеличению княжеской власти и расширению государственной территории. Знаменитое «собрание Руси» великими московскими князьями могло идти так успешно только потому, что «собирательная» политика пользовалась горячим сочувствием со стороны народа»². Все это больше догадки, чем результат анализа сколько-нибудь обстоятельно изученного материала. Правда, все они идут в русле мыслей, уже высказанных до Плеханова Ключевским и Милуковым, относительно особой, военной функции московской великокняжеской власти. Плеханов попытался переложить эти идеи в плоскость социальных отношений, исходя из своего понимания крестьянства как консервативной исторической категории, основы деспотизма и реакции. Царистские иллюзии крестьянства и заинтересованность народа в безопасности от внешних врагов Плеханов интерпретировал как единство интересов народа и великокняжеской власти.

Плеханов принимал тезис Ключевского, идущий еще от Соловьева, о роли колонизации в русской истории. Этот тезис представал у Плеханова в таком виде: «История России была историей страны колонизовавшейся в условиях натурального хозяйства»³. Колонизация привела к тому, что землевладельцам пришлось отказаться

¹ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли, т. 1, с. 70.

² Там же, с. 74.

³ Там же, с. 82.

от своей оппозиции центральной власти в обмен на меры по закреплению крестьян, и по этой причине политический строй России стал аристократическим, а не деспотическим. Наконец, колонизация в условиях господства натурального хозяйства рассасывала социальные противоречия, поэтому классовая борьба оказалась в России неразвитой и принимала форму стихийных казацких восстаний. Результат — «наша борьба классов, чаще всего остававшаяся в скрытом состоянии в течение очень долгого времени не только не колебала существовавшего у нас политического порядка, а, напротив, чрезвычайно упрочивала его»¹. Конечно, роль классовой борьбы на восходящей стадии классово-антагонистических формаций не сводилась к разрушительному воздействию на их социально-экономическую структуру.

Механизм влияния классовой борьбы на процесс развития и смены формаций сложен, но при всех условиях для революционного марксизма классовая борьба всегда была движущей силой исторического развития общества. Плехановское же понимание классовой борьбы допускало негативное отношение к ней. Несмотря на все несогласие Плеханова с воззрениями Ключевского — Милюкова, а также Павлова-Сильванского и отчасти Рожкова, плехановская концепция находилась в зависимости от них. Но если, например, у Рожкова историческое движение свелось к альтернативе натурального и денежного хозяйства, то у Плеханова — к альтернативе Запада и Востока. Разница с Рожковым состоит в том, что, по Рожкову, московское самодержавие рождается на базе перехода к денежному хозяйству, а у Плеханова — на основе господства натурального хозяйства.

Создание марксистской концепции истории России, основанной на учении общественно-экономических формаций, стало результатом деятельности Владимира Ильича Ленина.

Тема «В. И. Ленин и историческая наука» является поистине неисчерпаемой. Ей посвящены многие труды советских ученых, разработка этой важнейшей пробле-

¹ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли, с. 110.

мы имеет огромное методологическое значение для развития марксистской историографии сегодня¹.

В трудах В. И. Ленина получила дальнейшее развитие марксистская теория познания исторического процесса, обогащенная новым историческим опытом революционной борьбы рабочего класса и крестьянства. Значение работ В. И. Ленина для исторической науки состоит также в том, что в этих трудах нашел последовательное и всестороннее воплощение принцип подхода к анализу исторических явлений и процессов с точки зрения теории общественно-экономических формаций.

Разрабатывая программу революционной социал-демократии в России, В. И. Ленин указал на огромную важность изучения марксистами отечественной истории. По его словам, «только теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата», причем эта теория должна «удовлетворять научным требованиям». Тогда же, решительно отвергая обвинения народнических идеологов в том, что русские марксисты якобы оценивают характер развития страны на основании «абстрактных схем», не учитывая специфики России, В. И. Ленин подчеркивал, что марксисты критерий своей оценки общественных отношений в России «видят совсем не в абстрактных схемах и т. п. вздоре, а в верности и соответствии ее с действительностью»² и что «марксизм не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах русской истории и действительности»³.

Ленин был подлинным эрудитом в вопросах истории. Известно, что еще в гимназические годы он много занимался этим предметом. В 1886/87 учебном году в VIII классе гимназии Владимир Ульянов в первом полугодии среди прочих писал сочинение о Куликовской битве, а во второй половине того же года — «Местничество в древней Руси и табель Петра Великого о рангах», «Влияние книгопечатания на успехи в просвещении»,

¹ См. коллективный труд «В. И. Ленин и историческая наука». М., 1968, а также многочисленные сборники исследований о Ленине-историке и статьи в научной периодике на эту тему, опубликованные в 1970 г. к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 197.

³ Там же, с. 411.

«Происхождение и причины распространения раскола»¹. Мы не знаем, какими материалами, кроме официально-го учебника Иловайского (к которому Ленин на всю жизнь сохранил полное отвращение ввиду его монархической концепции), пользовался гимназист Владимир Ульянов, но известно, что уже в те годы он читал «Вестник Европы», «Русскую мысль», «Отечественные записки», где публиковались статьи и рецензии по историческим вопросам. Да и учебник Иловайского (так называемый «курс старшего возраста») давал довольно обильный фактический материал по истории России. Во всяком случае, неизменная оценка всех гимназических сочинений Ленина — «пять» — свидетельствует об отличном усвоении им конкретного материала. Сохранился билет № 35, который достался Владимиру Ульянову на выпускных экзаменах по истории в гимназии: «Борьба плебеев с патрициями. Воспитание детей в Риме. Богдан Хмельницкий и присоединение Малороссии. Федор Алексеевич. История южных славян в средние века. Разделение церквей в средние века. Елизавета Английская. Карл IV. Причины появления реформации»². По этому весьма насыщенному билету, содержащему самые разнообразные вопросы, Ленин ответил так же блестяще, как и всегда.

Позднее, в 1889—1890 гг., в Самаре при подготовке к сдаче экзамена экстерном в Петербургском университете Ленин изучил громадный круг специальной исторической, историко-правовой и историко-экономической литературы. Он хорошо знал труды Соловьева, Ключевского, Чичерина, Сергеевича, Градовского, Мартенса (по истории международного права), Горчакова (по истории церковного права), Ефименко, Корсака, Семенова, Туган-Барановского (по экономической истории) и многих других авторов³. Замечательной особенностью занятий Ленина было строго критическое отношение к

¹ Волин Б. М. Ленин в Поволжье. М., 1956, с. 28.

² Там же, с. 35—36.

³ См.: Волин Б. М. Указ. соч.; Ульянова-Елизарова Л. Н. Воспоминания об Ильиче. М., 1969; Цвибак М. Владимир Ильич Ульянов на «государственном» экзамене. — «Красная летопись», 1925, № 1/12; Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. Л., 1956; Краткая сводка материалов по этому вопросу — Сахаров А. М. Работа В. И. Ленина над источниками по русской истории. «Вопросы истории», 1970, № 4.

изучаемому материалу, марксистское переосмысление его, выработка нового методологического подхода к нему. Основной формой этих занятий стало составление рефератов, среди них уже в зиму 1889—1890 гг. появился реферат «О феодализме в древней Руси». По свидетельству А. П. Ульяновой-Елизаровой, из самарских рефератов Ленина была составлена знаменитая работа «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В этой работе уже в 90-х годах XIX в. Ленин сформулировал основные положения марксистской концепции русского исторического процесса. Русская история в трудах Ленина впервые представала как закономерная смена общественно-экономических формаций. В то время как большинство историков официального и либерального направлений считали, что Россия имеет свой особый, самобытный путь исторического развития, а многие из них отрицали самую возможность существования всеобщих закономерностей исторического развития, Ленин, применив теорию исторического материализма, показал, что русская история развивалась в соответствии с общими закономерностями всемирной истории. В противовес тезису об отсутствии феодализма в истории России, разделявшемуся почти всеми историками XIX—начала XX в., Ленин показал, что русское крепостничество есть одна из разновидностей феодального типа общественно-экономических отношений. В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894) он употребил термин «феодальный способ производства», как аналогичный понятию «крепостнический способ производства» в России¹. Несколько позднее Ленин назвал отработку крестьян в пореформенной России «прямым переживанием феодального способа производства»² и в ряде работ дал глубокий анализ сущности феодализма, крепостничества в России. Историю России феодальной эпохи Ленин делил на три основных этапа. Первый из них — древняя Русь, применительно к которой «еще можно было говорить о родовом быте»³, но вместе с тем «отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен «Русской Прав-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 247.

² Там же, с. 446.

³ Там же, с. 153.

ды»¹. Ленин указывал, что «крепостничество *может* удержать и *веками* держит миллионы крестьян в забитости (например, в России с IX по XIX век)»². Ленин считал общественный строй древней Руси феодальным, с некоторыми пережитками «родового быта», решительно отвергая концепцию Ключевского о торгово-ремесленном характере древнерусской экономической жизни³. Второй этап — средние века, «эпоха московского царства», когда русские земли уже объединились в одно государство, но «о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.». Ленин пронизательно отметил, что политическое объединение русских земель не было еще подкреплено их экономическим единством и тем самым дал ключ к пониманию острых политических конфликтов в Российском государстве XVI в. Термина «централизованное государство», многократно употреблявшегося Лениным в связи с развитием буржуазных отношений, по отношению к средневековому Российскому государству, Ленин не применял. Ленин отметил также основной процесс социально-экономического развития России XVI в. — «помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест»⁴, т. е. процесс вовлечения масс населения в крепостную зависимость, процесс формирования системы крепостного права.

Третий этап — новый период русской истории (примерно с XVII в.). Этот период концентрации мелких рынков в один всероссийский рынок, на основе чего произошло «действительно фактическое слияние... областей, земель и княжеств в одно целое». «Руководителями и хозяевами этого процесса» Ленин назвал «капиталистов-купцов», а самый процесс «созданием национальных, буржуазных связей»⁵. XVII век Ленин брал в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 314.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 237.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 628.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153.

⁵ Там же, с. 153—154.

качестве исходного рубежа для анализа процесса развития капитализма, отмечая в этом столетии как развитие крепостнических форм хозяйства, так и зарождение буржуазных элементов в сфере обращения — вния торгового капитала. Применение крепостного труда в промышленности Ленин считал самобытным явлением русской истории и отмечал, что в свое время крепостное право «служило основой высшего процветания Урала...»¹, впоследствии оно стало главной причиной его технического застоя.

В свете развития элементов новых общественных отношений и крепостнических методов политики Ленин оценивал реформы Петра I как важный этап на пути «европеизации» (т. е. обуржуазивания) России². «Петр ускорил перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»³. Указывая на процессы социально-экономического развития России в феодальную эпоху, Ленин отмечал ее «безграничную отсталость»⁴, причиной которого являлось длительное господство крепостничества, существовавшего в России «в самых грубых, азиатских формах»⁵; в свою очередь, это оказало свое влияние и на ранние формы «средневекового» капитализма⁶. С зарождением буржуазных элементов Ленин связывал эволюцию государственного строя России от монархии с боярской думой и боярской аристократией XVII в. в сторону буржуазной монархии — процесс, так и не закончившийся вплоть до свержения царизма. Рассмотрению русского самодержавия, абсолютизма, вскрытию его социально-политической сущности как диктатуры дворян-помещиков Ленин посвятил ряд своих работ.

Проследивая историю классовой борьбы народных масс и указывая в этой связи на крупнейшие народные движения XVII—XVIII вв., Ленин впервые создал периодизацию русского революционно-освободительного движения XIX—XX вв., органически связав ее с классо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 485.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 371.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 301.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 322.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 447.

⁶ См.: там же, т. 1, с. 333; см. также т. 1, с. 490.

вым составом участников движения. В статьях «Из прошлого рабочей печати в России», «Памяти Герцена» и «Роль сословий и классов в освободительном движении» Ленин указал на дворянский, разночинский и пролетарский этапы революционного движения. Крупной теоретической заслугой Ленина явились разработка вопроса о революционной ситуации и применение его к истории России в XIX — начале XX в. В трудах Ленина во всей сложности предстал объективный процесс развития и смены общественно-экономических формаций и роль революционной борьбы в этом процессе.

Впервые в исторической науке Ленин с марксистских позиций исследовал весь процесс формирования и развития капиталистических отношений в России. Классический труд «Развитие капитализма в России» был основан на глубоком исследовании обширного материала, содержал всестороннюю характеристику развития капитализма в промышленности и сельском хозяйстве, давал исчерпывающее решение запутанного народническими теоретиками вопроса о рынке и расслоении крестьянства. В этой работе Ленин дал ясные и четкие критерии для определения характерных форм товарного производства, показал всю сложность и противоречивость переплетения крепостнических и капиталистических отношений в экономике пореформенной России, влияние остатков крепостничества на темпы и характер капиталистического развития и вместе с тем пришел к всесторонне обоснованному выводу о том, что Россия стала капиталистической страной.

В этой связи огромное теоретическое значение имеют данный Лениным анализ предпосылок падения крепостного права в России и оценка значения этого события в процессе превращения страны из крепостнической в капиталистическую («Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», «По поводу юбилея» и др.). Ленин впервые указал на обстановку революционной ситуации, предопределившей падение крепостного права. Характеризуя крестьянскую реформу как буржуазную по своему объективному социально-экономическому содержанию, Ленин указал, что она была проведена крепостниками, сопровождалась массовым ограблением крестьян и сохранением многочисленных крепостнических пережитков. Крупнейшее теоретическое и практически-политическое значение имело обоснова-

ние Лениным вопросов революционного движения рабочего класса и крестьянства. Исследуя историческое развитие России в новейшее время, Ленин пришел к выводу о разгорании начиная уже с XIX в. двух социальных войн в стране — борьбы крестьян против помещичьего землевладения и борьбы рабочего класса против капиталистической эксплуатации. В этой связи Ленин пристально изучал рабочее и крестьянское движение в России конца XIX — начала XX в., выступив крупнейшим марксистским исследователем этой проблемы.

С особенной глубиной в трудах В. И. Ленина проанализированы пролетарский этап революционного движения, история создания и революционной борьбы большевистской партии, преодоления оппортунизма и ревизионизма в рабочем движении. Ленин дал глубоко научную оценку предпосылок, характера, движущих сил буржуазно-демократической революции в России в 1905—1907 гг. («Две тактики социал-демократии в демократической революции» и многие другие работы).

Историческая концепция Ленина развивалась в органической связи с ходом революционного процесса. События первой русской революции 1905—1907 гг. новым светом осветили многие явления социально-экономической и политической истории России нового времени. Марксистский анализ этих явлений был углублен и развит Лениным на основе исторического опыта первой русской революции. В этом нашла проявление специфическая закономерность марксистской, революционной исторической мысли, для которой революционные события и процессы являются мощным творческим импульсом. Как отмечал Ленин, именно события первой русской революции поставили во весь рост вопрос не о капитализме вообще (этот вопрос был решен марксистами еще в споре с народниками в конце XIX в.), а вопрос о двух путях развития капитализма в деревне — «прусском» и «американском», борьба между которыми возникла уже с отменой крепостного права и достигала теперь, в начале XX в., особенной остроты¹. Ленин определил теснейшую историческую взаимосвязь между отменой крепостного права и революцией 1905—1907 гг.: «1861 год породил 1905»². Период 1861—1905 гг. Ленин

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 228.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 177.

характеризовал как период «усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху»¹.

«19-ое февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной, России, выраставшей из крепостнической эпохи. Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию...

В революции 1905 года те две тенденции, которые в 61-м году только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении *масс*, в борьбе *партий* на самых различных поприщах, в печати, на митингах, в союзах, в стачках, в восстании, в Государственных думах...

Тенденции демократическая и социалистическая отделились от либеральной и размежевались друг от друга»².

Сочинения В. И. Ленина содержат глубокий и все-сторонний анализ классовой борьбы и политического развития России в период после революции 1905—1907 гг., расстановки классовых сил. Ленин исследовал характер третьеновской монархии, столыпинской аграрной реформы, показав как развитие эволюции государственного строя России в сторону буржуазной монархии, так и назревание новой революционной волны, неизбежность социалистической революции. В этой связи Ленин обращал особенное внимание на ведущую роль пролетариата, ставшего гегемоном в революции 1905—1907 гг. и возглавившего революционную борьбу народных масс в дальнейшем. Выдвижение пролетариата на роль гегемона в революционно-освободительном движении было теснейшим образом связано с особенностями социально-экономического развития, быстрыми темпами роста капиталистических отношений. В России, писал Ленин, «в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»³. Результатом было невиданное ускорение роста промышленного пролетариата, закономерно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 38.

² Там же, с. 174—175, 176—177.

³ Там же, с. 174.

ставшего во главе революционного процесса в России, в то время как буржуазный либерализм эволюционировал вправо, в сторону поддержки абсолютизма.

Громадной заслугой Ленина в области теории и практики революционной борьбы явилось создание им учения об империализме («Империализм, как высшая стадия капитализма») и последовавший из него принципиально новый вывод о возможности первоначальной победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране. Ленинский анализ империализма имеет первостепенное значение для раскрытия глубоко объективных предпосылок победы социалистической революции в России. Маркс и Энгельс отмечали в конце XIX в. начавшийся процесс перемещения центра революционного движения в Европе в Россию. Ленин показал возникшую в ходе революции 1905—1907 гг. авангардную роль российского пролетариата в международном пролетарском революционном движении.

Ленин подверг глубокому марксистскому анализу на основе теории империализма причины и характер первой мировой войны, внешнюю политику русского царизма и русской империалистической буржуазии, определил задачи революционного пролетариата, вытекавшие из условий мировой войны. В статье «О национальной гордости великороссов» Ленин четко сформулировал понятие пролетарского интернационализма и революционного патриотизма. Работы Ленина по национальному вопросу содержали тщательный, последовательно исторический анализ вопросов о происхождении наций и соотношении национального вопроса с пролетарским революционным движением.

В трудах Ленина разработаны многие вопросы всеобщей истории мирового коммунистического и рабочего движения. Для историков-марксистов неоценимое значение имеют работы Ленина в области теории исторического материализма, такие, как «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», где содержатся важнейшие положения материалистической теории отражения. Ленин представлял своими трудами образцы подлинного научного, творческого отношения к историческому материалу.

Работы Ленина заложили твердую методологическую основу для марксистского исследования истории России.

Вопросы русской истории рассматриваются в дореволюционных работах большевиков — теоретиков и публицистов — в связи с анализом классовой природы русского самодержавия, а также разработкой национальной программы ленинской партии.

В 1910 г. вышла работа М. С. Ольминского (М. Александрова) «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России», которая рисовала классовую природу русского самодержавия, что было принципиально направлено против буржуазной и дворянской историографии. Вместе с тем В. И. Ленин отметил принципиальную ошибку Ольминского, выразившуюся в том, что «классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и «бюрократии», от Николая II до любого урядника. Эту ошибку — забвение самодержавия и монархии, сведение ее непосредственно к «чистому» господству верхних классов — ...делают некоторые отдельные писатели (например, М. Александров), делает ушедший к ликвидаторам Н. Р-ков»¹; «Забвение громадной самостоятельности и независимости «бюрократии» есть главная, коренная и роковая ошибка, например, М. Александрова в его известной книжке»².

В связи с выходом книги Ольминского с большой статьей в журнале «Просвещение» по поручению В. И. Ленина³ выступил В. В. Воровский. Он подверг развернутой критике позицию М. С. Ольминского, высказав ряд важных методологических положений. «От марксиста, изучающего русскую историю, — писал Воровский, — мы вправе ждать: во-первых, приложения марксистской методологии к материалу русской истории, во-вторых, конкретного анализа этого материала. В этом завет Маркса. Между тем у Александрова мы совершенно не видим конкретного анализа...»⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 32. «Н. Р-ков». — Н. А. Рожков.

² Там же, с. 58.

³ См.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III, с. 191.

⁴ Воровский В. В. О природе абсолютизма (по поводу книги М. Александрова «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России»). — «Просвещение», 1912, № 3—4.

В той же статье Воровский писал: «Точный, научный анализ всех тех обстоятельств, которые создали в России сильную централизованную абсолютную власть, получившую возможность громадного расширения своих полномочий, ждет еще своего исследования, быть может целого ряда исследований»¹.

Годом позднее в том же журнале «Просвещение» выступил со статьей «Национальный вопрос и социал-демократия» И. В. Сталин². Рассматривая проблему генезиса наций и национальных государств, Сталин отметил, что «в то время как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились межнациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия... В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию... Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план национальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации»³.

В этой работе в общей форме была поставлена проблема предпосылок возникновения многонационального характера государства в России.

Марксистская разработка вопросов истории России в дореволюционное время заключалась не только в теоретических и публицистических работах выдающихся большевиков. Марксистская историография уже выдвинула в этот период крупного профессионального историка — М. Н. Покровского (1868—1932). Его крупные обобщающие труды, основанные на кардинальнейшей в сравнении с дворянской и буржуазной историографией

¹ Воровский В. В. Соч., т. I. М., 1933, с. 26.

² В 1914 г. эта статья была напечатана отдельной брошюрой в издательстве «Прибой» под названием «Национальный вопрос и марксизм», начиная с публикации 1934 г. получила название «Марксизм и национальный вопрос».

³ См.: Сталин И. В. Соч., т. 2, с. 303—304. Работа получила высокую оценку В. И. Ленина. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 169.

переоценке узловых проблем русской истории, сыграли в скором времени виднейшую роль в становлении советской исторической науки, начальный этап становления которой невозможно понять и осветить вне концепции Покровского. Эта концепция в советское время продолжала развиваться. По этой причине рассмотрение трудов и взглядов Покровского целесообразно отнести ко второй части настоящего курса, посвященной советской историографии.

Здесь же необходимо отметить характерную черту исторической концепции Покровского, в которой воплотился принципиально новый тип отношения историка к историческому материалу — его изучение с позиций революционного пролетариата.

Дворянско-буржуазная историография начала XX в. не имела недостатка в разнообразии взглядов на характер исторического развития России и, соответственно, на ее современное состояние. При всем этом она служила объективно и субъективно такому осмыслению истории и современности, которое отвечало интересам господствующего класса капиталистов и помещиков и было направлено на предотвращение революции. Все направления буржуазно-дворянской историографии начала XX в. оказались не в состоянии оценить значение выступления пролетариата на историческую арену, его революционной борьбы, назревания объективных предпосылок и условий победы социалистической революции. Это был уход из мира исторической реальности в мир теоретических иллюзий, разрыв с реальной общественной практикой и, следовательно, идейно-теоретический кризис буржуазно-дворянской историографии, столь свойственный эпохе империализма. Пройдет совсем немного времени и видный теоретик буржуазной историографии начала XX в. Р. Ю. Виппер в своей лекции в Казани должен будет заявить, что «произошло все как раз обратно предвидению теории, — мы притягивали историю для объяснения того, как выросло Русское государство и чем оно держится. Теперь факт падения России (так Виппер тогда оценивал победу Великой Октябрьской социалистической революции. — А. С.), наукой (естественно, буржуазной. — А. С.) весьма плохо предусмотренный, заставляет историков проверить свои

суждения. Он властно требует объяснения, надо найти его предвестия, его глубокие причины, надо неизбежно изменить толкования исторической науки»¹. В канун величайшей революции наука господствующих классов естественно и закономерно оказалась глубоко чуждой самому ходу истории.

Но в России уже была такая историография, которая не только «предусмотрела» победу социалистической революции, но и самым активным образом участвовала в ее идеологической и теоретической подготовке. Это была марксистско-ленинская историческая мысль, которая воедино связала осмысление истории и действительности как неразрывную составную часть боевой программы революционной социал-демократии. Родина ленинизма — Россия — стала родной марксистско-ленинской исторической науки, познавшей действительные закономерности общественного процесса во всей их глубине и многоплановости. Используя лучшие достижения науки прошлого, критически переосмыслив их, марксистская историография уже в дореволюционное время теснейшим образом связала историю с делом социализма и коммунизма, и лишь на этом столбовом пути исторического развития человечества стало возможным подлинно научное изучение всего хода истории.

¹ Винер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921, с. 30 и 3.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Предисловие</i>	3
<i>Лекция 1.</i> Задачи, предмет и метод историографии	4
<i>Лекции 2—3.</i> Возникновение исторических знаний и их развитие в донаучный период (с древнейших времен до второй половины XVII в.)	17
<i>Лекции 4—5.</i> Превращение исторических знаний в науку. Формирование дворянской историографии (конец XVII — середина XVIII в.)	44
<i>Лекции 6—7.</i> Развитие дворянской и зарождение буржуазной историографии. Возникновение революционной исторической мысли в России (вторая половина XVIII — первая четверть XIX в.)	71
<i>Лекции 8—9.</i> Дворянская и либерально-буржуазная историография второй четверти и середины XIX в.	102
<i>Лекция 10.</i> Революционно-демократическое направление в историографии (середина XIX в.)	143
<i>Лекции 11—12.</i> Дворянская, либерально-буржуазная, мелкобуржуазная историография после отмены крепостного права (вторая половина XIX в.)	160
<i>Лекция 13.</i> Идеино-политический кризис дворянской буржуазно-либеральной историографии в период империализма	208
<i>Лекции 14—15.</i> Возникновение марксистской концепции истории России. Начало ленинского этапа в развитии марксистской историографии	229

Анатолий Михайлович Сахаров

Историография истории СССР Досоветский период

Редактор А. С. Яикова. Художник А. К. Зефирков.
Художественный редактор Т. А. Коленкова. Технический редактор Л. А. Муравьева. Корректор Т. М. Воротишкова
ИБ № 1251

Изд. № Ист—175 Сдано в набор 16.05.77.
Подп. к печати 17.01.78. А-10122 Формат 84×108²/₃₂.
Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Объем 13,44 усл. печ. л. 14,19 уч.-изд. л.
Тираж 20 000 экз. Заказ 2744. Цена 75 коп.

Издательство «Высшая школа».

Москва, К-51, Песчаная ул., д. 29/14

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при
Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
Хохловский пер., 7.

